

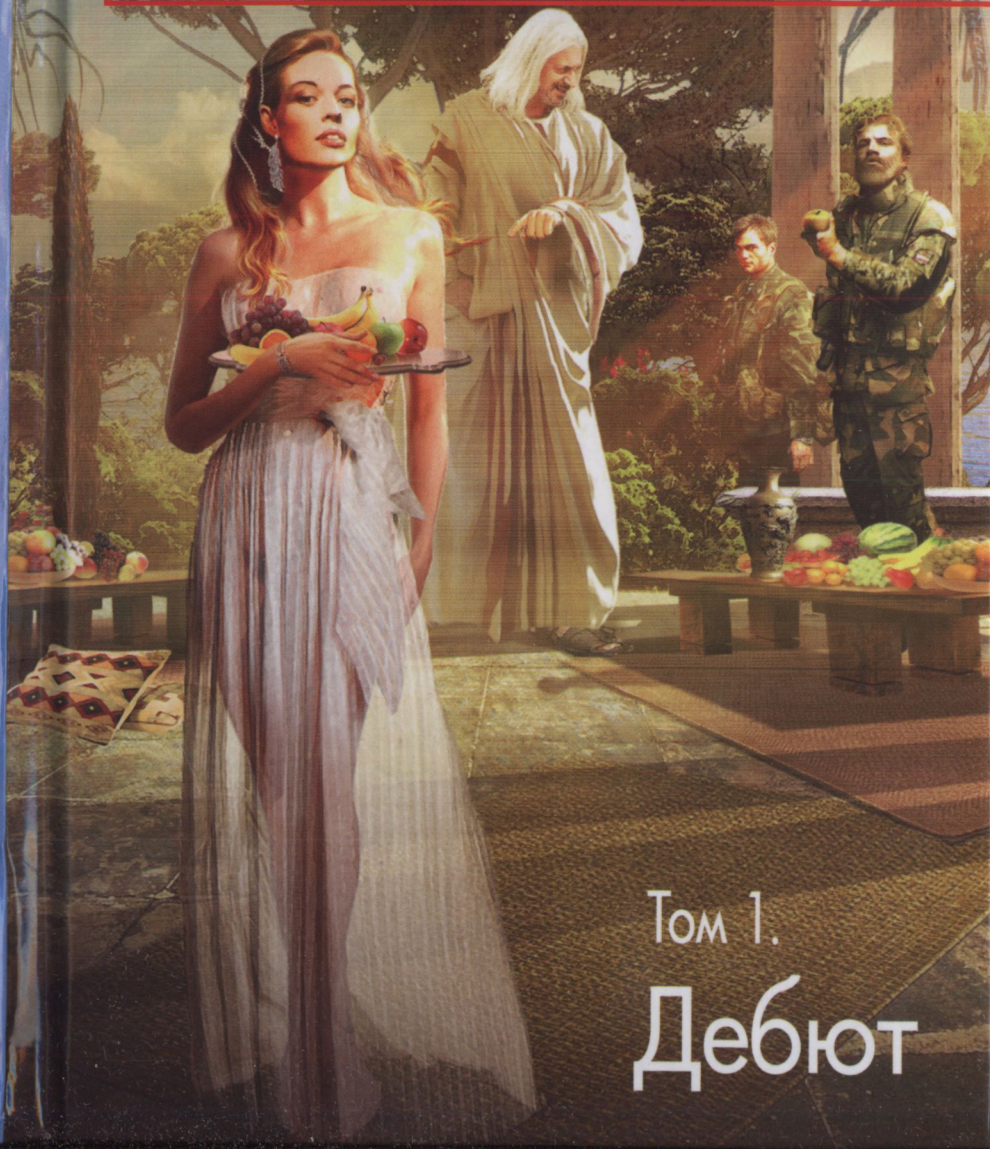

ВАСИЛИЙ
ЗВЯГИНЦЕВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ФАЗОВЫЙ ПЕРЕХОД

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ
ФАЗОВЫЙ ПЕРЕХОД Том 1. Дебют

Том 1.
Дебют

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

Одиссей покидает Итаку

Бульдоги под ковром

Разведка боем

Вихри Валгаллы

Андреевское братство

Бои местного значения

Время игры

Дырка для ордена

Билет на ладью Харона

Бремя живых

Дальше фронта

Хлопок одной ладонью

Скорпион в янтаре (в 2 тт.)

Ловите конский топот (в 2 тт.)

Скоро полночь (в 2 тт.)

Мальтийский крест (в 2 тт.)

Не бойся друзей (в 2 тт.)

Большие батальоны (в 2 тт.)

Величья нашего заря (в 2 тт.)

Para Bellum

(в соавторстве с Геннадием Хазановым)

ФАЗОВЫЙ ПЕРЕХОД

Том 1. Дебют

Том 2. Миттельшпиль

ВАСИЛИЙ
ЗВЯГИНЦЕВ

ФАЗОВЫЙ ПЕРЕХОД

Том 1.
Дебют

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-45

Оформление серии *Е. Савченко*

Серия основана в 2003 году

Иллюстрация на переплете *А. Дубовика*

Звягинцев, Василий Дмитриевич.

3-45 Фазовый переход. Том 1. «Дебют» : [фантастический роман] / Василий Звягинцев. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 416 с. — (Русская фантастика).

ISBN 978-5-699-87675-4

И вечный бой... Это про них. Про основателей «Андреевского братства» и тех, кто поверил и пошел за ними по мирам, временам и реальностям. Стоило операции на «Земле-2» подойти к своему завершению и группе рейнджеров во главе с Андреем Новиковым и Александром Шульгиным принять решение о возвращении «домой», как выяснилось, что причиной главных катаклизмов были не только и не столько атаки дуггуров, сколько вмешательство таинственной третьей силы. Так что «отпуск» обещает быть кратким и насыщенным — время не ждет, как не ждут и события, запущенные однажды волей тех, кто смог взять на себя, как бы это громко ни звучало, ответственность за судьбу человечества.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-87675-4

© Звягинцев В., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

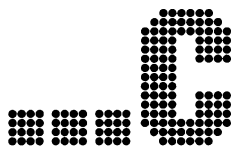
Путешественник по времени (будем его так называть) рассказывал нам самые странные вещи.

Г. Уэллс

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Из записок Андрея Новикова

Ашка спросил меня: «А как там у нас, интересно, с раскладом по времени? Отстаем мы сейчас от реала или обгоняем?» — и я вдруг ощутил такое яркое и отчетливое дежавю! Не вспомню точно, в какой момент и в какой по счету «параллели», но было это уже. Именно так он и спросил, глядя прямо на меня, но словно и мимо, будто поглощенный совсем другими мыслями. И сейчас, как и тогда, я удивился этой отстраненности, как и бессмысленности риторического вопроса. Кто же это может знать? Не придумано еще таких синфазных хронометров-компараторов, чтобы показывали сравнительный ход времени в разных реальностях. Даже Антону с его Замком такое не под силу, насколько мне известно.

— Да какая разница? Ничто нас не лимитирует, — ответил я, глядя на медленно встающие у горизонта мощные кучевые облака, кумуло-нимбусы они, кажется, по-научному называются. Предвещают обильные ливни, грозы, шквал, град...

Даже и здесь, в мире высочайших биотехнологий, погода никому не подвластна. А в нашем детстве каждая вторая фантастическая книга по-

вествовала именно о достижениях в области практической метеорологии. Кларк в своих «Чертах будущего», написанных в шестьдесят втором году, полное управление погодой намечал на первое десятилетие нашего теперь уже двадцать первого века.

— Да как сказать, — чуть скривил губы Шульгин. — Не очень бы хотелось мартиновского «Гостя» изобразить¹. В близком, ростокинском будущем мы еще кое-как адекватны, а лет через двести — сильно сомневаюсь...

— Какие-то основания есть к подобным предположениям? — спросил я, отчего-то вдруг почувствовав неприятное внутреннее напряжение. У нас с Сашкой интуиция довольно хорошо развита, но у него — лучше, особенно на всякие пакости. Такой вот природный дар, усовершенствованный долгим общением с Удолиным и совместными с некромантом выходами в астрал.

— Какие могут быть в нашем деле основания? — почти равнодушно спросил Шульгин. — Просто на ум пришло. Ассоциативно. Тот раз, общаясь с дуггурами, на своей, считай, территории, и то проскочили вперед на два месяца. А здесь, в самом логове, бог знает, какие завихрения наличествуют. И связи с «Валгаллой» третью неделю нет...

Связи действительно не было. С самого момента, когда Удолин ухитрился выпрыгнуть за борт, образно выражаясь, прихватив с собой Ларису, а я в последний момент вывернулся, удержался по

¹ Имеется в виду Д. Волгин, герой романа Г. Мартынова «Гость из бездны», воскрешенный потомками через две тысячи лет после смерти в конце 1950-х годов (Лениздат, 1962 г.).

эту сторону рамки. Вместе с «ангелочком». Правильно сделал, как оказалось.

Вообще, тогда тоже получилось как-то странно. Я сейчас на страницах этого дневника, с пером в руке старательно пытаюсь реконструировать события, непосредственно предшествовавшие «приходу полночи»¹ и самого «первого контакта». Но получается плохо. Даже с помощью непосредственных очевидцев и участников — Шульгина, Ростюкина, Антона. Удивительно, но и Антон со своим нечеловеческим в принципе мозгом и спецподготовкой ксенодипломата как-то странно «путался в показаниях».

Опять Ловушки, причем для каждого своя, или просто случилась деформация пространства-времени, наложение нашего поля СПВ на то, что одновременно включили дуггуры, произвело такой эффект?

Нечто похожее, кстати, произошло с моей памятью (или окружающей действительностью), когда при нашей с Сашкой попытке перехода с кавказской дачи в Замок через астрал по методике Удолина Александр с Константином долетели благополучно, а меня то ли на секунду, то ли на бесконечно длинный день забросило в бывший город Ворошиловск, разрываемый между несколькими эпохами.²

Тут момент «наступления полночи» тоже оказался связан с присутствием в непосредственной близости от меня того же пресловутого профессо-

¹ См. роман «Скоро полночь».

² См. роман «Хлопок одной ладонью».

ра. Он словно катализатором всякой несуразицы подрядился работать. До меня только здесь доходить стало, сколько подобных моментов было, а мы их сопоставить и оценить не удосужились.

Свела нас с ним судьба в тайном узилище Яши Агранова, и градус чертовщины с того момента резко подскочил¹. (А смешно написалось! То есть подсознательно все, с нами происходившее, помимо Удолина, я расцениваю как «твердую НФ», а стоит в сюжете возникнуть этому мистическому деду, и повествование срывается в банальное фэнтези.)

И в этот раз, теперь это очевидно, как только закончился разгром дуггурского «Дома Советов» и появился «ангелочек», а вслед за ним и Лариса, срочно вызванная с Земли, с Удолиным что-то произошло. Он словно шаманских грибов переел. Запаниковал, начал галлюцинировать и пророчествовать. Хотя только что разговаривал и вел себя вполне разумно. И даже мужественно.

«Вий приближается... Совсем скоро полночь... Часы начинают бить... Пятый удар, кажется...»

— Какая, на хрен, полночь? — возмутился я в ответ на этот бред, сам еще не вполне оправившись от контузии. — Утро в разгаре...

— Это здесь утро, а там...

Ростокин собрался направить «ангелочка», которого мы решили использовать как заложника в переговорах с «высочайшими», в портал, ведущий на «Валгаллу», и в этот момент Константин Васильевич, не соблюдая больше никаких правил этикета

¹ См. роман «Разведка боем».

и субординации, изо всех сил толкнул меня в сторону окруженной сиреневым ободком рамки прохода. Не Ларису толкнул, не пленника — меня!

Я подобного не стерпел. Это что же получается, капитан первым покидает терпящее бедствие судно?

Удолин хоть мужик крепкий, жилистый, но масса у меня побольше и реакция с координацией лучше. Я выставил руку, и ладонь уперлась в твердое. Удивительное дело, снаружи рамки портала пустота, внутри тоже, а сама она (ее светящаяся кромка) твердая, причем не стальной прочности, а будто чуть упругая, ну вот как край тракторной крыши. От «Кировца». Я еще чуть добавил импульса и пролетел мимо проема, ведущего в броневой отсек «Валгаллы», а Константин так в него и ухнул, как парашютист в самолетный люк. Следом за ним, с интервалом в секунду, Сашка совсем неделикатным толчком двумя руками в часть тела несколько ниже талии буквально вышвырнул Ларису. (Хорошо, если она там приземлится на некроманта, а не на твердую, да еще и уставленную всякими железками палубу).

А Ростокин, которому было поручено препроводить туда же пленника, уже не успел. Канал закрылся сам собой, Левашов ни за что не стал бы без предупреждения отрезать нам путь к отступлению. Значит, это сделали или силы природы, или хозяева этой Земли — «высочайшие».

Как впоследствии и подтвердилось. Не могли они допустить, чтобы мы их «мальчика» с собой забрали. Да и с нами желали продолжить общение, начатое столь эффектно.

Впрочем, мы и не собирались никуда отступать. Видимой опасности, кроме коричневой, уже рассеявшейся тучи, пока не было, сынок кого-то из «высочайших» вел себя спокойно, с тупым недоумением глядя на происходящее. Похоже, профессор наш как бы ни с того ни с сего панику поднял. Да если б опасность и была, нам что, самим спасаться, торопливо выпрыгивая в портал, а капитана Ненадо с его взводом тут оставить? Они, конечно, ребята на все готовые, знали, куда шли, и выбраться как-нибудь сумели бы. Аскольд знал, как с «медузой» управляться, но неизвестно, смогла бы она долететь до Земли после смерти пилотов.

И вообще не в этом дело — люди на нас, отцов-командиров, полностью полагались, с самого двадцатого года, и вдруг бы мы сбежали, а их бросили...

В итоге остались мы стоять рядом с флигером, напротив полуразрушенного Дома Советов. Шульгин, Ростокин, Антон, я и робот Артем. А также Виктор Скуратов, к подобным «вариантам» нашей жизни до сих пор не привыкший как следует, но дисциплину понимающий. Отчего и просидел все предыдущие бурно-бестолковые минуты, как и было приказано, на заднем сиденье флигера, даже и не подумав героизмовать, как остальные. Логик, что скажешь. Сейчас он вылез наружу и оглядывался по сторонам, заново оценивая обстановку.

Ну и «ангелочек» этот, еще более растерянный и недоумевающий от всего произошедшего — внезапного появления «девушки своей мечты», вдруг случившейся суматохи, похожей на панику, столь

же мгновенного исчезновения Ларисы. Он, похоже, и не понял, что означала эта стремительная смена декораций. Да и не до отвлеченных мыслей ему было. Запал сексуальный, Ларисой вызванный, у него пройти не успел. Тога белоснежная и полупрозрачная прямо на голое тело была надета и степень его боеготовности с того ракурса, что я на него смотрел, почти не скрывала.

Помню, мысль у меня мелькнула: «Будь я на месте Ларисы, неужели взаимность бы почувствовал, увидев такой прибор? Скорее, испугался бы...»

Да, честно сказать, и мы в тот момент мало что сообразить успели. Просто у нас привычка к сюжетам с вариациями была, так что для стороннего наблюдателя «лицо сохранили». И инициативу, разумеется.

Там Удолин что-то насчет «их спецназа», идущего за нами, кричал? И про Вия вдобавок. Ну, пусть приходят. Едва ли на нас нечто неразумное, вроде инсектоидов, спустят. Не тот случай. Так что сейчас этот двухметровый красавчик с гиперсексуальностью и нездоровым влечением к чужим женщинам очень нам может пригодиться. Естественно, как заложник.

«Отцы», кем бы они ни были, натаскивающие недорослей на земных девушек, скорее всего, относятся к «сынкам» с подобающей степенью родительской любви. И должны бы ими весьма дорожить, даже и из прагматических соображений — численность «высочайших» наверняка невелика, если даже собственных женщин им для нормального размножения и поддержания генетического разнообразия не хватает.

Только в этом наш шанс, так что на «ангелочка», кроме трех автоматных стволов, был направлен еще и пулемет Артема. Этот ни при каком раскладе не промахнется. Да и Антон на многое способен. Только выглядел как-то... Отстраненно, я бы сказал.

Сашка щелкнул танкетой рации.

— Слушаю, Александр Иванович, — тут же отозвался капитан Ненадо.

— Все видел?

— Больше половины. Лихо вы им вдалили. Наши все целы?

— Целы, целы, — успокоил капитана Шульгин. — Даже пленного взяли. Из самых главных.

— А теперь что? Отступать к нам будете, или я начну выдвигаться?

— Не спеши, Игнат Борисович. Покумекать надо. Связь у нас с Землей отрубилась. И есть предположение, что сейчас еще кое-что начнется. Так что продолжайте наблюдать по старой диспозиции. И пусть Аскольд с тыла вас прикрывает. Мы тут выяснили — здешние обитатели наших роботов не чувствуют. Так что в случае чего у него преимущество. Думаю, к нам сейчас парламентареры выйдут, поэтому просто смотрите и не вмешивайтесь. Знаешь, вы бы под броню лучше укрылись. Вдруг опять каких-нибудь паукообразных на вас натравят. Но огонь открывайте только в самом крайнем случае. Большой риск недоразумений, сам понимаешь, раз не с людьми дело имеем.

Если с нами вдруг... Ну, сам понимаешь, очевидно и достоверно все произойдет, пусть Аскольд пробует, прежде чем «медузой» займется, с «Валгаллой» по своим каналам связаться. Есть у него

специальные. Свяжетесь — доложите Левашову или Воронцову, и дальше по обстановке. Если нас отсюда живых куда-то заберут — ждите. У Артема по-любому с Аскольдом связь сохраняться должна... Понял?

— Так точно, — ответил прошедший две большие войны, не считая «инцидентов», капитан. Без всяких сентиментальных: «Да о чем вы говорите?», «Все будет хорошо» и тому подобных успокоительных формул. — Сделаем, не сомневайтесь.

Последние слова обозначали все сразу. И что по возможности нас поддержат «огнем и колесами», и что отступят в нужный момент, если иного выхода не будет и ретирада окажется возможной.

Шульгин отключился, посмотрел на меня. Я кивнул, все, мол, верно сказал. Только сейчас-то что делать? Так и стоять посреди бетонки, словно голеньким? На месте хозяев вполне свободно можно отрядить пяток всего лишь снайперов — и нам амбец, а паренька своего получают целым и невредимым. Впрочем, это вряд ли. Что робота никаким пулевым оружием быстро не свалить, хоть земным, хоть монстровской «митральезой», дуггуры наверняка уже в курсе. Он «ангелочка» свободно успеет из «ПКМ» почти в упор на лоскуты порвать. Что-то менее избирательное для освобождения пленника тем более не пригодно. То есть с этой стороны мы сравнительно в безопасности.

Разве только есть у них что-нибудь мгновенно парализующее, но не летальное, или психотронное, как прошлый раз по мне. Еще раз я такого не выдержу. Впрочем, противник об этом не догадывается, по его представлениям, мы куда более рези-

стентны, чем на самом деле, и рисковать не станет. Да и опять же, на андроидов ни газ, ни парализаторы, ни психотроника не действуют.

То есть ситуация в худшем случае патовая. А в лучшем...

— Давайте закурим, что ли, — предложил я Сашке и всем желающим. Кроме Антона и андроида, даже Скуратов «зельем поганым» баловался, потянул из внутреннего кармана пенал с сигарой. Он в этом деле был очень разборчив, но Замок смог обеспечить его самые вызывающие запросы. Таких сигар, как там, он ни в одном земном магазине своего времени не видел.

Шульгин приказал Артему посадить «языка» на бетонку, в теньке от флигера, из соображений гуманности, и велел прицела с него не спускать, но стрелять только по прямой команде. Или — если командовать вдруг станет некому...

Закончить фразу он не успел. Прошлый раз «ангелочек» возник как бы из воздуха (а на самом деле момент его появления Шульгин с Ростокиным просто проглядели, занятые более важными делами), но сейчас мы все увидели, как из-за окружавших площадь деревьев, похожих на вековые платаны, выметнулось НЕЧТО.

Со скоростью языка хамелеона полупрозрачное шупальце с чем-то округлым и массивным на конце пронеслось над бетоном и замерло в десятке шагов от флигера. Гофрированная серо-зеленая капсула размером с наш флигер, только поставленный «на попа», раскрылась, как бутон цветка, высадив на бетон еще две фигуры в белом, и столь же стремительно исчезла в зарослях.

Грамотно было сделано, нужно сказать. Если бы мы опять смотрели хоть немного в сторону, могли бы этой «процедуры» не заметить. Хозяева вполне разумно опасались, что более медленное их появление могло спровоцировать неадекватную с нашей стороны реакцию. Действительно, высвобождается вдруг из леса гигантское щупальце, а за ним кто? Сухопутный кракен немислимых размеров? Или никакое не щупальце, а сапрофитное существо. Типа суперкобры или сколопендры дрессированной. Вот и засадили бы из гравипушки с перепугу, да и заложника невзначай могли прихлопнуть.

Но это ж какие при таком способе транспортировки ускорения возникают и что там за гравикомпенсаторы установлены? В противном случае пассажирам этого транспортного средства куда хреновее пришлось бы, чем пилоту истребителя при катапультировании.

(Я свои тогдашние мысли и ощущения записываю, чтоб для истории сохранить некую последовательность и стройность повествования, отстраняясь от того, что узнал и увидел позже.)

«Ангелочек», увидев своих, радостно дернулся и попытался вскочить, но тут же получил совсем не деликатный тычок стволом «ПКМа» между лопаток. Наш Артем сейчас функционировал в качестве обычного морпеха-фронтовика, для которого существовали только целесообразность и приказ, для политесов места в его псевдоличности не было.

Я перевел взгляд на гостей. Ну что ж, эти на звание «высочайших» вполне тянут. Разительно отличаются даже от своего пацаненка, не говоря уже

о казавшемся совсем недавно весьма представительным Суннх-Ерме.

Такие вполне себе подходящие мужички, чтобы Микеланджело для статуи Геракла позировать. Два — два десяти рост, мускулатура и пропорции, темно-русые волосы крупными завитками, черты лица более чем правильные, тоже в этаким «неоклассическом» стиле, никаких посторонних расовых примесей не заметно. Проще говоря, в нашем биоценозе такой этнотип отсутствует. Практическая генетика пополам с евгеникой налицо. Если, конечно, это опять не видимость, личина, проекция наших представлений об «идеальных существах». Что-то вроде «метagalактиан» из «Гриады» Колпакова¹. Чтобы, значит, подчеркнуть свое над нами превосходство, играя на архетипах.

И сразу мне пришли в голову дуггуровские как бы антагонисты — аггры. А может, не антагонисты они, а просто продукт более раннего агтрианского творчества на очень давно образовавшейся развилке. У нас из подручного генетического материала суперженщин выводить стали. А здесь — супермужиков. Забавно.

И одновременно — может, они такие на самом деле и есть? Сколько-то там лет реализовывали древние представления о красоте и совершенстве идеального человека. Сказал бы, последователи Ивана Антоновича Ефремова, прилежные читатели «Лезвия бритвы» и «Таис Афинской», если б не разделяли их с нашим классиком сто веков вдоль и бог знает сколько поперек параллельных реальностей.

¹ См. А. Колпаков. Гриада. — М.: Молодая гвардия, 1960 г.

Но предположим, что возлюбленные Ефремовым протогреки имели возможность с этими ребятами когда-то пересекаться, оттуда их эстетические пристрастия, мифы о богах и титанах, о том, как Юпитер и иные олимпийцы тамошних Ио и Европ похищали. Не для совместных же бесед о политике и искусстве стихосложения...

И первый, и второй «парламентеры» (а как иначе их статус определить?) очень были схожи друг с другом, разве что стоявший на полшага впереди не то чтобы выглядел, а ощущался постарше. То ли взгляд более опытный и умудренный, то ли неуловимые чувствами, но воспринимаемые на уровне интуиции различия в идиомоторике. Мало ведь кто не отличил бы генерала от прапорщика, даже будь они ровесниками и одеты в мундиры с одинаковыми погонами.

Как-то так получилось — либо Антон замешкался, то ли я поспешил, но разыгранная перед Рорайма схема субординации в нашей команде сломалась. Я почти машинально шагнул вперед раз, потом второй и остановился. Достаточно, пожалуй.

— Чем обязаны приятностию нашей встречи? — почти на автомате осведомился я. А что, нормальный «заход в козыря». Вопрос как вопрос вроде, но сразу трехслойный тест в нем заключен. И на сообразительность, и на чувство юмора, и вообще на самостоятельность мышления. Не говоря уже о степени владения языком и умении «читать в мыслях» или хотя бы правильно эмоции чувствовать.

— Мне кажется, это должно быть очевидно, — глубоким баритоном с бархатными обертонами от-

ветил первый, явно оставляя в стороне всякие словесные и умственные игры. Слишком озабочен судьбой «ангелочка»? Не папаша ли, часом? А почему бы и нет?

— Вы можете опустить свое оружие... — продолжил он.

Как-то неотчетливо прозвучало: то ли вопрос, то ли предложение.

— А мне неочевидно первое, а тем более второе, — с достаточной (на мой взгляд) степенью равнодушия отозвался я. — Если вы прибыли для переговоров, то следует сначала представиться — имя, звание, должность, кем и на что именно вы уполномочены, после чего переходить к сути дела. Иначе... Иначе мы по-прежнему воспринимаем вас как неприятеля, только что предпринявшего очередную неспровоцированную агрессию, ответственность за последствия которой целиком ложатся на вас. И оставляем за собой право...

Какое именно, я уточнять не стал. Сказано достаточно, теперь пусть выкручивается.

— Вы должны прежде всего отпустить этого юношу, — будто не услышав моих слов, сказал этот самый, сохраняющий инкогнито.

— Не вижу оснований. Он вполне попадает под категорию военнопленного, ибо появился на «поле боя», каковым тогда, несомненно, являлась площадь, с неизвестными, но едва ли дружественными целями. Мы только что отразили налет, явно имевший целью наше уничтожение, так что руки у нас развязаны. Тем более «юноша» сам только что подтвердил, что и раньше принимал участие в вооруженных вторжениях на Землю.

— Он сказал неправду. На вашей Земле он не был ни разу...

— Слушай, дядя, — перебил нашу забуксовавшую беседу Шульгин. — Хватит трепаться, если ты понимаешь, что я имею в виду. Или мы начинаем деловой разговор, исходя из текущего статус-кво, как высокие договаривающиеся стороны, со всем протоколом и политесом, или мы покидаем это малогостеприимное место, прихватив с собой вашего паренька. А можем и вас за компанию. Иных вариантов ноль. Так чтобы мы погибли, а вы выжили. Нам терять, сами понимаете, нечего. Можем и ядерное оружие применить... Вы хорошо улавливаете смысл моих слов? Переводчик не требуется?

Это Сашка уже вчистую блефовал. Но им-то откуда знать пределы нашей безбашенности? Кое-какие демоверсии уже видели.

— Хорошо, — не меняя интонации, представитель «высочайших» легко сменил позицию. — Давайте разговаривать на ваших условиях. Не думаю, что это что-то изменит, но давайте...

Русским он владел превосходно, если только не выхватывал словесные конструкции прямо из моей памяти, причем именно такие, что должны были показаться мне самыми подходящими и уместными.

Возможно, для походных «Записок о галльской войне»¹ я сейчас уделяю внимание слишком уж незначительным деталям или демонстрирую собст-

¹ «Записки о галльской войне» — сочинение Ю. Цезаря о завоевании Галлии в 58 — 50-х гг. до н.э. Считается образцом художественного стиля классической латыни, до сих пор изучается историками и филологами.

венную способность к углубленным рефлексиям в столь напряженный момент? Нет, я отнюдь не стараюсь в своих заметках показать себя в выгодном свете, мне это просто ни к чему: посмертная слава меня интересует мало, а публиковаться прижизненно намерений нет.

Другое дело, для последующего анализа случившегося, выявления очередных нестыковок и прорех в ткани реальности тщательная фиксация незначительных на первый взгляд деталей очень даже необходима. Не могу не вспомнить путешественников и естествоиспытателей прошлого. Их методичность, скрупулезность и внимание к подробностям внушают уважение, хотя порой навевают скуку. Взять хотя бы тот же «Фрегат "Паллада"» Гончарова. Конечный, к примеру, гораздо увлекательнее, но в точности и обстоятельности описания деталей, казалось бы — самоочевидных, наверняка проигрывает. Такие книги хорошо читать в одиночном заключении, чтобы соседи не мешали и на работы вертухаи не выгоняли. Поскольку в Шлиссельбург меня не заточали, лично у меня терпения хватило продираться через авторское многословие и многомыслие только до второй сотни страниц.

Но это тоже к слову.

Я обратил внимание, с каким интересом вслушивается в наш диалог Скуратов. Ну и правильно, он — специалист по нечеловеческим логикам, наверняка уловит что-то такое, чему я, скорее всего, не придам значения.

— Тогда, пожалуй, нам лучше будет перейти вон туда, — вступил Антон и указал рукой на некое подобие «китайского павильона» по правую

сторону от полуразрушенного «Дома Советов». Там началось какое-то шевеление аборигенов. Разбор завалов, поиски пострадавших и все сопутствующие обстоятельства телодвижения. А сам павильон или беседка располагался очень для нас удобно. Во-первых, в тени громадных пробковых дубов, в несколько раз превосходящих высотой и толщиной те, что я видел на нашей Корсике в предыдущей жизни. Кое-какая прохлада гарантируется без всяких кондиционеров, а на открытом месте стоять было не только жарко, но и глупо, с какой угодно точки зрения.

Во вторых, там мы окажемся целиком в поле зрения нашей группы прикрытия и достаточно удалимся от места, где в зарослях скрывалось то, что выбрасывает щупальца. Оно, конечно, может, и безвредное, не более чем транспортное средство, но лучше держаться подальше от всего, что внушает опасение. Сработает еще раз и высадит с той же скоростью взвод «монстров» или стаю инсектов. Не успеем и стволы вскинуть.

«Хозяева», переглянувшись, но не обменявшись ни словом, через несколько секунд утвердительно кивнули. Не из болгар, значит, те, как известно, в случае согласия вертят головой слева направо и наоборот.

В беседе было довольно мило, это свидетельствовало о том, что аборигены не чужды эстетических изысков, тяги к дизайну и комфорту. Все деревянное, точнее — растительное, причем явно живое, не из мертвых досок сколоченное — восьмиугольный низкий стол, плетеные кресла неповторяющихся форм, арки, образованные лианами

с листьями всех оттенков зеленого, я даже затрудняюсь эти оттенки назвать, многие видел первый раз в жизни.

Сразу вспомнилась давняя, шестидесятих годов повесть Мирера «У меня девять жизней», где наши тогдашние современники тоже попадают в параллельную реальность со стопроцентно биологической цивилизацией. Я читал ее в «Знание — сила» на первом курсе института. Воистину, или хорошие фантасты действительно провидцы, или прав Ефремов и число вариантов прогресса, биологического и социального, крайне ограничено. Природа, как мы ее воображаем, или нечто совсем другое, но носящее то же имя, манипулирует набором стандартных элементов, из которых при всем желании не соберешь ничего принципиально нового.

Тот же и Лем, если разобраться, даже в своем «Эдеме» не ушел сильно далеко от того, что и на Земле вполне возможно, пусть и под несколько другим соусом. А уж как старался. Относительно оригинальными у него только «двутелы» получились.

Воистину прав Екклесиаст: «Бывает нечто, о чем говорят: «смотри, вот это новое», но это было уже в веках, бывших прежде нас».

Расположились с возможными удобствами. Росток посадил стокилограммового «ангелочка» у дальнего торца павильона, спиной к лесу, чтобы Аскольду или кому-то из офицеров было удобнее держать его, да и обоих парламентаров на мушке. С их позиции наше местоположение должно быть видно, как на ладони. Сам Игорь сел, отстранившись метра на два, чтобы не мешать снайперу, по-

ложил автомат на колени, стволом в бок пленнику, палец на спуске.

«Высочайшим» предложили места напротив, тоже в зоне, максимально открытой для обстрела, не знаю уж, догадались они об этом или нет. Возможно, тактические навыки на уровне инстинктов у них отсутствуют за ненадобностью, и нашим ухищрениям они значения не придали.

Артем занял позицию прикрытия метрах в десяти от беседки со стороны площади, получив идеальные сектора обстрела во всех угрожаемых направлениях.

Мы, то есть Сашка, Антон, Скуратов и я, разместились у боковых граней стола, ближе к аборигенам, попарно «одесную и ошую»¹ от них.

Специально не спеша разложили перед собой курительные принадлежности, как это было принято в старые времена, когда в присутственных местах и даже институтских аудиториях дымить не возбранялось. Не студентам, конечно, преподавателям и вообще начальству. На экзаменах, например. Тем более что небрежно открытый портсигар и как видеочамера работает, и в качестве оружия весьма неплох.

— Ну-с, приступим, наконец? — полуспросил-полупредложил я, щелкнув зажигалкой. — Повестку вы предлагаете?

— Для чего все это? — неожиданно спросил второй парламентар, до того молчавший. Чем-то он показался мне несколько симпатичнее своего коллеги. Может быть, выражением глаз?

¹ То есть по правую и левую руку (*старорусск.*).

— То есть? — тут же осведомился Скуратов. Я ему одобрительно кивнул. Мол, контролируй беседу и вмешивайся, если сочтешь нужным. У нас тут субординация ни к чему, сплошная коллегиальность.

— Вы очевидным образом разыгрываете какой-то спектакль. Рассчитываете таким образом воздействовать на нашу психику? Сколько времени потратили, а ни на шаг не продвинулись...

— Вас время лимитирует? — быстро спросил Сашка, и сразу после него Антон:

— А у вас тоже существует театр, драматургия, спектакли? И что обычно ставите?

— Это вы старательно воздействуете на нашу, — добавил я. — С самого момента встречи. Мы привезли вашего сотрудника, с его помощью довели до сведения господина Сунних-Ерма свои исключительно мирные намерения, и что получили взамен? Я искренне надеюсь, что никто из ваших людей не пострадал во время нашей вполне правомочной необходимой обороны...

Оба парламентаря сразу сделали рукой одинаковый жест, вполне понятный, очевидно-пренебрежительный, хотя в нашей системе невербальных коммуникаций и не существующий, — нечто вроде «О чем вы говорите? Судьба этих нас ни в малейшей степени не интересует».

Это хорошо. Значит, культурно-цивилизационные различия между нами и здешними «высочайшими» не зашли слишком далеко. То, что они могут осмысленно говорить по-русски, — одно, а вот то, что жестикуляция, обычно произвольная, конгруэнтна, можно сказать, — гораздо более значимый факт.

В принципе это нас тогда обрадовало — ну, значит, пресловутые дуггуры все-таки люди, как бы далеко мы с ними ни разошлись на протяжении скольких-то тысячелетий. А все наши конфликты с их «эффекторами» — именно что «эксцессы исполнителей». Отправь, что называется, дурака богу молиться... Не вникали просто ребята в то, что там их итакуатиара, тапурукуара, урарикуэра и прочие вытворяют на сопредельных территориях. Ну, к примеру, как руководство метрополии, послав сатрапа с вооруженным отрядом в отдаленную колонию, интересуется только результатом, доводимым в письменном виде и в виде добытых материальных и культурных ценностей. Если претензий не возникает, то какая разница, что там на самом деле происходит?

Такое вот самоуспокоительное объяснение. Весьма свойственное русскому человеку. Государь в творящихся на местах безобразиях неповинен, и если ему все правильно доложить, он тут же наведет порядок. Хорошо хоть, мы подавали свою «челобитную» с позиции силы. Пока.

Похоже, это наконец дошло и до «принимающей стороны». Все ж таки мы очень показательно разгромили их «Дом Советов», разогнали насланные на нас темные, вернее, коричневые силы. И демонстрировали сейчас полную готовность не останавливаться ни перед какими предрассудками. В конце концов, между нашими реальностями не существовало никаких дипломатических отношений и уж тем более конвенций о правилах ведения военных действий и об отношении к военнопленным.

Очевидно, что эти вот господа, назначенные парламентарями, весьма глубоко знакомы с нашими порядками и образом жизни, раз свободно владеют языком и весьма специфической терминологией. Но в то же время это знание никоим образом не мотивирует их к установлению нормальных отношений с нашей Землей или хотя бы лично с нами как ее представителями.

То же самое понял и Скуратов, сказавший вдруг вполне в унисон с моими мыслями:

— Не обольщайся, Андрей. Они еще меньше склонны (или способны) видеть в нас равноправных партнеров, чем американцы в индейцах или британцы в зулусах. А знание языка совершенно ничего не значит. Сболтнул же этот «малец», что они воруют женщин с Земли для улучшения собственной породы. И очень может быть, что преимущественно русских. Гораздо ведь проще для общения с наложницами один раз выучить их язык, чем каждую заново обучать своему.

— Тем более что знание рабынями языка «господ» представляет собой определенную опасность, — добавил Сашка.

Этот обмен мнениями происходил, причем заведомо специально, в присутствии парламентаров. Я правильно понял идею Виктора. Еще раз подчеркнуть преимущества нашей позиции. Мы, мол, можем себе позволить не скрывать своих мыслей и не выбирать выражений, поскольку не допускаем иного варианта, кроме как безоговорочной капитуляции со стороны неприятеля.

— Слушай, Антон, а ты сумеешь продемонстрировать этим ребятам, — я подбородком указал

на дуггуров, — свои способности «высочайшего»? Хоть на минутку их «оглушить», как Урха?

Парламентеры настороженно переглянулись. Похоже, знали, что имеется в виду, и слегка перепугались, не представляя истинных границ наших возможностей. Факт ведь имел место, что любую их выходку, направленную против нас, мы парировали с той или иной степенью превосходства. Так что опасаться еще какой-то пакости с нашей стороны имелись все основания. Да и наведенные стволы свое влияние оказывали. И гравипушка наверняка произвела впечатление, тем более что они не знают об исчерпанности нашего боезапаса. Зато наверняка знают о нашем боевом отряде, расположившемся всего в полукилометре отсюда. И хоть приблизительно, но представляют его боевой потенциал.

— Хорошо, мы согласны вести переговоры, как вы хотите, без предварительных условий. Но предупреждаем, что если вы причините нам вред, то и сами отсюда живыми не уйдете.

— Вас это должно утешить? — тут же съязвил Скуратов. — Насколько мы поняли, вы настолько дорожите своими конкретными жизнями, что абстракция посмертного воздаяния «обидчикам» никак не компенсирует их потери. Или вы верите в чудо воскрешения или хотя бы реинкарнацию? Если сия тайна вам известна, тем более — с сохранением памяти о предыдущем воплощении, мы готовы очень хорошо за нее заплатить. И воевать больше не придется...

Шульгин тут же чуть омрачил перспективы обогнавшей идиллии:

— А если с вашей стороны какое-нибудь хамство все же последует, вы перед собственной кончиной сумеете еще полюбоваться, что с вашим «мальчиком» сделает пулеметная очередь в упор. Ваши последние минуты будут весьма омрачены зрелищем его безвременной и бессмысленной кончины.

И выразительно посмотрел в сторону Ростоккина. Тот слегка пошевелил пальцем на спусковом крючке автомата, направленного в правый бок потерявшего весь свой недавний блеск «ангелочка». Выглядел он как в воду опущенный и, пожалуй, прикидывал, какие кары его ждут даже при благополучном разрешении текущей ситуации. Как говорится, не за то бьют, что воровал, а за то, что попался.

И черт их знает, что этому пацану может грозить. В царское, допустим, время за многие провинности блестящего гардемарина из «очень хорошей семьи» могли выгнать из Морского корпуса без права поступать в какие-либо привилегированные учебные заведения Империи. По тем временам — натуральная жизненная катастрофа, причем для всей фамилии.

Наша вызывающе нахальная тактика подействовала, и партнеры решили, что хватит валять дурака, пора переходить к конструктиву. Что-то там у них в мозгах переключилось, дошло наконец, с очень большим запозданием — не с теми связались. Им просто никогда раньше не приходилось контактировать с людьми на таком уровне. С позиции заведомо проигрывающей стороны.

Как и следовало бы с самого начала, парламентарии наконец представились. Одного звали Анказуабу, второго — Марувату. Их пацана — Анцухи. Тем самым подтвердилось предположение, что они и Шатт-Урх с братьями по страте принадлежат к совершенно разным расам или, хотя бы — к культурно-языковым группам. «Высочайшие», как мне показалось, могли бы происходить от каких-то южноафриканских, возможно — протомальгашских племен, тех же дагонов, а «мыслящие» или «полуразумные», по терминологии Удолина — это, скорее, что-то вроде протосемитов или даже древних египтян, настоящих, а не арабских. Хотя фенотипически тут выходила полная ерунда. Удостоившие нас внимания «высочайшие» больше всего напоминали, как я уже отмечал, без помех эволюционировавших древних греков или даже этрусков, описанных Ефремовым. Или — наше о них представление!

Впрочем, в тот момент это было не так уж важно, в деталях мы начали разбираться гораздо позже.

Но в целом классификация Константина Васильевича оказалась очень близка к истине. И тот и другой на самом деле были «настоящими людьми» в том смысле, как мы это понимаем, подлинными хозяевами, а также и творцами здешнего... не знаю, как лучше и выразиться — мироустройства, что ли. Потому что просто цивилизацией это назвать было трудно. Тот же Александр Мирер в своей повести назвал нечто подобное Равновесием. Можно еще назвать это особым типом биогеоценоза.

На всей «второй Земле» этих «высочайших» насчитывалось всего несколько миллионов. Дале-

ко даже до «золотого миллиарда». Зато устроили они себе вполне комфортную жизнь. Хотя, на наш взгляд, до безумия скучную и бессмысленную. Но об этом — дальше.

А тогда разговор пошел таким образом.

Парламентеры принесли достаточно сдержанные извинения за случившийся «инцидент», так они представили устроенную нам «торжественную встречу». Их собственной вины или злого умысла, по их мнению, здесь не было. Все по-прежнему не более чем «эксцесс исполнителя». Рорайма, которые, в сущности, на самом деле были верховным органом здешней как бы «исполнительной власти» (так много кавычек приходится ставить, что все это очень приблизительные термины, достаточно условно отражающие подлинный смысл существующих учреждений и установлений), для всех низших, но обладающих какой-то «интеллектуальной составляющей» сословийотреагировали на наше появление в соответствии с заложенными в них инстинктами. Как мы и предполагали на основании имевшейся информации, полученной от дагонов, Шатт-Урха и собственных домыслов, система этих инстинктов была настолько разветвленной и почти всеобъемлющей, что полностью заменяла девяноста процентам человекоподобного населения планеты то, что мы называем разумом.

Это вообще очень интересная тема — соотношение приспособительной ценности разума и инстинктов. По сути — у себя, на своей Земле мы имеем почти то же самое. Особенно в странах ислама и так называемой западноевропейской (она же иудеохристианская) цивилизации.

Если разобраться — весь набор религиозных предписаний, обычаев, правил поведения, так называемого «права» во всей его широте, «понятий» в комплексе по степени воздействия на среднего индивидуума не сильно отличается, точнее — очень немного не дотягивает, чтобы получить право называться безусловными рефлексами и теми самыми инстинктами. Запреты, например, на употребление вина, свинины, запрет переходить улицу на красный свет светофора, схемы сексуального поведения, даже новомодная пока еще «политкорректность», вера в так называемую «демократию» и «права человека», адаты и законы шариата очень многими уже не рефлексировуются, а реализуются почти бездумно.

Не так уж много усилий требуется, чтобы с помощью генной модификации перевести все это на уровень подкорки, а освободившееся в коре место заполнить всякими полезными навыками и умениями, не оставив свободных зон для независимой мыслительной деятельности.

Вся разница в том, что мы до этого порога все же пока не дотягиваем, и резкое изменение условий окружающей среды заставляет (но и тут далеко не у всех) включаться независимые от стереотипов мыслительные структуры. Однако, как например, у среднего «европейца», это переключение происходит слишком поздно. Не зря придумана присказка: «Поздно пить боржоми...»

Когда мы там немного обжились и получили возможность заниматься хотя бы самыми поверхностными научными изысканиями, я, вспом-

нив свое исходное образование, по мере изучения разных страт «общества» дуггуров гораздо лучше (вернее — правильней) начал оценивать и многие аспекты истории нашего человечества. Эволюционировавшего якобы не биологически, а социально-технически.

Отчего, к примеру, так называемый коллективный «Запад» на протяжении всего Нового и Новейшего времени столь антагонистичен цивилизации русской?

Можно сказать, что на нашей линии ГИП произошло то же, что несколько раньше, приблизительно на уровне позднего неолита, разделило нас, «сапиенс сапиенсов» и дуггуров. Предки индоевропейцев пошли по пути механистическому, увлеклись строительством первых городов — Ура, Сидона, Вавилона, ирригацией начали заниматься, орудия труда совершенствовать. А дуггуры — путем прямо противоположным.

Я даже готов допустить, что каким-то образом (или с чьей-то помощью, да хоть тех же и форзейлей) произошло разделение и генетического материала. То есть особи, более склонные к развитию технологий, — направо, гуманитарии и «юные натуралисты» — налево. Ничего в этом необычного и сложного нет. Похожее устройство земной (превратившейся в Галактическую) цивилизации описал Азимов в рассказе «Профессия».

А протославяне оказались какими-то уникалами. Физически попали на этот берег, а душой во многом остались на том. И ничего прошедшие века с этой дихотомией сделать не смогли. Близкие к нам по духовному устройству особи на этой

Земле-два как раз и составили с течением времени клан (или, точнее — уже биологический вид «высочайших»). Прочие же послужили материалом для формирования каст — «мыслящих», «полумыслящих», «пятерочников» и так далее, по нисходящей.

Я позже еще вернусь к этой теме. Но главное именно в том, что и «высочайшие» очень быстро уловили это самое родство. И дальше мы начали понимать друг друга почти без затруднений.

Но сначала я закончу ту, как бы саму собой пришедшую в голову мысль. Мы, славяне, сильно уступая «правильным европейцам» в обстоятельности и приверженности к *Ordnung* и Закону, безусловно, превосходим их способностью к безболезненной смене парадигм и так называемым гениальным озарениям.

Арабы, кстати, тоже достаточно долго обгоняли европейцев за счет этих самых озарений. В математике «ноль» придумали, в астрономии блистали, пока телескопов не было, в медицине столько всего интересного понаоткрывали — и «по нулям», извиняюсь за каламбур. А все оттого, что не сумели эти свои природные способности наложить на европейский научно-материалистический подход. Зато мы — сумели. Отчего и ухитряемся и в научном прогрессе до сих пор лидировать, и в нравственном смысле у большинства человечества авторитетом пользуемся. По крайней мере, русский человек свободно адаптируется в любом человеческом сообществе, хоть Миклухо-Маклай среди папуасов, хоть наш современник на Брайтон-Бич и в Силиконовой долине.

Оттого «цивилизованный Запад» в лице своих креативных представителей, тоже на подкорковом уровне, сути и смысла нашей цивилизации не понимает и опасается инстинктивно, не задумываясь о причине. Так муравьи из чужого муравейника воспринимаются врагами безусловными, с которыми даже на уровне феромонов взаимопонимание невозможно.

«Великие умы — основоположники единственно верного учения» — Маркс с Энгельсом в полной мере это продемонстрировали. В своих не популяризируемых у нас, но и не запрещенных отчего-то трудах они весьма доходчиво объяснили, что русские — не совсем люди и «мировое коммунистическое движение» должно их использовать только как запал для мировой смуты, а когда коммунизм победит, то этим «недочеловекам» будет указано их истинное место. Ленин и Троцкий говорили это не столь прямолинейно, все же учитывали, на каком языке и для чего с народом общаются, но поступали в полном соответствии с «всесильной теорией». Тоже, наверное, ощущали свое родство с низшими дуггурами.

А законы биологии — от них никуда не денешься. Потому и невозможно заставить русского человека жестко подчиняться нормам и правилам, какими бы «правильными» и «общечеловеческими» они ни казались. Те же немцы за шесть всего лет практически стопроцентно восприняли гитлеризм как «единственно правильное», а главное — крайне выгодное непосредственно для «расово-чистых» германцев учение и образ жизни, а русские за семьдесят лет так и не уверовали по-настояще-

му в «научный коммунизм». Не совпал он по фазе с русской натурой. И тезис, что «суровость российских законов значительно смягчается необязательностью их исполнения» — чисто наш, к ангlosаксам и немцам (вообще к большинству наций, сформировавшихся в сфере притяжения Западной, а не Восточной Римских империй¹) неприменимый.

Однако вернусь чуть назад из этих эмпиреев.² Наше появление в компании Шатт-Урха и первые же слова и поступки сработали как гранатный запал «УЗРГМ», попали в те сторожевые пункты «мыслящих», что немедленно включили систему опознавания «свой — чужой». Этого мы, конечно, не учли. В чем есть вина как раз Удолина, убеждавшего нас, что он научился контактировать с «полумыслящими», не до конца поняв разъяснения Шатт-Урха о разнице между кастами, хоть и относящимися к привилегированным, но далеко не равными по статусу и функциям. Пожалуй, и сам Шатт-Урх этого до конца не понимал. Для индуса позапрошлого века все «белые» — саибы, а для английского офицера лондонец же, но рядовой — во многом ниже джайпурского махараджи. По крайней мере, сыно-

¹ После 476 г. н.э. Единая Римская, уже христианская, Империя распалась на Западную, феодально-раздробленную, и Восточную, единую, с центром в Константинополе (Византия). На Никейском соборе 1054 г. произошло официальное разделение и христианства на западное (католическое), и восточное ортодоксальное (православное).

² Эмпирей — по космогоническим представлениям древних греков, наиболее высокая часть неба, наполненная огнем и светом.

вей махараджи принимали в Кембридж или Сандхерст, а детей уроженцев «лондонского дна» — никогда.

Проще говоря, наш профессор, как неопытный сапер, не смог сообразить, что «мина установлена на неизвлекаемость».

И то, что произошло дальше, — просто соответствующая реакция здешней системы. Константин Васильевич, к его чести, раньше нас почувствовал угрозу, только истолковал ее не совсем верно, и до нас не сумел быстро и грамотно довести. Что поделывать, фрилансер, в армии не служивший.

Тут опять не могу не обратиться к литературным источникам. К лемовскому «Непобедимому». И «туча», и «коричневые одеяла» — некие аналоги Ловушек Сознания. В «охраняемой зоне» появилось нечто, демонстрирующее «ненадлежащее поведение», следовательно — нуждающееся в нейтрализации. Нас отнюдь не собирались немедленно уничтожить. Нас требовалось просто «инактивировать» и предоставить для дальнейшего изучения и принятия «управленческого решения» на следующих уровнях системы.

Пацан Анцухи на несколько минут раньше, практически случайно, уловил прошедший сигнал тревоги, как раз когда «туча» была нами рассеяна, а Рорайма выбросили в «эфир» волну весьма специфической паники. «Ангелочек» идентифицировал оказавшиеся в их ноосфере характеристики нашего мыслефона, проассоциировал с тем, что было зафиксировано возле дагонских пещер, прежде всего — как знак того, что теперь уже в их мире появились те, у кого столь привлекательные «сам-

ки», и решил опередить всех. Рассчитывая, что ему лично что-то с этого обломится. Ну и возник. Получилось, что не в то время и не в том месте.

Спецподготовки он еще не проходил, не знал, чем такие самодеятельные эскапады подчас заканчиваются. Вроде как в байке про охотника, что «поймал медведя».

— Вы не должны на нас обижаться и спокойно можете убрать свое оружие. Вам здесь ничего больше не грозит. Мы с удовольствием воспримем вас как аккредитованных посланников мира, с которым готовы наконец выстраивать равноправные и взаимовыгодные отношения... — примирительным и даже радушным тоном произнес Анказуабу.

— Смешно слышать, — тут же ответил Сашка. — Вы хотите нас уверить, что за столько тысяч лет вы именно сейчас воспылали желанием «выстраивать»? Под дулом пулемета, между прочим. Раньше подобных случаев не представлялось?

— Вы можете не верить, но все обстоит именно так, — кивнул микеланджеловской головой Марувату. — Мы впервые столкнулись с вашим феноменом, совсем недавно. До этого нам ни разу не встречались существа, подобные вам. Остальное население вашей Земли для нас ни интереса, ни угрозы не представляло...

— Кроме как генетический материал? — вдруг вмешался Антон, до этого демонстрировавший несколько даже наигранное безразличие к происходящему. Ну да, господин «Тайный посол». Ему как бы по чину не положено участвовать в бессмысленных препирательствах аборигенов. А теперь вдруг настал момент.

Оба дуггура на его включение в переговоры отреагировали на удивление одинаково. Не то чтобы испугались, а вроде как «стали во фрунт». Внутренне, конечно. Но ощущалось это отчетливо, на ментальном, если угодно, уровне.

Очевидно, только сейчас как-то осознали, что его слова, сказанные для Рорайма, — не пустая болтовня. Или — Антон включил не воспринимаемый нами сигнал опознания. Что вполне укладывалось в теорию о форзейлях, курировавших не только нашу Землю, но и эту тоже.

— Это вы неправильно себе представляете, — ответил Анказуабу. — Регулярное освежение генофонда — один из элементов нашего образа жизни. Следует понять, что структура нашего общества исторически и эволюционно так сложилась. Мы — наша каста, давайте условно примем этот термин, генетически и ментально несовместима с другими, пусть и гуманоидными обитателями планеты. Мы можем размножаться только в пределах очень узкого изолята. Вы знаете, что такое инбридинг? Без контактов с представителями вашего... вида, наша цивилизация давным давно погибла бы...

— Откуда вы так хорошо знаете именно русский язык? — не совсем по теме спросил Скуратов. — Специализируетесь на.. особях именно нашей национальности?

— Совсем даже нет. Мы.. приглашаем к себе представительниц самых разных наций и групп. Не думайте — на вполне добровольной основе. Ваши легенды и мифы не лгут — каждая из женщин, соглашавшихся на... непонятную вам, не обольщайтесь, роль, получала настолько больше того, что

мог ей предложить ваш мир... Для нас безразлична раса женщины, используемой для продолжения рода, безусловно только ее абсолютное соответствие... стандартам. Но да, многие предпочитают иметь дело именно с русскими. Фенотип, вы понимаете... И, как вы правильно догадались, ментальная общность. Она передается по наследству, хотя прямым воспитанием потомства анцалувати не занимаются...

Потом я уточнил, что этот термин слишком многозначен, чтобы перевести его одним словом, при всем богатстве русского словарного запаса. Это одновременно и наложница, и дарящая жизнь, и дочь праматери... Этот термин одновременно обозначал и юридический статус земной женщины, взятой в этот мир, и что-то еще, на что просто не хватает ассоциативных способностей. Вроде того как в «Эдеме» киберпереводчик, не справляясь, выдавал такие конструкции, как акселероинволюция, экземплификация самоуправляемой прокрустики и еще в этом роде. Позже я напишу об этом поподробнее, а пока все же — о первом контакте.

— Ну да, понимаем, — со значительным видом ответил Скуратов. Для принимающей стороны он выглядел очень убедительно, со своим сократовским, наголо выбритым черепом идеальных пропорций и профессорской бородой, — понимаем. Но все равно, очень уж углубленное и даже специализированное у вас знание языка.

Эта тема сейчас не имела особенного значения, но Виктору виднее, чем следует интересоваться. В рассуждении каких-то своих идей и гипотез исследования.

— Ничего удивительного. Любой из нас способен в течение очень короткого по вашим меркам времени изучить любой язык и любую земную науку. Если сочтет это нужным. Как только мы осознали появление в сфере наших интересов вас, использующих именно русский язык, достаточное число «мыслящих» изучило его в совершенстве, то есть в абсолютно полном объеме...

— И такие, как Шатт-Урх, — тоже?

— Все, кому положено было...

И все же банальное земное тщеславие было не чуждо и этим...

— Некоторые «высочайшие», вроде нас с Анказуабу, — важно сказал Марувату, — в совершенстве владеют многими языками и многими земными науками. Поэтому нам и поручено встретить вас...

— Спасибо, я понял, — кивнул Скуратов и принялся раскуривать очередную сигару.

— Если б вы так хорошо изучили Землю и конкретно Россию, вы бы не совершили такую массу грубейших ошибок. И вообще, и за сегодняшний день конкретно. Но мы готовы отнестись к этому с пониманием. Все еще можно... нивелировать, так сказать. Для этого стоило бы прямо сейчас заключить соглашение об установлении дипломатических отношений с представляемой нами частью человечества, оговорить гарантии безопасности нашей миссии и свободы обмена информацией. Предоставить нам приличествующую рангу резиденцию и разместить при ней на условиях экстерриториальности группу сопровождающих нас лиц...

Шульгин широким, но неопределенным жестом указал на джунгли, в которых скрывался взвод капитана Ненадо.

Этот намеренно витиеватый и в некоторой мере нагловатый пассаж преследовал, кроме всего прочего, цель проверить, действительно ли настолько хорошо «хозяева» понимают язык и ориентируются в тонкостях «обстановки»¹.

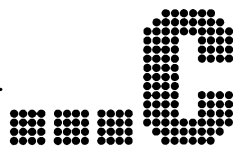
— Мы вас поняли, — сказал Марувату, вставая. — Давайте мы решим эти вопросы, а уже потом приступим к переговорам по существу.

¹ «Обстановка» в кругах сотрудников агентурной разведки означает весь комплекс условий, политических, культурных, бытовых, с которыми придется иметь дело в «стране пребывания».

ГЛАВА ВТОРАЯ

Из записок Андрея Новикова

колько в детстве, начиная с книжек очень тогда популярного (не меньше, чем Стругацкие несколькими годами позже) Георгия Мартынова: «Каллисто», «Каллистяне», «Гианзэ», или Александра Колпакова с его пресловутой «Гриадой», было прочитано всякого о первом контакте землян с инопланетянами! А кроме наших вскоре начали мы читать и иностранцев, англо-американцев по преимуществу, на ту же тему. Нужно признать, советский автор негуманоидов не жаловал, равно как и некоммунистические цивилизации. Однако, свирепо кромсая и перечеркивая малейшие намеки на отступление от «генеральной линии» у членов Союза писателей СССР, цензоры удивительно легко пропускали в серии «Зарубежная фантастика» какие угодно изыски творцов буржуазных.

Была ли это сознательная политика неких «тайных диссидентов» из ЦК КПСС и Госкомиздата, или все объяснялось банальным раздолбайством товарищей, брошенных на этот участок идеологического фронта, сейчас сказать не берусь. Хотя сам немало лет вращался внутри крайне идеологизиро-

ванного сообщества журналистов-международников. И ничего там до конца не понял.

Один и тот же ответственный товарищ мог со мной всю ночь водку (или текилу) пить, Высоцкого с Галичем на магнитофоне заводить и антисоветские анекдоты травить, и буквально на следующий день с гневом и в стилистике тридцатых годов разносить совершенно невинный абзац из статьи, посвященной, скажем, трудностям преобразований в аграрном секторе революционной Никарагуа. Не на ту главу Маркса или Ленина, понимаешь ли, сослался. А она (глава) написана в совсем других исторических условиях, и точка зрения партии на эту проблему с тех пор изменилась принципиально.

Опять я отвлекся, но моментами просто не могу удержаться. Полноценных мемуаров, скорее всего, никогда не напишу (а стоило бы!), вот и разбрасываю приходящие в голову эпизоды и размышления из прошлой жизни где ни попадя. Как тот брадобрей, что, изнывая под тяжестью «подписки о неразглашении», убежал в камыши, где и прошептал с облегчением: «У царя Мидаса ослиные уши!» Чем это кончилось — известно.

С чего я, собственно, начал? Множество раз приходилось читать о контактах с гуманоидами и с удивлением приходится признать, что наши советские, «ограниченные в информации, свободе самовыражения и правах человека» фантасты, запертые за железным занавесом, оказались гораздо проницательнее, чем их «свободные» зарубежные коллеги.

То есть ничего столь уж поразительного, вызывающего футурошок и неадекватные реакции, при

этих контактах не происходило. Да, у братьев по разуму все было «покруче» (больше, шире и длиннее, как говорил один мой приятель), коммунизм поразвитее нашего «развитого социализма», науки естественно шагнули, как и продолжительность жизни, но ничего непостижимого. Пример для подражания — да, и готовая методика для очередной культурной и технической революции.

На собственном примере мы убедились, что ничего именно поразительного при встречах что с аграмми, что с форзейлями не произошло. Мы столь же легко освоились с их «чудесами техники», как американские индейцы с «кольтами» и «винчестерами», а неграмотные афганские крестьяне — со «стингерами». Достаточно прослушать краткий инструктаж — и все понятно. В смысле — как пользоваться. А идеологические и психологические недоумения при знакомстве с продуктом неизмеримо более продвинутой технической мысли перекрываются одним удачно придуманным наименованием — «шайтан-труба». И достаточно, и все понятно, нет необходимости вдаваться в дальнейшие подробности.

Конечно, мы культурным и интеллектуальным уровнем повыше означенных «моджахедов». Так нам и объяснения предлагались чуть понаучеобразнее. А в принципе приходится согласиться, что Сильвия, Антон, даже Даяна — всего лишь «понижающие трансформаторы», чтобы наши мозги не перегорели, как лампочки на сто двадцать семь вольт от встречи с напряжением триста восемьдесят. То есть с истинными вершинами чужой техники и культуры.

Ну, не знаю.

Наших гостеприимных хозяев — дутгуров тоже можно приравнять к своего рода инопланетянам, и даже в большей степени, чем стопроцентного (в отличие от Ирины и Сильвии) пришельца Антона.

Только что кислородом дышат и генетический материал у нас общий, а прочих различий — масса.

В качестве довода в пользу данного утверждения можно привести простейший — никто из нас в этом мире самостоятельно выжить бы не смог. В отличие от того же всем известного «Обитаемого острова» — Саракша. Максим там вполне даже обжился и социализировался, как и Румата в Арканаре.

Здесь — извиняйте! За пределами поселений «высочайших» нормальному человеку делать нечего. Там все не для нас — и флора, и фауна, и даже солнечная радиация та самая, что была на нашей «первой» Земле сотню-другую тысяч лет назад. Мутагенная, я бы сказал. Сегодня у нас, сколько на солнце ни загорай, у самых шоколадных, но от природы «белых» родителей негритята не родятся. А тогдашнее (и нынешнее здесь) солнце очень даже свободно людей в негров превращало, и много еще каких последствий от его лучей проистекало.

Но лучше по порядку.

Мы достаточно быстро договорились, что нас разместят в соответствующей нашему рангу и обеспечивающей должную безопасность и комфорт резиденции. В пределах ее территории найдется место и для охраны. Правда, сформулировали мы несколько дипломатичнее — «группы сопровождения», в том якобы смысле, что столь предста-

вительная делегация в охране не нуждается. Мы, будем считать, тоже в своем роде «высочайшие», причем двух разных типов — Антон как «Тайный посол» Конфедерации, мы — как Держатели земного уровня. И в этом качестве сами способны производить разнообразные, в том числе и смертельные, манипуляции с веществом и пространством.

Наверняка ведь эти господа-парламентеры достаточно информированы своими урарикуэра и тапурукуара (интеллектуалами и военными, грубо говоря) о всех случаях применения нами земного оружия, его тактико-технических характеристиках и, что главное, его портативности и индивидуальности использования.

Если совсем просто — наши «хозяева» должны знать, что более-менее крупные подразделения земных вооруженных сил нам практически не нужны, во всех имевших место боестолкновениях (за исключением сражений с инсектоидами в Южной Африке и на Валгалле) отпор они получали карманным или, в отдельных случаях, групповым, типа КПВ или гравипушки, оружием.

Значит, взвод капитана Ненадо — именно церемониальный, а на какой там он технике перемещается — уже неважно. Неприемлемый ущерб мы им способны причинить, что называется, не вынимая рук из карманов.

Разместили нас прямо таки хорошо, без всяких оговорок. Километрах в пятнадцати севернее места нашей высадки, куда нас доставили на чем-то вроде метро. Яйцевидные капсулы, идентичные той, на которых прибыли парламентеры, в большом количестве располагались на обычной с виду полян-

ке неподалеку от «Дома Советов». А то «щупальце», что нас так поразило, было всего лишь элементом своеобразной транспортной системы. Опять же по аналогии — гибридом эскалатора и движущихся дорожек в аэропортах. Капсула (она же вагончик то ли на гравитационной, то ли вообще на магической тяге) прибывала на станцию (как я потом узнал — хоть с другого континента), захватывалась «щупальцем» и выставлялась хоть на «перрон» перед «шахтой», хоть прямо на площадь перед входом в Зал Рорайма. А если уезжать отсюда — процедура происходила в обратном порядке. Капсулу вставляли, как патрон в патронник, в горловину туннеля, и она летела, мчалась, перемещалась (на длинных перегонах — со сверхзвуковой скоростью), куда потребно было пассажирам. На короткие расстояния — стоя, а на трансконтинентальные — сидя, со всем потребным именно «высочайшим» комфортом. С моей точки зрения, комфортом следует называть нечто другое.

В тот день (да и сейчас, пожалуй) мы ощущали себя в положении шестилетнего мальчика «Алеша-почемучки», героя книжки Б. Житкова «Что я видел». Там он тоже впервые в жизни едет на поезде, попадает в Москву (тридцатых годов прошлого века), катается на метро, удивляется газовой печке на кухне и так далее.

Удивляться мы не особенно удивлялись, и не такое видели (хотя и в более гуманоидном, что ли, варианте), а вот недопонимали гораздо больше, потому как и аггры, и форзейли изготавливали (или хотя бы маскировали) свою технику под нечто знакомое и привычное человеку двадцатого

века ГИП, а эти ничего не маскировали и не имитировали. Мы наблюдали все как есть, как получилось на Земле (совсем уже и не нашей) после развилки, образовавшейся задолго до «неолитической революции».

Потому передо мной сейчас выбор — или изображать из себя того самого Алешу, или писать, ничего не растолковывая ни гипотетическому читателю, ни даже самому себе. Кто-нибудь когда-нибудь на основании видео и прочих записей, а также и воспоминаний человека с куда более научным и организованным мышлением, чем мое (Виктора Скуратова, если конкретно), создаст нечто объективное и одновременно научно-популярное.

Одним словом, опять вспоминается Симонов: «А не доживем, мой дорогой, Кто-нибудь услышит, вспомнит и напишет, Кто-нибудь помянет нас с тобой».

Добирались мы на «метро» пару минут. Зашли, вышли. И все. На таком расстоянии это больше похоже на телепортацию. А взвод на МТЛБ, двух БРДМ и мотоциклах, нами проинструктированный, в сопровождении Артема и одного из «мыслящих» прибыл через полтора часа, оттого, что дорогу для техники пришлось прокладывать специально, через лес, состоящий из многовековых деревьев типа ливанских кедров. На бронированной технике дугуры в пределах обитаемых «высочайшими» зон не ездят. Как и за пределами. Кому положено — летают, остальные — или пешком, или, в случае необходимости, на том же «метро». У них оно как в Париже или Вене — станции через каждые полкилометра, а вообще, как мне кажется, в любом

нужном месте. Как крот или медведка — где захотели, там из-под земли и вылезли.

Ростокин, к экологии относящийся с почтением, удивился было и даже расстроился, узнав, что для проезда всего лишь моторизованного взвода подчистую (в буквальном смысле вровень с грунтом) было срезано (жуткого вида и размера крабообразными существами, оснащенными невероятной остроты и мощности клешнями) несколько сотен великолепных, в несколько обхватов деревьев с кронами метров по тридцать в диаметре. Офицеры, наблюдавшие эти «саперные работы», пережили чрезвычайно яркие впечатления, поскольку даже самые жуткие из известных им инсектоидов не шли с этими супермонстрами ни в какое сравнение. Однако, кое-что прикинув, решили, что нормальным ПТУРСом такое чудище взять можно, благо скоростных качеств «лесорубы» не демонстрировали.

— Примерно то же самое, что первые английские танки на Сомме, — сказал Ненадо, послуживший и в Особых русских бригадах на Западном фронте. — А потом и немецкие появились. Если не психовать, то за полверсты спокойно успешь и прицелиться из полевой семидесятипятимиллиметровки¹, и попасть несколько раз. Только ошметки полетят. Чему я тогда с другими нашими удивлялся — и немцы, и французы с англичанами тех танков до поноса боялись. А нам — хоть бы хрен. Один подпоручик у нас в обороне Моон-

¹ Французская полевая «скорострельная» пушка обр. 1897 г. (Canone de 75 Mie 1897), по своим характеристикам близкая к русской «трехдюймовке» 1902 г.

зунда в пятнадцатом году участвовал, тот говорил: «Вот когда целый немецкий линкор по тебе стреляет двенадцатидюймовыми, тогда страшно. А это — тьфу!»

По поводу же нерационального использования лесных богатств хозяева Ростокину объяснили, что проблем здесь никаких. Древесина будет положенным образом утилизирована, по-любому ежедневно на земле сводятся сотни гектаров самого разнообразного леса, так важно ли, где именно произошла вырубка? Скуратов попутно спросил, каково соотношение численности населения Земли с лесными и прочими угодьями.

Узнал, что на каждого «высочайшего» приходится около девяноста квадратных километров нетронутой природы, и успокоился. Действительно, наш визит не нанес непоправимого ущерба экосистеме второй Земли.

Вопрос Игоря о численности «мыслящих» и прочих высших приматов Анказуабу встретил с недоумением. Ответил примерно в том смысле, что мы бы его еще спросили, сколько инсектоидов вида... (он назвал, но я не то что не запомнил, даже на слух не воспринял, латинская классификация у них не в ходу по естественной причине) приходится на кубический ... (тоже местная единица, но ее он в кубокилометры перевел) земной атмосферы. Кто-то из «мыслящих», изучающий практическую энтомологию, наверняка знает, но «не барское это дело». Именно так он и выразился, чтобы нам понятнее было. Действительно, славист-филолог и даже где-то фольклорист.

«Поместье», отведенное для нашего проживания, занимало, конечно, не пятьсот квадратных километров, как полагалось бы, если считать только нас пятерых «высочайшими», а офицеров сопровождения только «мыслящими», но очень и очень много. Пусть даже всего километр. Но красотища! Корсика все же, причем еще менее затронутая цивилизацией, чем в те времена, когда здесь мальчишкой бегал Наполеоне Буонапарте.

С одной стороны высились покрытые лесом горы, с другой берег обрывался голыми каменными откосами и осыпями к заливу Валинко, как он назывался в наше время. Поразительной синевы море, сверкающее мириадами солнечных искр, пустынное, как сразу после сотворения мира. Хоть бы одна древняя трирема рассекала его волны...

И воздух здесь был великолепный. Ни с чем не сравнимый. Даже на Валгалле не такой — там не было поблизости теплого Средиземного моря, в которое до сих пор не вылилось ни тонны нефти, ни кубометра промышленных стоков с европейских берегов. Первозданная чистота. Захотелось немедленно сбежать к пляжу и погрузить свои тела в кристальную (а также хрустальную) воду. Или все же сапфировую?

Нужно только попросить у хозяев, чтобы организовали самую простенькую канатку к воде. Или сразу гравилифт. Им, похоже, все равно.

В ответ на заданный Сашкой вопрос Марувату сказал, что сделать это действительно можно в ближайшее время, но тут же и довел до нашего сведения, что мы уже схватили порядочную дозу солнечной радиации. И хотя сама по себе она лично для

нас не смертельна, но может оказать самое неожиданное воздействие на репродуктивную функцию. Поэтому наше месторасположение уже накрыто специальным волновым куполом, преобразующим солнечный спектр до привычных нам параметров.

— Но науке ничего не известно об изменении характера солнечного излучения за последний миллион лет минимум.

— В этом все и дело, уважаемый Виктор, — с вполне человеческой усмешкой превосходства ответил дуггур. — Вы и не могли ничего заметить, сколь бы точные приборы ни использовали. Да я и не знаю приборов, способных по остаткам ископаемых животных и растений зафиксировать доли процента реликтового излучения. Но поверьте мне на слово. Как однажды вспышка Сверхновой послужила причиной растянувшейся на миллионы лет деградации динозавров, так почти аналогичное событие создало развилку, определившую «неолитическую революцию» у вас и магико-биологическую у нас.

Скуратов зацепился за термин «магико-биологическая» и начал выяснять, какова доля непосредственно «магии» в истории дуггуров. Мне же более интересным показался вопрос, как именно образовалась «развилка» в отсутствие «действующего субъекта»? Мне казалось, чтобы зафиксировать наметившуюся параллель, обязательно нужен достаточный массив разумных существ, способных заметить происходящие изменения, отразить их и воспринять в качестве новой нормы.

По крайней мере, на этой теоретической базе строилась вся аггрианская теория многовариант-

ности мира, с которой мы познакомились в самом начале. Да и Антон ее вполне признавал. Не зря же с помощью феномена «растянутого настоящего» можно было как бы отменить наметившееся изменение, отыграть его назад, до тех пор пока оно будет замечено достаточным количеством людей, поверивших в возникающую новую Реальность.

На это Марувату, ставший при нас вроде как гидом-консультантом, ответил, что на Земле в тот момент уже имелось достаточное количество человекообразных разной степени разумности, в том числе и известных нам как неандертальцы и кроманьонцы, а также еще четыре расы, вполне готовые к переходу из разрядов «хабилис», «эректус» и даже «сапиенс» в статус «хомо люденс».¹ И как раз та их часть, что своевременно заметила изменение солнечной радиации и иницилируемые ею процессы, и превратилась в предков современных дуг-

¹ С точки зрения антропологии непосредственным предком современного человека был «хомо хабилис» или «человек умелый», т.е. австралопитек, но уже научившийся изготавливать примитивные каменные орудия. «Хомо эректус» — «человек прямоходящий» — это уже практически человек, но не достигший должного материально-технического уровня. «Хомо сапиенс сапиенс» — «человек разумный — разумный», это уже мы с вами, отличающиеся от просто «разумного» развитой материальной и интеллектуальной культурой. «Хомо люденс» — некий изыск современных антропофилоффов, «человек играющий», то есть настолько культурный, что основой своего существования сделал уже не материальное производство, а «игру» как свободное действие, осуществляемое без принуждения в «свободное время» в «свободном пространстве». Вместе с тем игра подразумевает некий строгий внутренний порядок и наличие особого «игрового сообщества». Термин придуман и развернуто объяснен нидерландским философом Й. Хейзингой в 1938 г. (Примеч. автора.)

гуров на собственной временной линии, а прочие, «не заметившие» и не отреагировавшие, продолжили существование на том, что мы называем ГИП.

Спорить с ним совершенно не хотелось, хотя и у меня, и, как я понял, у Антона появились серьезные вопросы к этой крайне сомнительной теории. Жаль, что профессор Удолин чересчур поспешно оставил нас, у него бы нашлось достаточно желания и доводов, чтобы довести наверняка не привычных к средневековой схоластике «хозяев» до любой степени каления. Или до психического срыва.

Помещения, что Анказуабу и Марувату отвели для нас (вернее — сообщили, что до тех пор, пока длится наша миссия, жить мы будем здесь, а самой процедурой расселения и дальнейшим обслуживанием занимался целый сонм «мыслящих» и «полумыслящих»), явно были изготовлены только что и под нас персонально. Если бы это предназначалось для «высочайших», то и габариты комнат и мебели были бы минимум на треть больше, а «челяди» подобные дворцы не полагались априори.

Как они ухитрились сделать все это за какие-нибудь пару часов — вопрос. Если только не располагают методикой и технологией локального замедления времени. Если да — то в этом вопросе они шагнули дальше, чем даже форзейли, не говоря об агграх. Ирина могла своим блок-универсалом на месте растягивать настоящее минут на пятнадцать, да и то в одну только сторону, а на стационаре — останавливать время в квартире относительно его течения «за бортом», правда при определенных условиях. А дуггуры, возможно, как и в дагонских пещерах, умеют просто находить соответствующие

аномалии, вроде как Маштаков научился использовать «боковое время» или естественные межпространственные кротовые норы.

На удивление, все здания были одноэтажными, и, что еще более удивительно — каменными. А мы уже настроились на чисто биологическую цивилизацию, с выращенными разумными растениями домами, мебелью и всем прочим.

Нет, камень был самый натуральный и на вид мало отличался от того, из которого были сложены все строения и мосты на известной мне Корсике второй половины XX века. Впрочем, мосты и акведуки из этого же камня стояли здесь с времен Цезаря, Брута и, допустим, Веспасиана (это он, кажется, отличался особой любовью к коммунальному хозяйству¹).

Внешне напоминая казарменные корпуса, дома эти, от фундамента до крыш заплетенные подобием плюща, имели очень большие окна венецианского стиля, устроены были по анфиладному типу, так что классических спален там не было, и устраиваться пришлось в альковных нишах, задерживаемых шторами. Но кровати там были вполне приличные, метра по три длиной и шириной, наверняка изготовленные по образцам, используемым «высочайшими» для утех со своими земными «подругами», или как они их там называли...

Прочая меблировка была более чем скудная. Низкие, не предполагавшие использования стульев и кресел столы, без всяких «архитектурных

¹ Император Веспасиан (69 — 79 гг. н.э.) впервые сделал в Риме платные туалеты. Он же по поводу этого произнес знаменитую фразу: «Деньги не пахнут».

излишеств», но из весьма красивых и ценных на вид пород дерева, подобие ковров на каменных полах, вместо шкафов — задергиваемые шторками ниши. Стены изнутри нештукатуренные и сложенные, похоже, «всухую», без использования извести или цементного раствора. Даже потолков не было — высокие, четырех с лишним метровые комнаты перекрывались треугольными стропилами из бруса, покрытыми толстыми серебристо-зелеными циновками, точнее — матами, внахлест. Нужно признать — от здешнего солнца очень плохая защита. Были у них потайные кондиционеры или нет, но в домах температура не превышала двадцати двух — двадцати четырех градусов при тридцати пяти снаружи.

Нам, «официальной делегации», отвели три корпуса, состыкованных в виде буквы «Н», и комнат там было двадцать одна. Ни то ни се, честно сказать. На пятерых явно много, тем более функционально и размерами они ничем друг от друга не отличались. Только спальных мест было по числу постояльцев. А в остальном и непонятно, что здесь делать. Бессмысленно бродить по одинаковым помещениям, время от времени устраиваясь в произвольно выбранной комнате для распития спиртных напитков?

Вроде бы должны они знать наши требования к жилым помещениям, а если решили предложить нам свой вариант... Тогда со вкусом у них плоховато.

Ну, еще можно было рассматривать произведения аборигенского искусства — настенные гобелены из тончайшей соломки палевого цвета с полуабстрактными фигурами людей и животных, а также

изображавшие что-то, при достаточном воображении воспринимаемое как пейзажи. Судя по этим изделиям, можно было предположить, что изобразительное искусство дуггуров застряло где-то между наскальными росписями неандертальских пещер и шелкографией средневековой Японии.

Но сам факт, что искусство у них все-таки есть, обнадеживал.

Офицеров разместили в таком точно доме, но удаленном от «господского» на полсотни метров в глубь сада, или парка. Там же и технику поставили, поближе к главному выходу. Главному потому, что в домах имелось еще по несколько дверей, в темных переходах-тамбурах между секциями анфилад. Двери эти, невысокие, одностворчатые и массивные, выходили либо на аккуратно постриженные газоны перед фасадной частью, либо на заднюю сторону, прямо в примыкающие к стенам заросли кустарника. Смысла в этом особого не просматривалось. Но не устраивать же мозговой штурм для разъяснения тонкостей дуггурианской дизайнерской мысли.

— Хреново дело, Андрей Дмитриевич, — доложил мне Ненадо, закончив размещение личного состава и определив порядок несения внутренних нарядов. — Ни одна дверь здесь не запирается. Никак. Ни на засовы, ни на внутренние замки...

— Что поделаешь, наверное, такой у них здесь стиль. На Земле тоже замки появились лишь в эпоху феодализма. А здесь, похоже, до сих пор первобытно-общинный строй...

— Да как-то чересчур цивилизованно для первобытного, — не преминул вмешаться поручик

Оноли, до Мировой войны окончивший три курса Петербургского университета.

— Уровень материальной и прочих культур не всегда совпадает с общественно-экономической формацией, — назидательно сказал я. — Капитализм не в пример прогрессивнее рабочладельческого строя, однако во многих своих чертах древнеримские города значительно выигрывали с раннекапиталистическими, вроде нашей Шуи и английского Манчестера... В средневековой Флоренции архитектура великолепна и строительная техника на высоте, но с этой самой высоты, со всех шести этажей содержимое ночных горшков выливали прямо на улицы.

— Да что вы говорите?! — поразился простодушный капитан, а эстет Оноли тонко улыбнулся и добавил, что во Флоренции лично побывал там, где Данте и Беатриче стояли в узком переулке перед входом в церковь по колено в дерьме и объяснялись в вечной любви, старательно делая вид, что вокруг благоухают розы...

— Хорошо здешние эту культурную стадию хотя бы внешне переросли, — заключил поручик. Он, как всегда, гонорился, но чувствовалось, что ему все еще не по себе. — Придется караульную службу нести в полном объеме. Или самим запоры на двери сообразить. В ПАРМе¹ наверняка что-

¹ ПАРМ — полевая авторемонтная мастерская. Обычно придается полкам и отдельным батальонам. В данном случае представляла собой кунг на шасси МТ-ЛБ, оснащенный необходимым набором станков, инструментов и запчастей для производства ТО и среднего ремонта наличной автобронетехники в полевых условиях. В качестве автомехаников использовались те же андрюиды, имеющие дополнительную настройку.

то такое найдем... В «ЗиПах» броников что-то такое было...

— Не стоит, — возразил стоявший рядом Шульгин. — Еще хозяева сочтут за обиду. Пусть Артем с Аскольдом круглосуточно двор контролируют, да и все...

— Так точно, — согласился Ненадо, не успевший еще привыкнуть к наличию среди своих подчиненных бойцов, способных нести круглосуточную службу, да еще и обладающих абсолютным зрением и слухом. Ему для реальной оценки ситуации пришлось представить себе парный дозор тех инструкторов, что тренировали первый отряд «белых рейнджеров», да в сопровождении нескольких высококлассных собак разных квалификаций. Представил и успокоился.

— А как насчет увольнений? — поинтересовался неугомонный Оноли.

— По обстоятельствам, — ответил Шульгин. — Пока имей в виду, что здесь даже на открытое солнце за пределами ограды выходить нельзя. Час-два — и сначала импотенция гарантирована, а потом рак кожи и прочие прелести.

— Понятно, почему их наши бабы так интересуют, — не совсем логично умозаключил Ненадо. Наверное, решил, что красивые земные женщины способны своим шармом ликвидировать последствия пребывания под здешним солнцем. Заодно весьма умный, хотя и не слишком образованный, Игнат Борисович определил для себя причину внезапного налета дуггуров на валгалльскую школу Даяны. Две сотни таких девах — кто же не позарится. Хотя, как я заметил, сам капитан плотно за-

пал на самую мадам начальницу. Формы ее Игната здорово восхитили, а возможно, и не только формы. Не побожусь, но вполне может выясниться, что некогда вызвавшая грешные мысли и у меня «главная аггрианка» не устояла перед натиском бравого воина. Чем она хуже той же Сильвии, допустим?

— Может быть, что-нибудь придумаем, — успокоил я офицеров. — На море вылазку организуем, экскурсию по достопримечательным местам...

— Значит, ладно. Тогда объявлю парко-хозяйственный день¹. Самый страшный на свете зверь — ничем не занятый боец. А после окончания — наркомовскую?

Вот еще ирония истории. Отчего-то среди белых офицеров Югославии с подачи Сашки и Берестина намертво прижилось обозначение того, что при «старом режиме» называлось «казенной чаркой». А тут вдруг — наркомовская. Впрочем, не первый случай, когда ни с того ни с сего в употребление входило вполне случайное иноязычное слово. Например, в войсках Краснознаменного Дальневосточного округа в семидесятые годы солдаты любой прием пищи вдруг стали обозначать словом «чи-фан», что на хорошем мандаринском диалекте означает ни больше ни меньше, как «банкет». И при-

¹ Парко-хозяйственный день (ПХД) — любимая забава старших начальников в Советской армии. Объявлялся обязательно в выходные дни и предусматривал минимум восемь часов самых грязных и нудных работ по обслуживанию боевой и транспортной техники, вооружения, разборки складских помещений, каптерок и всяческих накопившихся с прошлого ПХД завалов мусора и неисправного имущества. Заодно красили бордюры, заборы, ворота и т.п. Кстати, фактов покраски травы автор за время службы не наблюдал ни разу.

думали от него массу производных. А у офицеров, даже взводных, этот термин не употреблялся даже случайно.

— Наркомовскую можно. Не дети, чать, боевые офицеры. Главное, чтоб без эксцессов. Особенно с местными.

С кормежкой тоже определились легко. Хозяева прекрасно знали, чем обычно питаются люди (своих наложниц же они кормили, и неплохо, как позже выяснилось). Поэтому нам достаточно было один раз написать нечто вроде заявки: «Прием пищи трехразовый, раскладка по белкам, жирам, углеводам такая-то, мясо травоядных теплокровных животных и не хищных птиц к обеду и к ужину, плюс фрукты, овощи, напитки в виде соков, чая, кофе (или аналогов)», приложить к ней распечатку с ноутбука одной из хороших кулинарных книг, и проблем с питанием у нас не возникло ни разу до самого отбытия на Родину.

Заправлял на нашей базе «дворецкий» (одного «интеллектуального ранга» с бесследно сгинувшим Шатт-Урхом) по имени Шмульт-Зоар, командовавший доброй полусотней «мыслящих» и неизвестным числом «полумыслящих».

— Ну, натуральное рабовладение, — восхитился Ростокин. — Легко предположить, что мы гостим на вилле какого-нибудь Лукулла или Гнея Помпея... Тем более и климат подходящий.

— Интересно, а как тут у них насчет баб-с? — с серьезным лицом процитировал Сашка. — Убей меня, не поверю, что все сплошь «эмигрантки» с Земли попадают в этот самый статус анцалувати. Я правильно сказал?

— Правильно, — подтвердил обладавший абсолютной слуховой памятью Скуратов. — И я с тобой согласен. Зная древнюю земную историю, с которой они наверняка связаны прочнее и ближе, чем мы, скажу, что процентов десять, едва ли больше, «эмигранток» ухитряются здесь занять сколько-нибудь достойное положение. Не может быть первобытного, по сути, общества, в котором многократно превосходящее мужчин по численности женское население пользовалось бы достойными правами...

— Почему? — удивился Ростокин.

— Элементарно. Дамы, в силу специфики своего характера, не могут составить коллектив равноправных по статусу жен. Значит, здесь работает частично гаремная, частично... не знаю даже, как назвать — «ферменная» культура. То есть ориентированная на выращивание чего-то живого в промышленных масштабах.

— С чего это вдруг? — по-прежнему не понимал Игорь.

— Да проще простого, — Скуратов начал раздражаться. Какой, думал наверное, непонятливый студент попался. Мне-то ход мысли Виктора был отчетливо ясен сразу, все ж таки в более простом и циническом обществе вырос, мы такое не только слышали, но и видели. А человеку общества на полтора-два десятка лет (да без войн и революций) цивилизованней нашего кое-что хоть и известно теоретически, но сложно для восприятия.

— Репродуктивная способность женщин ограничена естественными пределами, — принял-

ся объяснять Скуратов, — мы не знаем, какую численность населения «высочайшие» считают для себя оптимальной, но по логике и исходя из площади земной поверхности им требуется достаточно расширенное воспроизводство своей страты. Значит — не меньше четырех-пяти голов доживающего до начала собственного детородного цикла приплода на пару. Процесс же воспитания потомства достаточно протяженный по времени, связан с многими неудобствами и ограничениями. Даже в аристократических кругах при моногамной семье.

Здесь таковых не имеется, достаточно признаков, чтобы судить с уверенностью. Значит, каждому из наших хозяев требуется от четырех, как по шариату, до бесконечного количества жен и наложниц. На Земле первой, то есть нашей, схема отработанная. А они ведь нам прямые родственники и вообще от высших обезьян (которые тоже не моногамны) происходят, потому женщин им нужно много. Будем считать — десять к одному, с условием постоянной смены контингента. А еще молодежь развлекать и тренировать надо, значит, нечто вроде системы борделей должно наличествовать. Кроме того — мамки, няньки, служанки, кормилицы и тэпэ. «Мыслящие» и «полумыслящие» тоже вполне себе гуманоиды, их численность тоже надо как-то пополнять...

Хорошо быть ученым. Вот так посмотрел по сторонам и сразу составил полную социопсихологическую картину здешнего общества.

Верна она или нет — другой вопрос. Я, не такой ученый, как Виктор, причем не логик, а больше

психолог, на тех же послылках могу выстроить совсем другую гендерную структуру здешней цивилизации. Значит, надо и с этим разбираться. Кое-какие идеи уже появились.

Доверять мы своим «хозяевам» не собирались ни на грош. Это вообще универсальное правило — людям чуждой культуры, чьи обычаи тебе неизвестны, а намерения невозможно документированно проверить, доверять нельзя в принципе. Во избежание, так сказать.

Речи не идет ни о какой ксенофобии и прочих либеральных страшилках. Просто есть животные, которым необходимо посмотреть прямо в глаза, чтобы пресечь возможную агрессию, а есть такие, кого взгляд как раз провоцирует. И если ты этому специально не обучался, то сильно рискуешь ошибиться — с летальными последствиями.

То же самое и люди. В разных культурах одно и то же действие может означать прямо противоположное. И нравственные установки отличаются полярно. Очень у многих этносов обмануть, ограбить, убить доверившегося им человека — доблесть и признак большого ума, у других предложение переспать с собственной женой — высшая степень гостеприимства. И так далее.

Поэтому даже к согражданам иной веры и культуры следует относиться без предубеждения, но с осторожностью, а что же говорить о дуггурах, отделившихся от человечества задолго до появления какой-либо культуры в нашем понимании? С которыми, кстати, мы за время «знакомства» только во-

евали, причем воевали победоносно. А теперь явились к ним на трофейном средстве передвижения, в сопровождении то ли перебежчика, то ли перевербованного соотечественника.

В нашей истории инки, майя (а возможно, и ацтеки, но это неважно) совершили такую психологическую ошибку — приняли белолицых гостей из-за океана с расprostертыми объятиями. За что и заплатились.

В этом смысле нашим зауральским соотечественникам повезло намного больше. Среди русских землепроходцев, казаков и даже каторжников не нашлось ни американских протестантов, ни испанских католических «просветителей».

Вечером, когда солнце спустилось к горизонту примерно в районе несуществующей здесь Барселоны, мы решили без помех обсудить итоги дня в подходящих и комфортных условиях. Для этого, предварительно изучив территорию, устроились посередине россыпи белых крупных валунов, окруженных невысоким кустарником, рядом с крутым обрывом к морю. В месте, максимально неудобном для прослушивания и видеонаблюдения. Во внутренних помещениях или многочисленных павильонах и беседках, в изобилии наличествующих среди рощ и дендрариев, окружавших дома, слежку за собой мы считали стопроцентно разумеющейся. Ибо сами поступили бы точно так же, принимая «высоких гостей».

Антон известным ему способом защитил наше ментоизлучение на волнах, которыми пользовался Шатт-Урх. Вдобавок мы должным образом настрои-

ли наши с Сашкой блок-универсалы, я на создание купола звуко- и прочей непроницаемости, а Шульгин — на перехват чужих радио- и прочих импульсов. В случае необходимости автоматически сработала бы система РЭБ, весьма агрессивная.

При выведении режима на максимум схема любого устройства, использующего известные нам иagram способы дистанционной передачи информации (кроме флажкового семафора, естественно), сгорала на ноль, в угольный порошок. А уже на первых тридцати процентах мощности эфир (в широком смысле) забивало непроницаемым «белым шумом».

Неплохое оружие, кстати. В принципе не летальное, но достаточно смертельное, если сфокусировать луч на современном автомобиле или самолете. Одномоментно выводится из строя вся электроника, и что происходит дальше — представить нетрудно. Работоспособной останется только техника первой половины прошлого века.

Разместились, обезопасились в инструментальной области, а физическую защиту обеспечивали два парных офицерских патруля на территории «жилого комплекса» и андройды, которые органолептически и иными способами контролировали всю территорию нашего расположения.

Аборигены из obsługi поместья вели себя вполне насекомообразно, то есть по выполнении необходимых функций куда-то скрывались, не удивлюсь, если в некие подземные убежища, где и впадали в каталепсию. А почему бы и нет? При наличии нервной системы, полностью загруженной всякого рода инстинктами, какая-то интеллектуальная

жизнь не имела смысла. Имитировать ее можно для окружающих, но не для себя. Читать незачем, играть в азартные игры — тем более.

Интересно бы узнать — а в режиме инстинкта сексуальная жизнь приносит удовольствие? С одной стороны — вроде бы должна, ибо даже фильм так назывался — «Основной инстинкт». Но с другой — весь-то кайф именно от эмоциональной составляющей. Впрочем, это для нас, людей высокоорганизованных. А большинство даже и «среднего класса», не говоря о всякого рода люмпенах, упрощает это дело до крайнего предела, без всяких — «а поговорить?».

Сделаем пометку — в ходе научных изысканий и на данный момент внимание обратить.

По распоряжению Шмуль-Зоара служащий низшего вида, из «хабилисов», принес нам несколько деревянных фляг емкостью примерно в наши «четверти»¹, весьма изящно украшенных причудливыми узорами, при ближайшем рассмотрении оказавшимися естественного происхождения. Текстура и неравномерная окраска слоев неизвестного дерева всего лишь. В них содержалась весьма приятная на вкус «амброзия», что «высочайшие» используют для подъема тонуса, как и все высшие млекопитающие. Проще говоря — некая спиртосодержащая жидкость, напоминающая одновременно и херес, и не слишком крепкий ликер. Но вином это не было однозначно: градусов многовато, не меньше тридцати.

¹ Дореволюционная стеклянная бутылка вместимостью в «четверть ведра», т.е. 3 литра.

Скуратов предположил, что это может быть выделениями какого-то специального вида насекомых, вроде ламехузы. Те, проникнув в муравейник, своим выпотом, обожаемым «формиками» всех видов, вгоняют их в наркотически-алкогольный транс, а потом беспрепятственно поедают яйца и личинок.

Профессора дружно обматерили за его неаппетитные гипотезы, а Антон включил какой-то свой внутренний анализатор и сообщил, что опасности нет, продукт экологически чист и представляет собой результат ферментации и перегонки медоподобного вещества. То есть, в общем, Виктор оказался прав, но «меды ставленные» — как раз русский национальный напиток, и, следовательно, гипотеза о родстве дуггуров со славянами, а не с японцами, например, находит очередное подтверждение. После этого дегустацию продолжили. Однако же капитана на всякий случай предупредили, чтоб от аборигенов никаких гостинцев не принимал, а «винную порцию» выдавал исключительно из собственных запасов, которых на месяц должно было хватить при соблюдении «высочайше утвержденных норм»¹.

Покуривая и отхлебывая «амброзию» из растительного же происхождения пиал, мы для начала распределили обязанности по изучению «прекрас-

¹ Норма «винной порции», как и продовольственного довольствия вообще, в царской армии действительно утверждалась императорским распоряжением. Рядовому и унтер-офицерскому составу ежедневно полагалась «сотка» (не сто грамм, а «сотая часть ведра», т.е. 123 мл), офицерам — без ограничений, «но не иначе как к обеду и к ужину, с тем, чтобы сохранять трезвость ума и поведения»).

ного нового мира»¹, чтобы не просто дипломатическую задачу решить, но и обогатить человечество новым знанием. Когда-нибудь в далеком будущем, так как сейчас пользы от такого знания оно не получит.

Самонадеянно рассуждаю, сказал бы некто, доведись ему прочитать эти строки. А я бы ему возразил, что нынешнее человечество в новых знаниях не нуждается, независимо от моей или чьей-либо еще точки зрения. Оно старательно доказывает ненужность ему какого угодно действительно нового знания вот уже сорок лет. И это великолепно показано (и предсказано) Стругацкими в «Хищных вещах» и «Сказке о тройке». Мне к написанному там прибавить нечего.

Коллективному «голему»² человечества ни к чему новые миры, новые горизонты, даже сколько-

¹ «Прекрасный новый мир» — роман-антиутопия английского автора О. Хаксли (1932 г.). Как и многие его коллеги, в т.ч. русский Е. Замятин («Мы»), в годы после Первой мировой войны и Октябрьской революции Хаксли изображает доведенный до абсурда мир тоталитарной диктатуры, уже не на политическом только, но и на биологическом уровне. Впрочем, «злое» и «морлоков» придумал еще Уэллс в конце XIX в.

² «Голем» — термин, введенный А. Лазарчуком и детализированный С. Переслегиным. Означает некий самозарождающийся «квазиразум» и алгоритм поведения систем, составленных из достаточно больших групп людей, объединенных общим делом и общей целью, но независимый от воли каждого составляющего элемента и способный к саморазвитию в направлении, независимом от первоначальной цели указанного «объединения». Существует «голем» бюрократический, научный, военный, криминальный и т.п. В данном случае автор подразумевает коллективный «квази-анти-разум» всего человечества, «сознательно» избравший путь примитивизации общества, отказ от масштабных и перспективных целей, переход к «автаркической цивилизации потребления».

нибудь осмысленная музыка, кино и книги. Что им до какой-то «Второй Земли», то ли существующей, то ли сгальюцинированной?

А вот убить нас в случае разглашения подобного «знания» постараются обязательно. По разным причинам разные люди, но дружно. И опять бежать? Скрываться на Валгалле или в Югории?

Лучше уж помолчать, как много лет молчали.

Исходили мы из специализации каждого, профессиональной и интеллектуальной. Мне, соответственно, досталась дипломатия в чистом виде, каковой следовало заняться с учетом всего моего предыдущего опыта и представлений о дуггурах как об определенной социосистеме, доступной для «рационализации и утилизации».

Шульгин по основной специальности должен был сколь возможно изучить этот мир и его обитателей с биологической точки зрения, а по второй — отыскивать «болевы́е точки», которых здесь не могло не быть, и соображать, как их использовать «к вящей славе Божией»¹.

Со Скуратовым все ясно — он должен изучать логику, психологию и политическое устройство данного общества, в том числе и его гендерную составляющую, раз уж сам поднял эту тему.

Ростокин — он репортер, и этим все сказано. Должен лезть во все, всем интересоваться, задавать вопросы, включая дурацкие, и не забывать, что хороший журналист в стане если и не явного

¹ «Ad maiorem dei gloriam» — девиз ордена иезуитов, этой формулой оправдывавший любые действия его членов, если они соответствовали достижению поставленной цели.

врага, то и не друга точно, не должен ограничиваться только сбором информации, пусть и сенсационной. Благо опыт не только изучения, но и влияния на ситуацию у него был порядочный, в том числе и инопланетный.

Как-то в последнее время текущие события заслонили тот факт, что Игорь еще в своей «предыдущей жизни» контактировал с весьма недружественно настроенными пришельцами и сумел практически в одиночку спасти Землю от крупных неприятностей. За что в своей реальности был награжден и чинами, и орденами¹. Да и попав к нам, вел себя в незнакомых обстоятельствах более чем достойно.

А вот как использовать Антона — нужно было думать. При первой встрече с Рорайма он был представлен как «Тайный посол», представитель якобы курирующей земные дела Галактической Сверхцивилизации, Союза Ста миров, но вот каким образом он должен эту роль обозначить, как повести себя с дуггурами и какие ближайшую и последующие задачи мы таким образом можем достичь?

Этим мы и занялись, поскольку все остальное было достаточно ясно. В любом случае — мы свой ход сделали, теперь ждем, что за староиндийскую или, наоборот, «хотя и устаревшую, но довольно верную защиту Филидора» дуггуры решат разыгрывать. Тут мы почти в положении Остапа, включая возможность его заключительного маневра².

¹ См. роман «Андреевское братство».

² См. И. Ильф, Е. Петров. «12 стульев».

Утром, как и условились, через час после восхода солнца к нам пожаловал господин Марувату, окончательно продемонстрировав, что он на самом деле наш постоянный куратор, гид и, скажем так, аналог дантовского проводника¹. Мне как-то так представилось, что много интересного и не всегда приятного нам предстоит здесь увидеть.

Он прибыл на «медузе», из чего следовало — лететь нам неблизко.

Шульгин еще раз проинструктировал нашего капитана. Мы взяли с собой Артема в качестве личного слуги и заодно — средства связи. По своим каналам, гравитационным или нейтринным, не знаю, он в любом случае до полного собственного уничтожения успеет связаться с Аскольдом. Если мы перестанем существовать или окажемся в силу тех или иных причин недееспособными, Ненадо получал полную свободу рук. А уж сумеет ли он воспользоваться ей для спасения нас (а вдруг?), своего отряда или только для славной гибели с нанесением врагу максимального ущерба — бог весть.

Ядерного заряда у нас с собой не было, естественно, но дуггурам мы еще вчера сказали, что «в случае чего» с Земли-один прилетит вторая трофейная «медуза» с термоядерным зарядом в десяток мегатонн. И пусть думают — сильно ли им это надо, даже если их «поселения», «гаремы» и важная инфраструктура в должной мере рассредоточены.

Кстати, мы можем устроить им хороший тарарам без всякой бомбы, двух «портсигаров» хватит,

¹ В «Божественной комедии» Данте Алигьери в его экскурсиях по Аду и Чистилищу (в Рай его не пускали как язычника) сопровождал Марон Публий Вергилий, любимый поэт Данте.

чтобы выжечь десяток гектаров густонаселенной местности. Но этот козырь мы пока предъявлять не будем.

«Медуза», на которой мы полетели, была как бы бизнес-класса — намного комфортабельнее и технически совершеннее, чем та, на которой мы прибыли сюда. Разница как между военно-пассажирским транспортным самолетом и личным «Боингом-777» владельца нефтяной корпорации.

В центре салона имелся даже как бы экран внешнего обзора, но не ЖК и не плазменный, а в виде огромного живого «глаза» двухметрового диаметра, на влажной поверхности которого и формировалась цветная картинка из миллионов клеток — пикселей. «Глаз» едва заметно пульсировал и только что не моргал. Зрелище и ощущение не совсем приятное, как и вообще от самой «медузы» и прочих квазиживых устройств.

Ориентируясь по солнцу и времени полета со скоростью около пятисот километров в час, поскольку навигационной карты нам предложено не было, а географическая топонимика «высочайших» с земной не совпадала, я определил, что приземлились мы, скорее всего, на Азорских островах. Привязанность высокопоставленных дуггуров к островам наводила на размышления.

При их численности населения и вполне развитой и агрессивной биосфере жить на материке возможно только в особо укрепленных замках. Да и то без наличия значительных вооруженных сил подобный образ жизни особо комфортным быть не может. Противники (такие же феодалы, а то и существа других видов) спокойно жить не дадут, даже

при наличии орд «монстров», многоствольных ми-
тральез и прочего вооружения.

Острова, удаленные от материка на сотни миль,
гораздо комфортнее. Достаточно иметь кое-какую
ПВО от «медуз» и отряды противодесантной обо-
роны. Из людей или специально выведенных «мор-
ских гадов».

Значит, структура дуггурианского общества
просто обязана быть неоднородной. Даже в пре-
делах касты «высочайших». Некоторая их часть
(функционально или по какому-то иному призна-
ку) должна жить в гораздо более суровых услови-
ях, чем обитатели теплых и безопасных островов.
И, соответственно, представлять собой иной психо-
тип. Вроде как у нас хозяева северных фьордов —
викинги, принадлежа к той же романо-германской
группе, что и французы с итальянцами, отличались
от них и фено- и психотипом. Есть ли здесь подоб-
ное деление? Я решил обратить на эту тему специ-
альное внимание.

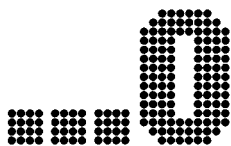
Приземлились мы на площадке, очень похожей
на ту, что имелась перед «Домом советов», так же
окруженную субтропическим лесом, карабкаю-
щимся по склонам довольно высокой остроконечной
горы. На Азорах мне бывать еще не приходилось.

Повезло в очередной раз, значит.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Из записок Андрея Новикова

физической географии второй Земли говорить нет смысла — за сотню тысяч лет в ней практически ничего не изменилось. Об экономической и политической — можно, это представляет непосредственный интерес хоть бы из чистого любопытства. Все ж таки наша родная планета, сейчас больше похожая на Валгаллу своей незатронутостью технической цивилизацией.

Надо же, как все просто — в какой-то момент (местные ученые этим не интересовались, а зря) достаточно большая часть человечества, а точнее — не само человечество, а его эгрегор, «голем», «коллективное бессознательное» — сделала выбор иной, чем наши предки. И сделала его в тот момент, когда он имел возможность не просто реализоваться, а образовать отчетливую, безусловную, как транспортная развязка на автостраде, развилку. Кому на Минск — налево сворачивайте, кому на Петербург — прямо и направо.

В нашей «подлинной истории» тоже имелось значительное количество личностей, не желавших строить пирамиды и Баальбекские платформы, гораздо больше интересовавшихся практической био-

логией и всевозможными религиозно-мистическими делами, но как-то не хватило им критической массы, чтобы перетянуть чашу весов на свою сторону.

Наверное, боги технократов оказались сильнее и решительнее. С тех пор колдуны, ведуны, друиды, волхвы, шаманы, а также всякие «юные натуралисты» оказались в числе маргиналов, хотя и могущественных временами.

Не зря ведь «ботаник» является презрительной кличкой «сильно умных» детишек, а не «штукатур», например.

В этом мире, впрочем, все сложилось еще хуже. У нас натур, склонных к художествам всякого рода, в буквальном смысле и переносном, все же не «ликвидировали как класс», а приспособливали к общему делу. Иногда — с поразительными результатами. А со всякого рода «ведьмами» и «колдунами» боролась всерьез только католическая церковь, да и то не слишком долго и спустя рукава. Здесь же процесс «искоренения чуждых элементов» длился десятки тысяч лет.

В итоге осталось с десятков миллионов «высочайших», то есть «людей» в общепринятом понимании, биологически и, с некоторой натяжкой, психологически. А те гипотетические миллиарды, которые тоже должны были бы существовать в «человеческом» качестве — либо не существуют вообще (любого вида «гуманоидных» существ на Земле-два и миллиарда не наберется), либо влачат существование, на которое ни один из более-менее вменяемых землян не согласился бы.

У нас самый распоследний нигериец или бирманец имеет реальный шанс попасть в Москву, Нью-

Йорк или Мюнхен и сравнительно прилично там устроиться. Или в собственной стране стать, допустим, паханом над всеми паханами тамошнего преступного мира.

А тут даже господин Суннх-Ерм, председатель Всеземного парламента, есть всего лишь имеющее внешний облик человека насекомое и никогда, никаким образом не ощутит себя «свободным человеком». Потому что нечем ощущать то, о чем не имеешь никакого представления.

Как там Пушкин писал? «Не дай мне Бог сойти с ума! Нет, легче посох и сума. Нет, легче труд и глад...»

А эти ума лишены от природы и так живут, не знаю, что при этом чувствую.

Но я начал о географии.

Вот этот десяток миллионов «людей» очень недурственно, что в своем, что в нашем понимании, и устроился на целой нетронутый механистическим прогрессом планете.

Реализованная мечта господина Сарториуса и ему подобных. Поделили между собой по пока еще не выясненному принципу наиболее комфортные в климатическом смысле территории, прежде всего — хоть сколько-нибудь подходящие для жизни острова. Даже на Гренландию и Исландию нашлись желающие.

А кому островов не хватило — выкроили отвечающие их вкусам феодалы на материках, преимущественно имеющие легко защищаемые границы. В итоге образовалось несколько сотен большего или меньшего размера баронств, графств и герцогств (в нашей, естественно, терминологии и по-

нимании). На самом деле устроено и функционирует здесь все совсем по-другому.

Живут «высочайшие» кланами, насчитывающими от сотни до нескольких тысяч экземпляров, как о них предпочитает выражаться Шульгин. Городов, само собой, не имеется, но есть как отдельные семейные поместья замкового типа, так и аналоги наших «охраняемых поселков» вроде разных «рублевок», «горок» или их западных аналогов. А также общие для нескольких поселений «культурные центры». «Высочайшие» все же приматы, а значит, нуждаются в некоей «социализации». Для чего создали весьма разветвленную и нам пока не совсем понятную систему вертикальных и горизонтальных связей, в том числе и общепланетного уровня.

Но, будучи приматами (то есть не имея генетического механизма, запрещающего внутривидовую агрессию), с самых начальных времен своего «раздельного существования» непрестанно воевали друг с другом, сначала каменными топорами, потом все более совершенным оружием.

Другое дело — до мировых войн не додумались в силу малочисленности населения и малой связности территорий. Зато во все времена их истории практиковались «набеговые операции». На лодках, верблюдах, слонах и лошадях, позже — на «медузах» и иных биомеханических устройствах. Аннексии территорий и перекройки границ владений тоже случались постоянно, но в детских, с нашей точки зрения, масштабах.

Главное же, они, весьма быстро проскочив период рабовладельческих империй, всерьез и основательно занялись развитием и совершенство-

ванием близкого с нашим аналога феодализма. «Экстерриториальные университеты» у них тоже рано появились, похожие на первые европейские, только, в отсутствие монотеистической религии, там не богословием занимались, а естественными науками.

И «базовую теорию» своего общества разработали, и специалисты по «научному феодализму» имелись, уровня нашего ИМЭЛ¹, даже своеобразный партполитаппарат имелся. Основное отличие от нашего варианта политической истории заключалось в том, что этот «феодализм» содержал в себе значительную долю коммунизма, как «первобытного», так и вполне себе «развитого». И войны у них «феодального» стиля, а не «капиталистического». Воюют в основном не сами «феодалы», а нижестоящие по «эволюционной лестнице» существа, от «мыслящих» до инсектов, а сами «высочайшие» лишь руководят процессом, принимая участие в боях лишь иногда, тоже по «рыцарскому» типу.

Такой вот парадокс, в изучение которого я влез с азартом и при благожелательной помощи «товарища Мураванго», как я, дурачась, стал звать дуггура, работавшего лично со мной по интересующей меня тематике. «Товарищ» оттого, что он очень напоминал мне одновременно Мао Цзэдуна и Ким Ир Сена, несмотря на рафинированно европеоидную внешность.

¹ ИМЭЛ (ИМА) — Институт Маркса — Энгельса — Ленина (марксизма-ленинизма) — главное научно-теоретическое учреждение СССР с 1921 по 1991 г. Занимался изучением теоретического наследия классиков, а также дальнейшей разработкой м.-л. теории.

Очень симпатичный оказался «высочайший», в летах весьма приличных. В «пересчете на мягкую пахоту», то есть с учетом отличий в длине суток и скорости вращения по орбите (да, именно так, Земля-два имела отличные от нашей Земли характеристики, приближаясь по ним к Валгалле), было ему где-то под сто лет. Но выглядел он на пятьдесят здорового и занимающегося атлетическими видами спорта человека.

Насчет их топонимики, напоминающей кванговскую¹, и астрономических характеристик планеты я его спросил, не есть ли их Земля этакой аллотропией² нашей и Валгаллы-Таорэры одновременно. Коллега (а он тоже имел аналогичное моему образованию и ученую степень) сказал, что над этой проблемой никогда не задумывался, но имеющиеся материалы исследования культуры квангов (у них они называются, естественно, по-другому) указывают на определенное сходство и культур, и языков, но это, очевидно, скорее конформные аналоги³, нежели родственные связи. Но вот способ проникновения у дуггуров что на нашу Землю, что на Валгаллу один и тот же. А какой именно — Мураванго не имел понятия. Классическое — «Извозчики довезут».

¹ См. роман «Одиссей покидает Итаку».

² В химии аллотропия — существование одного элемента в виде двух или более простых веществ, иногда принципиально отличающихся признаками и свойствами. Например — уголь-алмаз-графит, разительно несхожие вариации углерода. Здесь Новиков подразумевает, что названные три планеты являются тремя вариантами существования одной и той же исходной.

³ Конформность в биологии — приобретение неродственными видами биологических объектов определенных внешних качеств, вызванных сходством условий окружающей среды. Например — дельфин и акула.

После того как мы прибыли на Азоры, где у дуггуров располагался комплекс учреждений (условно говоря), осуществлявших определенную координацию совместных действий всей популяции «высочайших», нас, после краткой ознакомительной беседы со всем синклитом, распределили по секциям. Сами собой всплывают полузабытые термины советских времен, когда часто приходилось бывать на всевозможных семинарах и конференциях по обмену опытом.

Руководство решило, что раз уж мы сюда проникли и наше человечество к ним серьезных, имеющих силу «казус белли», претензий не имеет, то и психологически, и экономически будет выгодно, если мы сможем поближе познакомиться друг с другом, обменяться информацией, интересующей каждую из сторон, и в итоге заключить нечто вроде «Декларации о недопущении столкновений судов на море». То есть из самого предварительного обмена мнениями следовало, что вылазки свои (или — грабительские набеги) они на Землю и Валгаллу прекращать не собираются, но готовы сделать все, чтобы их и «землян» интересы не пересекались в пространстве и во времени.

Каких-либо «верительных грамот», подтверждающих нашу правомочность говорить от имени всей планеты и заключать любого рода соглашения, никто от нас не потребовал. Скорее всего, на их «толерантность» очень повлияло присутствие в нашей команде Антона и двух андроидов. Со своими возможностями в «психотехнике» они мгновенно убедились, что форзейль человеком не является и его ментальные характеристики значительно превосхо-

дят таковые что у людей, что у дуггуров. И если «Галактическая цивилизация» на самом деле заинтересовалась нашим мирком, имея в нем какие-то свои интересы, то лучше без толку в бутылку не лезть.

Ну а Артем с Аскольдом подтверждали наше неоспоримое техническое превосходство, поскольку ничего равноценного они роботам противопоставить не могли, да и вообще не очень понимали, что те собой представляют. А кроме того, сразу поверили, что мы в состоянии переправить на их территорию неограниченное количество андроидов, страшных как раз «искусственным мозгом», абсолютно не реагирующим ни на какое «волновое воздействие», и по любым параметрам превосходящих что самих «высочайших», что наиболее мощного «монстра». О том, что андроиды на самом деле полные аналоги их «мыслящих», только во много раз более универсальные, они пока не догадывались.

Значит, подтвердились наши расчеты на справедливость суворовской максимы: «Смелость города берет». Взяли, внаглую прилетели в логово экзистенциального врага и пока живы. Принимают, и даже с уважением.

Какое-то время мы с «товарищем Мураванго» согласовывали мои имевшиеся в ноутбуке карты Земли с теми, которыми пользовались они. Меркатора в их истории, конечно, не имелось, привычной системы координат — тоже, и то, что они называли картами, выглядело, на мой взгляд, достаточно дико. Особенно учитывая, что и магнитные полюса у них в других местах расположены, и меры длины у дуггуров отнюдь не метрические.

Но кое-как разобрались.

Помещение, в котором мы работали, находилось на одном из верхних этажей громадной восьмиугольной каменной башни, высящейся на склоне скалистого хребта, сплошь, за исключением гранитных ребер и щебенчатых осыпей, покрытого дремучим, на вид совершенно непроходимым лесом. Напротив, на мысу, проецируясь на синее с полосками облаков небо и еще более синий океан, высилась небольшая куполообразная гора. Ее вершина находилась как раз на уровне окна, сквозь которое я на нее смотрел. Красиво, черт возьми. Умеют же устраиваться люди!

У нас что-то подобное можно увидеть только на Курилах, а прочие острова, Соловецкие, например, или Валаам, такого праздничного настроения не создают. Совсем другое у них предназначение.

А вообще оказались мы на центральном острове архипелага, Сан-Хорхе, как он у нас называется, похожем на узкий иззубренный клинок, брошенный на синее бархатное полотнище океана. На мысу, прямо под нашей башней, должен был бы располагаться курортно-рыбацкий городишко Велаш. Но здесь на его месте сплошным покровом расстилались дремучие темно-зеленые дебри. Только выделялась ярко-желтая полоса многокилометрового пляжа, с двух сторон отороченная зеленой бахромой леса и бело-синей прибойной полосой. Судя по ровной, с высоты кажущейся неподвижной кромке пены, накат там довольно приличный. Серфингом вполне можно заниматься.

Снова непреодолимо захотелось искупаться в этой немислимо чистой для нашей Земли воде. Каламбур получился, или как?

Чтобы избавиться от соблазна (а то ведь потребу прямо сейчас, чтобы меня доставили на берег), спросил у Мураванго, как здесь насчет акул и прочей хищной морской фауны, и вообще, развиты ли у них водные виды спорта?

Почему-то я совсем не удивился, получив положительный ответ на первый вопрос и отрицательный на второй. Акулы, по словам моего куратора, это еще довольно безобидные существа. Имеются в океане рыбообразные, моллюски и членистоногие, опаснее стократ. Одна из медуз, например (типа нашей «кубоидеум», живущей в Охотском и Японском морях), убивает человека одним прикосновением в девяноста случаях из ста. Есть еще всякого рода рачки, заменяющие в океане пресноводных пираний, способные обглодать даже крупное животное до костей. Спасает остальную водоплавающую фауну только особо прочная чешуя, кожа и изобилие рыб, этими рачками питающихся, словно киты — планктоном.

Относительно же спорта подтвердилась наличествующая и в нашей истории закономерность — кроме полинезийцев, ни один первобытный народ до спорта не додумался. Например, горцам, хоть кавказским, хоть андским, в голову не пришло за тысячелетия заняться альпинизмом. До верхней границы альпийских лугов добирались, а дальше зачем? Только европейцы, а конкретно — греки, перевели физические упражнения из занятия чисто утилитарного в некое развлечение. Правда, после древних греков потребовалось еще две тысячи лет, чтобы вернуть идее спорта утраченные в «темные века» позиции.

Точно так и «высочайшие» не баловались даже плаванием, ограничиваясь купанием в бассейнах, а весь их атлетический облик происходил от генетики и каждодневных упражнений, не носящих характера соревнований. Соревноваться друг с другом, притом с «нулевой суммой»¹, считается среди «высочайших» делом предельно недостойным. На это у них имеется неограниченное количество «низших».

Два феодала могут вести долгую кровопролитную войну за какой-то материальный или моральный интерес, но после достижения одним из них цели или просто исчерпания ресурсов для войны понятие «победы» или «поражения» не используется. И «высочайшие» во врагов не превращаются, следующая «война» по умолчанию никак не связывается с результатами предыдущей.

Есть в этом что-то от рыцарских турниров, а поскольку цивилизация дуггуров сформировалась раньше, чем возникла такая культура, то здесь ближе аналогия с поведением большинства высокоорганизованных млекопитающих. Никакая драка не предполагает нанесения противнику «неприемлемого ущерба». Бой прекращается после вполне символического изъятия покорности. Как и у нас, рыцарь, вылетев из седла, отдавал победителю свой доспех и коня, но уроном его чести сей факт не считался. Они тут же могли сесть за общий стол и приступить к пиршеству. До следующего поединка.

¹ «Игра с нулевой суммой» — такая, в которой выигрыш одного означает полный проигрыш другого. Принцип — «Победитель получает все».

Иначе при весьма ограниченном количестве феодалов их цивилизация давным-давно исчезла бы за истощением мобилизационного ресурса.

Достигнув полного взаимопонимания со своим куратором, я погрузился в документы и материалы, которые мне сочли возможным предоставить. Кстати, у них при крайне ориентированной в сторону биологии и бионики науке механических достижений тоже хватает.

С задачей удобного и компактного хранения текстовой информации, неподвижных и движущихся изображений они справились вполне успешно лет на тысячу раньше нас, но так на этом, соответствующем приблизительно середине нашего XX века уровне и остались. Потому как незачем дальше лошадей гнать. Это примерно как если бы у нас в архивах хранились фотоснимки фронтовых корреспондентов, сделанные в походах россичей на Царьград или в ходе битвы на Калке, причем тем же самым «Зенитом» или «Зорким», что и сейчас работают.

Честно сказать, происходящее с нами мне нравилось. Снова, как в молодости, я занимался делом, к которому был привержен и приспособлен, а самоощущение не сильно отличалось от того, что было, когда я в двадцать шесть лет впервые очутился на «диком Западе», да еще и в самых экзотических его местах. Контраст не намного меньший получился, чем я сейчас наблюдаю.

И Антон вернулся к основной профессии. Все ж таки большая разница — состоять непонятно в каком качестве при оголтелой компании зем-

лян, с которыми свела судьба и она же наградила жалкой участью невозвращенца¹, или опять обрести свой высокий дипломатический ранг. Пусть и на время.

Беда Антона заключалась в том, что после ареста в своей Метрополии и осуждения на пожизненный срок он в глазах Замка как бы потерял авторитет. Или не Замка в целом, а его адаптированной к условиям работы на Земле субличности. Форзейль перестал быть представителем некоей высшей воли, служить которой Замок изначально был предназначен.

Исполнять по привычке просьбы, пусть даже обремененные в форму команд, Замок соглашался, но видно было, что все это только имитация, наглядная демонстрация поговорки: «Привыкла собака за возом бегать».

Согласен, что все это только мои домыслы, где уж среднему уму постичь тайны взаимоотношения «галактов», как подобных экземпляров называли в каком-то романе давних времен. Но с моей точки зрения, треугольник Замок — Антон — Арчибальд расшифровывался именно так.

Но не в этом дело. Оказавшись здесь, Антон как бы вынул из шкафа и снял с плечиков свой мундир «Тайного посла» со всеми нашивками, погонами и регалиями, почистил щеточкой, надел, повернул

¹ Был в советские времена такой термин для обозначения не просто эмигрантов, тем или иным путем выехавших за пределы СССР, а должностных лиц, посланных в заграникомандировку и решивших на Родину не возвращаться. Данный поступок почти всегда приравнивался к государственной измене, тем более что в большинстве случаев так оно и было.

ся несколько раз перед зеркалом и решил, что все адекватно. А также и аутентично¹.

Он был представлен господам Туливару и Манакара, судя по всему, специалистам по контактам «Дуггурляндии» с нашей Землей. Языками, что русским, что основными европейскими, они владели более чем свободно. Обычно такая степень недоступна даже среднестатистическому большинству «носителей». Но как раз такая давалась что форзейлианскими, что аггрианскими обучающими программами. Что наводило на очередные размышления. О самостоятельности дуггуров как варианта автохтонной² цивилизации.

Возможно, они такой же продукт упражнений ныне живущих или ранее существовавших Держателей, как половина рас, входящих в Союз Ста миров. Или даже — генетический мусор, побочный продукт более удачных экспериментов, оставленный существовать просто из любопытства — «а, может быть, и из этого получится нечто познавательное или поучительное».

Кстати, еще во время обучения Антона в своих спецшколах и на спецкурсах повышения квалификации значительная часть курсантов регулярно задавалась вопросом, почему именно Земля занимает столь уникальное положение между Союзом и Кон-

¹ В данном случае «адекватный» (*лат.*) — «вполне соответствующий», «аутентичный» (*греч.*) — в дипломатическом языке — «подлинный», равнозначный оригиналу (текст договора, например, составленный на двух языках).

² Автохтонный (*греч.*) — существующий на месте своего первоначального возникновения. Употребляется в геологии (по отношению к горным породам), биологии (к флоре и фауне) и т.п.

федерацией и по какой причине она давным-давно не отошла к той или другой стороне. Захватить ее силой или обменять на что-то полезное проблем бы не составило: целые Звездные скопления неоднократно переходили из рук в руки.

На что Антон, как и множество его старших и младших коллег за доступные обозрению века, получал один и тот же ответ: «Так установлено Держателями и записано в Гиперсети». То есть и Конфедерация, и Союз имели право лишь на весьма ограниченный круг этнополитических экспериментов во всем секторе Гиперсети и Мирового эфира, где хоть в малейшей степени ощущалась вибрация, производимая всем пучком связанных с Землей (и Солнечной системой в целом) реальностей.

Зачем и почему это было установлено так, а не иначе — вопрос из разряда «для чего закон всемирного тяготения» или «почему смерть необязательна, но неизбежна, как пересечение кривых в неевклидовых математиках».

Туливара и Манакара для общения с «господином Тайным посланцем» избрали еще одну башню над двухсотметровым обрывом к океану, где не только имелось все необходимое для их специфической работы, но и прекрасные помещения для медитаций. Это занятие было для Антона столь же обязательным даже в его человеческой ипостаси, как утреннее посещение умывальника и туалета для большинства культурных людей.

Антон сразу же, образно выражаясь, вручил коллегам из дуггурского МИДа особые «ментальные верительные грамоты», по которым любое ра-

зумное существо в обеих галактических сверхсистемах автоматически узнавало в «Тайных послых» лицо экстерриториальное и неприкосновенное. Это «заклинание» (можно и так выразиться) действовало с одинаковым эффектом (но используя, конечно, разные психофизиологические механизмы) что на очень негуманоидных и слабо цивилизованных обитателей системы звезды Процион, что на эсэсовский патруль на улицах оккупированного Копенгагена, где Антону пришлось провести некоторое время в ту войну.

Знание этой формулы давалось пожизненно, и Антона не лишили прерогатив «Тайного посла» даже по приговору о «покаянии и просветлении». Только вот, отбывая срок в «одиночке», он не имел возможности этой способностью воспользоваться для побега. Те сущности, что оберегали его покой, к разумным существам не относились, а судьи имели иммунитет к подобным вещам.

Вот и эти «высочайшие» немедленно все поняли и прониклись. Им только хотелось узнать как можно больше о Союзе Ста миров, как о невероятной форме сосуществования бесконечно отличных друг от друга разумов, связанных исключительно моральными узами, без всякого участия магии или замены свободного мышления инстинктами любой степени сложности.

Сама идея возможности такого мироустройства настолько их поразила и захватила, что вопросов о том, что именно нужно «Трижды высочайшим» от Земли, хоть первой, хоть второй, и почему они явственным образом выступают на стороне одной из них, даже не возникло. Поначалу.

Антону пришлось положить времени и сил немалого меньше, чем потребовалось бы для разъяснения Чингисхану сути и способа функционирования современного Евросоюза. И не потому, что дуггуры стояли примерно на той же стадии интеллекта, а нравственности, как и «Потрясатель Вселенной», а чисто по Козьме Пруткову: «Многие вещи нам непонятны не потому, что наши понятия слабы, а потому, что сии вещи не входят в круг наших понятий».

Однако более или менее доступно большинство постулатов существования галактических сообществ Антон «коллегам» разъяснил.

Сам же Антон с удивлением узнал, что по отношению к «Земле людей» дуггуры полной и развернутой информацией не располагали. Причем не потому, что не имели такой возможности технически. Все было опять же по Пруткову. Какую-то часть человечества, с какой им на протяжении тысячелетий случалось контактировать, они относили к разновидности «высочайших», прочими же просто не интересовались, как и сутью «технологической цивилизации». Так фасеточные глаза насекомых не формируют привычной нам целостной картинки внешнего мира, однако позволяют в нем вполне удовлетворительно ориентироваться.

По необходимости приходилось причислять к «высочайшим» некоторую часть женщин, что они похищали или «вербовали» на Земле. Но об этом я напишу позже, когда дойду до материалов, изученных Скуратовым.

Самое же главное — работали с Землей «экспедиционно» (постоянных баз там за тысячелетия так

и не было создано) и исключительно «мыслящие» разных специальностей, «по направлениям». Единого министерства или департамента соответствующей специализации не имелось. А самые подготовленные узкие специалисты ни к каким обобщениям и даже элементарному обмену систематизированной информацией способны не были.

«Высочайшие» же, регулярно участвовавшие в «охоте на женщин», получали от «специалистов» примерно столько инструкций и полезных сведений, что и приезжавший в Африку в середине позапрошлого века охотник на слонов и бегемотов — об истории, культуре, этнографии и политическом устройстве «черного континента» от своих туземных проводников.

Регулярно доставляемые с Земли «жены и наложницы» в качестве источников полезных сведений также не рассматривались, да и в массе своей едва ли могли что-то осмысленное донести до интересующихся совсем другими проблемами самцов. Турецкие султаны, например, имея в своих гаремах женщин десятков наций и народностей, «политсеминаров» с ними не устраивали.

Совсем немного времени потребовалось Антону, чтобы утвердиться в мысли, не раз уже нас посещавшей, — дуггуры нам не соперники и даже не враги в широком смысле. Какого-то системного, организованного вреда они нам причинить не могут и уж тем более не в состоянии вести сколько-нибудь регулярную войну.

Но это, конечно, не означало, что им можно позволить бесчинствовать даже в достаточно ограниченных пределах.

В общем-то выходило так, что многотысячелетний фольклор самых разных наций и народов Земли имел под собой реальные основания, отражавшие те или иные аспекты контактов с дуггурами. И как раз в силу разрозненности и бессистемности их действий у человечества с древнейших времен так и не получилось понять суть и смысл происходящего. Свидетельства очевидцев и даже попадавшие в руки людей (как правило, без научной подготовки) отдельные артефакты все время трактовались по разным линиям и с разных позиций. Что-то, казавшееся той или иной группе наблюдателей особо важным, включалось в теоретический багаж основных религий, и тоже без увязки отдельных фактов в стройную систему. Дальше всех, пожалуй, пошли древние египтяне и греки (да они и по времени были ближе к точке бифуркации). Причем египтяне оказались способны воспринять одну из сущностей, а греки — совсем другую.

Жителям страны Та-кемт чем-то понравилась идея о загробной природе всего, связанного с посещением Земли дуггурами. Отсюда вырос и уже свой собственный культ мертвых, и мифология, и даже поэзия. Очень возможно, что кому-то из одаренных талантом египтян довелось побывать на «Земле-2», и они породили целое литературное направление, всячески воспевающее посмертие. Ни у одного из современных им и последующих народов нет такого романтически-приподнятого и одновременно крайне практичного отношения к встрече со смертью. Христианам и мусульманам до этого далеко, они идеологизировали совсем другие аспекты потустороннего.

Иудаисты — те вообще, кажется, оставили тему посмертного существования за кадром, зато тщательно зафиксировали моменты, когда «высочайшие» предпочитали именно древних евреек. А потом кого-то из них (возможно, вместе с детьми) отпускали обратно. От этих «репатриантов», возможно, «сыны Израилевы» и набрались идей об «избранности» своей народности¹, а также о всяких там «скрижалях», «заповедях». И тысячу предписаний и запретов почерпнули оттуда же, отнесясь к столь полезным «родственникам» со всей серьезностью и должным пиететом.

А вот древние греки, в соответствии со своим практичным, но достаточно «раздолбайским» (прошу прощения, но лучшего эпитета подобрать не сумел) характером на основе подлинной информации о контактах с дуггурами, создали почти всеобъемлющую мифологию, опять же сосредоточив внимание на сексуальных взаимоотношениях своих дам и девиц с дуггурами всех категорий, не только «высочайшими». Оттуда и взялись всякие сатиры, протей и иные не совсем гуманоиды, густо населяющие всеми нами неоднократно читанную в детстве книгу Куна «Легенды и мифы Древней Греции». Лично у меня было подарочное, богато иллюстрированное издание, где половина картинок была как раз «про это».

Чтобы не распространяться, достаточно отметить, что и все сказки и былины про всяческую

¹ Под марксистско-ленинское определение «нации» галутные евреи не подходят абсолютно по всем критериям. Но о складывающейся «израильской» нации говорить уже можно. Как в свое время о «новой исторической общности — советском народе».

нечисть и нежить отражают систематическое проникновение дуггурской агентуры на Землю и непременно фиксируют внимание на том, что «чудища», «драконы», «идолища поганные» и прочие непременно требуют с людей, к каким бы расам они ни принадлежали, жертвоприношений непременно девственницами. Разнится только количество — одно «чудище» довольствовалось одной раз в год, а другие устраивали целые похищения сабинянок. То есть захватывали девиц сразу сотнями и тысячами.

Но это я опять вторгся в сферу исследований Виктора. Впрочем, он в основном изучал современное положение экспортируемого с Земли контингента, так что наблюдения Антона здесь более к месту.

Переходя к временам новым и новейшим, ознаменованным эпохой Просвещения, развитием капитализма и «машинного производства», «превращением науки в непосредственную производительную силу», продолжающиеся контакты с дуггурами приобрели и наукообразные объяснения. Все предыдущее было объявлено неспособностью людей прошлого давать рациональные объяснения явлениям природы. Зато с девятнадцатого века «рациональные объяснения» посыпались как из рога изобилия (тоже когда-то подсмотренного кем-то из «попаданцев» в «Дуггурляндию»).

Особенно раздольно почувствовали себя уфологи. Абсолютно каждый контакт ложился весомым камнем в их теории. Пирамиды, математика, рисунки майя, «зеленые человечки» и наскальные портреты разных видов «мыслящих» и иных кате-

горий «соседей» — все шло в дело. Но, самое главное: очень плохо, а часто и никак это не объяснялось «официальной» наукой. Отрицать некоторые факты, а тем более — артефакты, было невозможно. С материалистических позиций объяснения выходили чересчур натянутыми, поэтому большая часть следов пребывания на Земле дуггуров даже и в наши дни просто игнорировалась. Как метеориты Парижской Академией наук: «Камням на небе взяться неоткуда».

То есть не вмешайся мы, точнее — не обрати на себя внимание неких дуггурских спецслужб своей выходящей за рамки их обычных представлений деятельностью, все продолжалось бы заведенным порядком неизвестно до каких пор.

Что интересно — Антон мне признался, — по его ведомству дуггуры не проходили. Он знал о существовании такой цивилизации, но не имел указаний ее разрабатывать, а, возможно, получил как раз прямой запрет касаться данной тематики. То же и у Ирины с Сильвией. На их уровне дуггуры тоже как бы не существовали, но сам термин был им известен. С негативной окраской причем. Будто бы некий «хока», о котором знают все дети, но описать и разъяснить его вряд ли сумеют. А вот Даяна наверняка знала побольше, отчего ее совсем не удивило вторжение дуггурских мародеров на ее бывшую Базу, а инсектов и «медуз» — в Учебный центр.

Выяснением этих «межрасовых» тонкостей я обязательно займусь, но уже по возвращении домой. Интересно бы устроить очную ставку между аггрианкой и форзейлем.

«Изучив» (или точнее будет — «рассмотрев») историю взаимоотношений дуггуров с землянами в их трактовке, господин «Тайный посол» на следующий день (а всего Антон работал с «дипломатами» больше недели) вынес свой вердикт. В присутствии, само собой, всех членов нашей делегации. А также и слетевшихся с разных концов планеты двух десятков «высочайших», облеченных какими-то полномочиями представлять от лица неприбывших или недостойных иметь право голоса в этом «сходняке»¹.

Вначале он долго перечислял утомительное множество Галактических законов, соглашений и прецедентов, касающихся взаимоотношений между любого рода межпланетными и межзвездными ассоциациями разного уровня, вплоть до высших на сей день структур — Союза и Конфедерации.

Он переигрывал немного, конечно, но так же было видно, что сейчас он чувствует себя «в своей тарелке». Ему нравилось ощущать себя в этой роли и функции, как Берестину нравилось командовать армиями, а Сашке — играть в Берию, Гейдриха и Канариса одновременно.

Антон объяснил, что все сказанное касается и столь неординарного случая, как наш, то есть отношений между расами, возникшими путем образо-

¹ Почему бы не использовать данный специфический термин, если «верховная власть» у «высочайших» должным образом не конституирована, а «условно обязательные» для всех решения принимаются как раз на основании логики, риторических способностей участников и каждый раз подлежащих переосмыслению «понятий», за исключением нескольких базовых.

вания в одном Узле Гиперсети двух параллельных, но не тождественных самим себе Исторических Последовательностей.

Это он завернул даже чересчур. Вроде персонажа одного из рассказов Шукшина. Но — прозвучало.

И в качестве вердикта было вынесено решение единоличное, но оглашенное от имени того же пресловутого Союза Ста миров и, следовательно, для цивилизаций, хотя бы и не входящих в сей Союз, но находящихся в сфере досягаемости, а следовательно, и юрисдикции, обязательное.

— В случае несогласия с данным вердиктом любая из сторон вправе апеллировать к совместному Арбитражному суду Союза и Конфедерации, для чего законные представители должны лично явиться на... (он назвал официальные галактические координаты одной из самых близких административных планет Союза) или... (Антон огласил координаты какой-то из аггрианских систем, о которых даже мы не имели никакого представления).

На вопрос одного из «высочайших», каким образом туда можно добраться и как вообще должен выглядеть визит официального представителя в организацию, о которой не известно ровным счетом ничего, Антон ответил, что предварительно каждой из представленных здесь цивилизаций следует подать заявление о вступлении либо в Союз, либо в Конфедерацию. Заявление будет в установленном порядке рассмотрено и, в зависимости от решения «надлежащих инстанций», удовлетворено или отклонено. Но вынесенный се-

годня вердикт должен исполняться немедленно, вплоть до момента, когда таковой будет признан действительным или отклонен, а взамен него принят другой.

Я и не догадывался, что Антон столь блистательный бюрократ. С нами он всегда держался или запанибрата, или на равных.

Вопрос о способе проезда к месту принятия апелляции и заявлений форзейль проигнорировал, а Шульгин «с места» подсказал: «За свой счет».

Наконец Анказуабу, который здесь председательствовал (по-моему, просто потому, что он был инициатором и организатором этой «Потсдамской конференции»), поинтересовался сутью вердикта. А то, может быть, не стоит и огород городить?

Антон перешел к сути. Ничего сверхъестественного и чрезвычайного в этом документе не было. После полутора страниц рассуждений в вышеприведенном стиле резюмировалось, что обе высокие договаривающиеся стороны, руководствуясь принципами... (ля-ля-ля), добрососедства и невмешательства в дела друг друга должны учредить совещательный орган для разрешения мирным путем всех возникающих проблем.

Дуггуры (тут использовалось официальное, очень длинное и маловразумительное наименование их псевдогосударственного образования) отныне обязываются без предварительного уведомления не проникать на занимаемую землянами Главную Историческую Последовательность и находящиеся под их протекторатом такие-то параллельные реальности (названо, какие именно, в понятных дуг-

гурам терминах). Земляне, в свою очередь, брали на себя обязательство любое посещение «Дуггур-ляндии» согласовывать с представительством «высочайших», имеющим постоянное базирование на о. Корсика (он же — Мзимборендже). Согласованным сторонами способом.

В случае нарушения данного вердикта, который должен быть контрассигнован двухсторонним соглашением, составленным и оформленным в ближайшее время, он, «Тайный посол» такой-то, от имени Союза вправе принять все необходимые меры вплоть до полной блокады цивилизации-разрушительницы в занимаемом ею секторе Гиперсети без права покидать пространственно-временной ареал своего обитания.

То есть, выражаясь в терминах девятнадцатого века, — «Строгий домашний арест с приставлением часового».

Нас-то это не касалось никак, мы на дуггурскую территорию никогда не лазили и не собирались впредь, а вот им...

После того как Антон «поставил точку», было много шума, как в парламенте какого-нибудь малокультурного псевдогосударства. Только что без мордобоя, потому как не имелось подходящего объекта. Формально наша Земля в строго аналогичном положении — объект влияния посторонней сверхцивилизации.

Господа «высочайшие», собственно, волновались по одному только поводу — свободе доступа к нашему «генетическому материалу» вообще и женщинам «как полноценным биологическим объектам» в частности. Примерно такие дебаты кипели в ан-

глийском парламенте по вопросу запрета работорговли в тысяча восемьсот седьмом году.¹

Антон предложил председательствующему взять день-другой, а если потребуется, то и больше, для прений и достижения консенсуса, который не может быть ничем иным, как уже оглашенный вердикт. Наша же делегация, возражений против решения «Тайного посла» не имеющая, выразила желание совершить экскурсию по планете, а также лично познакомиться с кем-либо из земных женщин русского происхождения, добровольно, по их словам, выбравших себе «Дуггурляндию» в качестве новой родины.

Вопрос этот был поднят по предложению Скуратова, достаточно успевшего погрузиться в проблему, которому требовались теперь объективные подтверждения целого ряда гипотез исследования.

Смысл в этом, несомненно, был — убедиться кое в чем самолично. Разумеется, как бы там ни обстояли дела на самом деле, доброволен этот многотысячелетний процесс пополнения дуггурского генофонда или имеет место тоже многократно зафиксированная в истории практика похищения невест из отдаленных племен с той же целью — ничего из уже сделанного мы изменить или отменить не могли.

¹ А еще «европейцы» называют себя культурными! Англия запретила работорговлю в 1807-м, само рабство — в 1833 г. САСШ отменили рабство в 1865-м (причем в штате Миссисипи — официально только в 2013-м (!). В Российской империи рабства не было никогда, а крепостное право (что совсем не равно рабству, были и крепостные-миллионеры!) отменили на 140 лет раньше, чем в «цитадели демократии».

Не стоит воображать душещипательные картины спасения русских пленниц из турецких гаремов нашей победоносной армией или героями-одиночками. Или же организацию репатриации после войны угнанных на работы в Германию. Это в наши задачи не входило, особенно если учесть, что во всех упомянутых случаях значительное количество «жертв» категорически на покинутую родину возвращаться и не хотело. По разным причинам.

То, что эта практика с нынешнего времени прекратится и партнерш себе дуггуры смогут добывать только из неосвоенных нами реальностей, — уже хорошо. Хотя тоже является благом весьма относительным. Вкусы-то у всех разные, и в нынешней России достаточно девиц и почтенных дам, ищущих и находящих себе мужей среди граждан самых диких африканских и азиатских стран. Не зря ведь кто-то из древних мудрецов сказал: «Делай добро только, когда тебя действительно об этом попросят»!

В этом месте, если бы я писал пьесу, следовало бы сделать ремарку: «Автор в бессильном отчаянии заломил руки».

В итоге хозяева согласились на наше ознакомительное путешествие по планете, если пожелаем — даже кругосветное. В ходе него были обещаны и встречи с соотечественниками, добровольные и даже принудительные, если жены и их владельцы вдруг не изъявят своего согласия. Но нас заверили, что такое едва ли возможно.

Из всего этого мы сделали вывод, что чрезмерной закрытостью общество «высочайших» не страдает, а предстоящие дебаты «палаты лордов»

обещают быть весьма продолжительными. Почему и предпочтительно нас на это время отправить куда подальше. Чтобы под ногами не путались и не имели возможности оказывать давление на «народных избранников».

Само путешествие описывать не буду, достаточно имеется видеофильмов, которые снимали все и почти постоянно, из обычной туристической привычки. Прекрасно понимая, что едва ли эти гигабайты информации будут когда-нибудь востребованы, дай бог сотую долю отснятого друзьям и подругам показать. Вот если создать при Правительстве РФ Министерство по делам «Дуггурляндии», тогда вся наша видео- и аудиопродукция сойдется в качестве учебного и рабочего материала.

Сопровождали нас двое «высочайших», для придания поездке официального статуса, и четверо «мыслящих», специалистов в разных отраслях экономики и культуры, владевших русским языком.

Пока мы летали на все той же роскошной «медузе» премиум-класса по островам и континентам, останавливаясь непременно в поместьях очередных феодалов, поскольку отельный бизнес здесь не развит совершенно, Сашка со Скуратовым просвещали нас в отношении и биологических, и социологических тонкостей местной «сексуальной культуры», что ли. Но эта «культура» есть лишь малая часть дуггурской репродуктивной системы как таковой.

Мы обо многом догадывались не то чтобы инстинктивно (здесь это звучит довольно двусмысленно), но просто в силу привычки размышлять и сопоставлять факты и гипотезы, по их поводу возникающие.

В результате многотысячелетних экспериментов с собственным биологическим материалом, а также и теми изменениями солнечного спектра, о которых я уже упоминал, протодуггуры ухитрились включить механизм мутагенности, намного превосходящий любые достижения нашего человечества в кошко- и собаководстве. О чем говорить, если у них успешно получались не только межвидовые, а и межклассовые, даже межтиповые скрещивания¹.

Собственно, таким путем они вывели огромное количество «отрядов и подотрядов» всевозможных инсектоидов. Мы удивлялись, как может существовать насекомое размером с большую собаку, хорошо зная, что дышат они так называемыми «трахеями», отчего не могут превышать размеров большого паука или стрекозы. Прочим не хватит кислорода для жизнедеятельности. А выведенные дуггурами «химеры» могли и иметь легкие, и сочетать несочетаемые виды мускулатуры и иных тканей, органов и систем.

Все это с научной, да и практической точки зрения было крайне интересно, особенно когда они начали экспериментировать на себе, произвольно надевая и затем фиксируя в генотипах нужные им признаки. На самом деле зачем ловить где-то ра-

¹ Биологическая классификация делит все более-менее живое на земле на таксономические ранги. В самом общем приближении считается, что их семь (но некоторые ученые насчитывают несколько десятков). Высший — царства: животные, грибы, растения. Низший — виды: заяц-беляк — заяц-русак. Что такое межтиповое скрещивание — можно представить жизнеспособный гибрид членистоногого (в т.ч. насекомые) и хордового (к которым относятся и рыбы, и люди).

бов, усмирять тех, кто усмирению поддается, затем обучать разным профессиям, чтобы общество могло нормально функционировать, обеспечивая элиту потребным (или — вообразимым на этом уровне) комфортом? Не проще ли сразу выводить врожденных специалистов всех требуемых профилей?

Не вдаваясь в подробности, скажу, что затея увенчалась полным успехом. Включая один непредусмотренный штришок. Который при должном внимании можно было подсмотреть в природе, кою они столь усердно копировали и изменяли. Мичуринцы-лысенковцы!¹

Штришок этот называется — половой диморфизм. Если совсем просто (даже я это знал без всяких биологов) — в живой природе существует такое явление, как отличие самцов и самок одного и того же вида, иногда не слишком значительное, чисто внешнее, как у льва и львицы, павлина и павлинши, а иногда просто разительное, например, у некоторых видов пауков. И по размерам, и даже по внутреннему устройству и поведенческим признакам.

¹ Мичурин И.В. (1855 — 1935) русский советский биолог-селекционер, автор методики отдаленной гибридизации плодовых растений и известного лозунга: «Мы не можем ждать милостей от природы. Взять их у нее — наша задача!»

Лысенко Т.Д. (1898 — 1976) — советский ученый, агроном, академик, президент ВАСХНИЛ, Герой Соц. Труда. Создатель антинаучной концепции наследственности, изменчивости и видообразования, наследования приобретенных признаков и перерождения одних видов в другие (т.н. «мичуринское учение»). Пользовался неограниченной поддержкой Сталина и Хрущева за обещания десятикратно увеличить урожайность всех сельскохозяйственных культур. Лауреат 3 Сталинских премий. После отставки Хрущева «разоблачен» и лишен всех постов и званий.

Вот и наши селекционеры-дуггуры что-то такое сотворили со своими наследственными механизмами, почти по сакральной фразе, использованной Стругацкими как пример наукообразного абсурда: «Рецессивная аллель влияет на фенотип, только если генотип гомозиготен». На самом же деле это просто пример лемовского металанга, языка высшего, по сравнению с общеупотребительными, уровня, и чтобы адекватно донести эту простенькую истину до человека с полным начальным образованием, потребуется минимум несколько суток. Именно адекватно, потому что попросту перевести сию премудрость не так уж трудно: «подавленные, в том числе и вредоносные врожденные, качества проявляются в потомстве только при близкородственном скрещивании». Или как-то так.

В общем, они так перепутали свои «аллели», что при заданном «генотипе» начали получаться бог знает какие «фенотипы». Очевидно, где-то очень глубоко, даже у человекообразных, запрятан ген этого самого деморфизма, а если его активизировать, да еще и стимулировать в нем неконтролируемую мутагенность...

Одним словом, добившись у мужских особей всех запланированных свойств и качеств в «фенотипе», они что-то такое напортачили в самой глубине X- и Y-хромосом, отвечающих за пол особи и имеющих еще другие, до конца человеческой наукой не проясненные свойства, что вместо нормальных девочек у них начало рождаться невесть что. Ни в сказке сказать, ни пером описать!

«Самки» (рука не поднимается написать — «женщины») дуггуров превратились в некий «ис-

ходный» типаж «хомо сапиенс» — что-то вроде австралопитеков и с таким же примерно уровнем интеллекта. Но вполне способные к репродукции.

И сколько-то там десятков тысяч лет назад господа дуггуры оказались в чрезвычайно неприятной со всех точек зрения ситуации. Чтобы не сгинуть с лица Земли, писаным красавцам микеланджеловских и фидиевских статей приходилось использовать для размножения почти что обезьян. Эстетически это малопривно, да и какое нормальное цивилизованное общество можно построить при этом самом деморфизме? Пришлось создавать особую «женскую субкультуру», внутри которой их самки могли существовать комфортно (в своем понимании), не мешая при этом «высочайшим» радоваться жизни в своем кругу.

Да вдобавок мальчики, рождавшиеся у дуггур-лянок («высочайшие» обязаны были, в качестве повинности как бы, своих самок регулярно оплодотворять для элементарного сохранения «социума»), в 30–40% внешне полностью отвечали требованиям «канона», но уже в третьем поколении начинали демонстрировать явственные признаки деградации, приобретая все более конкретные черты своих родителей.

Расу дуггуров от деградации и исчезновения спасло открытие методик проникновения в параллельные пространства, где с мономорфизмом было все в порядке. Более того, писанные красавцы и атлеты «высочайшие» не только производили неизгладимое впечатление на еще очень малокультурных человеческих дам, но и потомство от их связей с «дочерьми человеческими» получалось идеаль-

ным. Но опять же — только мальчики. Девочек землянки рожали вполне аналогичных самкам дуггуров. Отсюда, наверное, и пушкинское — «Родила царица в ночь не то сына, не то дочь, не мышонка, не лягушку, а неведому зверюшку».

Таким образом вся дуггурская цивилизация уподобилась самолету. Тот летит, пока есть в баках бензин или керосин, эта существует при постоянном притоке «инопланетного» женского генофонда.

Вот и сложилось с течением времени совершенно чудовищное, на наш взгляд, дуггурское жизнее устройство.

Красавцы «высочайшие», подавляя отвращение (а может, и с удовольствием, откуда нам знать?), продолжали регулярно спариваться со своими обезьяноподобными «законными супругами», те старательно ежегодно рожали, пополняя национальный генофонд и поддерживая общую численность гуманоидного населения.

Если бы не сложилась такая система, через несколько поколений раса дуггуров просто исчезла бы. Распалась на меньшинство, превратившееся в обычных землян, и несколько переходных метисных форм, неумолимо скатывающихся к обезьяноподобию. Перекос в любую сторону вызвал бы мгновенное по историческим масштабам крушение цивилизации.

Чтобы продолжать балансирование на «лезвии бритвы», в их обществе существовало огромное количество правил, обычаев, запретов и прецедентов, бытовых и юридических, регулирующих абсурдную в принципе систему.

Так, например, разные категории «мыслящих», «пятерочников», «полумыслящих» получались или из генетических отходов «высочайших» (ну, вроде как у землян рождаются дауны, дети с ДЦП и прочими генетическими отклонениями), или в результате полноценных браков (а также и инцестов) внутри низших каст.

В общем, голову сломаешь, если начнешь разбираться в деталях.

Мы и не стали, пока странствовали по чудесным феодам вполне великолепных феодалов. Граф, скажем, Бриан де Буагильбер из относящегося к четырнадцатому веку «Айвенго» никогда бы не смог нам обеспечить такого комфорта, как, условно говоря, «высочайший граф», лорд или просто «владелец» северной части «нашей» Бразилии (от Амазонки до Карибского моря) по имени Мазв-литананга.

Несмотря на с трудом произносимое имя и высокую степень суверенности, он со всем почтением отнесся к рекомендациям сопровождающего «товарища» держаться с нами запросто и немедленно проявил столько радушия и откровенности, что сразу же вспомнился колоритный барон Пампа, дон Бау-но-Гатта-но-Суруга-но-Арканара, кажется...¹ Не такой здоровенный и грубый, как в книге, но эмоционально брат-близнец и ему, и Портосу.

Этот самый граф или герцог спокойно выпил с нами настоящего ирландского виски из наших запасов, ответив подобием вина из своих подвалов, а потом, в должной стадии алкогольной интоксика-

¹ См. А. и Б. Стругацкие. «Трудно быть богом».

ции, Виктор Скуратов задал ему вопрос, даже два на самом деле, но сначала о первом.

— Есть ли у тебя жены земного, а точнее — русского происхождения? Живые и в расцвете сил...

Вопрос, конечно, крайне неделикатный, но специалисту по всяким нечеловеческим логикам виднее.

— Есть, — спокойно ответил «барон», — десять или двенадцать, точно не помню, к половине из них я давно уже не входил. Они надоели, исполнив свое предназначение, произведя мне трех законных наследников и сколько-то там бесалаомпи.

Этот термин означал потомков, по каким-то параметрам не подходящих под статус «истинно высочайших», низведенных в некоторый промежуточный ранг, что-то вроде «неслужащих дворян» времен Екатерины Великой. Они вели вполне достойный образ жизни, но не владели личными феодами и не могли наследовать родительские, не допускались к тому, что здесь можно назвать «руководящей работой», а главное — не годились для функции «производителей». Производителей «высочайших», понятное дело. «Первоклассных мыслящих» они могли плодить сколько угодно, пользуясь земными женщинами, списанными, так сказать, их законными (то есть лично добывшими этот «материал» во время экспедиций на Землю) хозяевами.

— Со мной сейчас живет только одна, но и то до тех пор, пока я не добуду себе парочку новых. Она неглупая и искусная «подруга», но уже не составляет прежней радости...

— И что с ней будет потом? — спросил я.

— Еще не думал. Может быть, отдам младшим сыновьям, пусть она их поучит, пока своих женщин не добыли. Или отпущу на «свободное поселение», будет жить как многие бывшие жены, даже сможет завести собственный гарем из «мыслящих». У нас выращивают таких, специально для этого самого... Женщину, после того как она познала «высочайшего», обычным образом не удовлетворить. Вот вы бы не сумели. — «Барон» довольно похабно заржал, сразу потеряв всякую человеческую привлекательность.

Я обратил внимание, как Скуратов, хоть и специалист, но человек более светлого и гуманного века, чем наш, сжал кулаки так, что побелели костяшки. Действительно, дикость вполне древнеримская, вроде как в кинофильме «Калигула».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Антон, пользуясь собственной, непонятной даже Левашову, методикой, сначала на огромной, как экран старинного «широкоформатного» фильма, плоскости совместил изображение кормовой вертолетной площадки «Валгаллы» с плацем во дворе дуггурианского «пункта дислокации» так, чтобы уровень утоптанной ногами и укатанной колесами земли до миллиметра совпал с уровнем тикового настила палубы. Перед этим он еще производил сложные математические расчеты, касающиеся компенсации переносимой массы, во избежание аннигиляции двух десятков тонн вещества, которое в какой-то момент превращается в антивещество. Вот этот момент и необходимо каким-то известным ему способом свести к абсолютному нулю.

Всем, кому приходилось пользоваться «методикой Антона», отмечали, что процедура как таковая вполне комфортна, не создает неприятных ощущений, а главное, не связана с необходимостью превращаться в пучок излучения, на другой стороне канала опять преобразующегося в материальный и по-прежнему живой биологический объект.

В принципе пользование «каналом Левашова» во многом равнозначно прыжку с парашютом с не-

гарантированным качеством укладки, а «по-антоновски» — это просто шаг через порог из одной комнаты в другую. Легко и стопроцентно безопасно. Если не случится той самой аннигиляции. Но раз Земля до сих пор существует, то, скорее всего, и этот переход произойдет благополучно.

Поэтому, хоть через робота Аскольда и удалось вдруг наладить связь с «Валгаллой» и попросить настроить для встречи систему СПВ, предпочли все же пойти более надежным путем.

Первыми в свою реальность перешли «старшие братья», как бы игнорируя обязанность командиров вначале обеспечить эвакуацию «женщин, детей, стариков» и вообще подчиненных. Но, с другой стороны, вне театра боевых действий по трапу корабля и самолета по прибытии в порт назначения первым сходит начальство.

А последним отошел отряд прикрытия во главе с капитаном Ненадо, гордо отдававшего честь встречающим из повернутой назад стволом башни замыкающего БРДМа.

— Все здесь? — на всякий случай спросил его Новиков перед тем, как Антон разорвет связь с прекрасной, но оставившей неприятное впечатление «сестрой Земли».

— Так точно, — ответил капитан после того, как его взвод покинул технику и в несколько секунд построился в две шеренги лицом к боевым машинам.

— Господа офицеры, поздравляю с благополучным завершением операции и возвращением на Родину. Всем спасибо за службу, — уставным образом подвел итог их несколько затянувшейся (с точки

зрения остававшихся на Земле) операции Шульгин. Насчет «Родины» он несколько перебрал, потому что как раз офицерам до их Югороссии отсюда было пока что не ближе, чем от покинутой «Дугурляндии».

— Сейчас разместитесь по каютам и наконец отдохнете. Нелегкая выдалась экспедиция, — с чувством продолжил он, краем глаза наблюдая, как за спиной Воронцова еле сдерживают нетерпение, чтобы кинуться к своим «блудным мужьям» Анна, Ирина и Алла. Страшно подумать, почти два года девушки ждали. Каково им пришлось!

— Рады стараться, господин генерал! — дружно ответил строй, чрезвычайно довольный возвращением на всем знакомый пароход, на котором столько уже лет назад начиналась их невероятная служба.

Однажды, то ли в Южной Африке, то ли еще раньше, после боев в параллельной Москве поручик Оноли, склонный к философствованию, довольно меланхолически заметил за вечерним застольем (точно как у Дениса Давыдова: «Конь кипит под седоком, Сабля свищет, враг валится... Бой умолк и вечером Снова ковшик шевелится»¹): «А не кажется ли вам, господа, что все мы давно убиты? Кто где. Я вот, например, скорее всего — осенью девятнадцатого года на Екатеринославском мосту. Выжить там было просто невозможно — почти полверсты бегом под шквальным огнем махновских тачанок...»

А все последующее... Не зря ведь очнулись, фактически мы как раз на «Валгалле». После чего на-

¹ См. Д. Давыдов. Песня старого гусара.

чалось достойное каждого посмертное существование. Чертовски приятное, не скрою, по-любому лучше, чем догнивать в сырой земле без памятника, креста и даже могильного холмика...

Мысль, к слову сказать, прямой поддержки у собрания не встретила, кое-кто попробовал даже оспорить ее с религиозных или материалистических позиций, но в голову большинству она запала. На эмоциональном уровне.

А что — теория, по сути своей, объясняющая все сразу и полностью снимающая любые вопросы по поводу каких угодно несообразностей текущего бытия.

Правда, оставался вопрос, а что происходит с теми, что ухитряются погибнуть и здесь, по второму, так сказать, разу? Отчего они вновь не возвращаются к пиршественному столу, как положено по скандинавскому эпосу?

Но это было сочтено уже вопросом «второго порядка». Мало ли как устроен механизм дальнейших перевоплощений... И погибшие еще и здесь бойцы получают свое воздаяние уже уровнем выше. Здесь, например, внимания гурий следует добиваться и за напитки везде, кроме собственно «Валгаллы», платить из жалованья, а там уж точно девицы абсолютно все неземной красоты и в любую минуту готовы «соответствовать» и скатерти-самобранки на каждом шагу...

И вот сейчас, увидев среди встречающих множество девичьих лиц, знакомых по боям на совсем уже далекой отовсюду (хоть три года скачи — никуда не доскачешь) планете, носящей имя парохода, Валерьян Оноли вдруг вспомнил тот вечер и тот

разговор. И подумал, что касательно гурий — все точно. Вон их сколько, одна другой краше, но вот насчет того, чтобы попросить их исполнить «райский обычай» — десять раз подумаешь. Офицеру ходить с битой мордой как-то «не комильфо», да и ручки у этих барышень отнюдь не для пальцев и клавишинов созданы, отвесит так, что и без зубов останешься. Одним словом, «нет правды на земле, но нет ее и выше».

— Теперь до особого распоряжения разрешаю разойтись по своим каютам и иным помещениям, — продолжил Шульгин. — Внутренний распорядок и правила поведения остаются прежними? — для соблюдения субординации осведомился он у Воронцова, надевшего для встречи белый парадный мундир и адмиральскую фуражку.

— Так точно, — едва заметно улыбаясь, ответил Дмитрий. — Если кто-нибудь подзабыл планировку парохода — любой член экипажа подскажет. До ближайшего берега — минимум неделя, так что на скорый «отдых» не рассчитывайте. Впрочем, могу вас порадовать. Кроме непосредственно встречающих на «Валгалле» сейчас находятся все ваши товарищи, остававшиеся на планете, плюс весь состав инопланетной базы, все курсанты и курсантки. Просто мы не объявляли публично о моменте вашего прибытия, во избежание, так сказать. Примета плохая. Но теперь уже скоро увидите. Добро пожаловать, господа-товарищи! Мы вас очень ждали и очень рады видеть всех в добром здравии...

По строю прошел удивленно-радостный шумок. В строю, как известно, разговаривать не полагается, но обычно выходит, что в случае сильной общей

эмоции даже без произнесенных вслух слов некая звуковая волна возникает из вздохов, коротких смешков, междометий и прочего.

— Теперь одно замечание. Мы — не круизный лайнер. Прошу это учитывать. Все заняты делом. Здесь вновь работает нечто вроде знакомых вам по двадцатому году курсов. Личный состав инопланетной базы — в прежнем качестве, ваши товарищи — в основном инструктора при них по разным отраслям знаний... Все поцелуи, объятия и прочие изъятия радости — в предусмотренное расписанием время.

— Простите, господин адмирал, — поймав паузу, вмешался капитан Ненадо, — никаких нарушений распорядка не допустим. Сначала — прошу указать места для размещения техники, потом будет произведен профилактический осмотр, обслуживание, сдача на хранение лишних боеприпасов, а уж тогда, с вашего позволения, размещение по каютам и дальнейшие действия согласно распорядку. Не затруднитесь довести...

— Так точно, — с пониманием ответил Воронцов. — Вы командир, вам виднее.

Он взглянул на часы.

— Сейчас одиннадцать ноль семь. Обед по расписанию в тринадцать ровно. В зале на палубе «Б». Там и увидите с друзьями и старыми знакомыми...

— Уел тебя капитан, — с усмешкой сказал Воронцов Шульгину, когда они остались только среди своих. — Он, как видишь, службу помнит, а ты, ваше превосходительство, подзабыл, доброту и за-

ботливость свою генеральскую решил проявить. А оружие и технику действительно сразу нужно в порядок привести. Потом еще меньше захочется возиться, когда отдохнут да расслабятся... — в обычной своей манере говорить серьезные вещи полушутливым тоном да еще и с улыбочкой завершил «воспитательный момент» Дмитрий. На кого другого Сашка, может, и обиделся бы, еще и нагрубил, а сейчас воспринял как должное, только мимикой изобразил, как он к этим причудам «морского волка» относится.

— Ну ладно, ты человек малослуживший, тебе простительно. С людьми разобрались, теперь дозволяются неконтролируемые эмоции. А вас позвольте к себе пригласить, обменяемся впечатлениями, — сказал он Антону и Скуратову, у которых близких женщин не было.

— Ближе к вечеру в Кипарисовый салон приглашаю, — теперь уже нормальным тоном обратился он к трем друзьям и их подругам, из последних сил сохранявшим выдержку, в том числе и с помощью как бы и не к ним относившихся слов Воронцова.

— Там вы исчерпывающе доложите, где болтались два года и что за это время успели натворить... Сами понимаете, все по вам соскучились ну до невозможности. Даже Сильвия с Берестиным и Лариса с Олегом подскочат из своих палестин по такому случаю...

Эти пары так и предпочитали большинство времени проводить в Лондоне и Москве, Берестины в викторианском, Левашовы в югоросской. Им там представлялось комфортнее, да вдобавок и собственные проекты они реализовывали.

— Неужели все-таки два? — удивленно и одновременно удрученно спросил Ростокин. Ему сразу пришла мысль, точнее, воспоминание об их прошлом с Аллой мире, где подруга уже после месячной разлуки начинала сильно нервничать и готова была (а возможно, и заводила) к интрижкам на стороне. А тут два года. И вытерпела?

— Ну, не для всех, — успокоил его Воронцов. Для меня и парохода — месяцев пять, наверное. На Главной Исторической — вот там да. Два года чистых. А кто на Валгалле время проводил, в Империи, у Виктора — везде по-разному... Но не годы. Соскучиться успели, а забыть — еще нет... Разберетесь помаленьку.

Утешил, одним словом.

Шульгин коротко дернул щекой. Вспомнились собственные пророческие слова, сказанные еще тогда, в восемьдесят четвертом: «Черт, тебя, Андрюха, дернул! А я ведь давно говорил, что от твоих классических увлечений добра не жди. Одиссей, Одиссей! Сидел бы этот мелкий феодал на своей Итаке, как нормальному царю положено, и ничего бы не было. И Троя до сих пор бы на месте стояла...»

Но Воронцов, пожалуй, прав. И сам он, и, главное, девушки внешне никак не изменились. Но это заслуга гомеостатов, Сильвия вон вторую сотню лет в одной поре, да и Ирина, если по другой моде оденется и причешется — почти все та же загадочная девушка с Устьинского моста, какой встретилась Андрею в семьдесят шестом году¹.

¹ См. роман «Одиссей покидает Итаку».

Да и внутренне с чего им меняться? Экспедиции полярников или географов по полгода-году считаются нормой, а сколько еще профессий, связанных с разлуками? Вон Дмитрий десять лет ходил по морям, лишь на пару месяцев сходя на берег в отпуск. О войнах вообще нечего говорить.

Ирина, сильно сжав его ладонь, провела его по коридорам и трапам в свою каюту молча. Даже, кажется, сцепив зубы.

Захлопнула за собой дверь и только тут, в собственном, изолированном от всех мирке, дала волю чувствам. Она изо всех сил обняла Андрея, прижалась к нему всем телом и просто-напросто разрыдалась. Как самая обычная деревенская баба, не обученная психоаналитиками и не усвоившая канонов великосветской сдержанности. Как будто он действительно вернулся с какой-то прежней войны, откуда письма и весточки не доходили годами. Или вообще никогда.

«Скажи, что я писать ленив, что полк в поход послали, и чтоб меня не ждали...»

Он слушал ее рыдания, собирал губами слезы с ее щек, не позволяя никаких вольностей, руки его сомкнулись у нее на лопатках и так и оставались в этом положении. Он словно снова, как в самом начале их знакомства, понял, что она любит его гораздо больше, чем он ее. Хотя как можно тут говорить — больше, меньше? Она эмоциональнее, ничего не скажешь, но он знал, что без малейших сомнений отдаст жизнь ради нее. Если это, упаси бог, потребуется, и о чем еще говорить?

Он был без нее всего два месяца и невероятно соскучился, даже не столько по ее телу и по тому, что происходило у них в постели не так уж часто последние год или два, а просто по ее присутствию рядом. Голосу, каким-то особенным словам, общим воспоминаниям, уверенности, что пока они вдвоем — ни с кем из них не может случиться ничего плохого.

Ирина, последний раз всхлипнув, повлекла его в глубь лабиринта своей каюты, которого целиком не знал никто, кроме нее и Андрея. Гостей, в том числе и ближайших подруг, она принимала лишь в нескольких, специально отведенных для того помещениях. Да и у всех «братьев» и «сестер» личные помещения создавались и оформлялись по индивидуальному проекту, отражающему не только сиюминутные вкусы, но и глубинные черты личности.

Зайди кто-нибудь посторонний в каюту Ларисы, например, расположенную на целых трех палубах, он заблудился бы среди абсолютно разностильных помещений, связанных множеством трапов и потайных ходов, и среди зарослей почти двухсот квадратных метров зимнего сада, занимавшего среднюю из трех палуб. Кто-то мог бы назвать такой проект параноидальным, но она во время постройки «Валгаллы» увлекалась как раз «Именем розы» Умберто Эко и позаимствовала кое-какие элементы из описания монастырской библиотеки.

В небольшой, но уютной спальне обращенные на северный, сейчас затененный борт парохода окна были задернуты вдобавок плотными шелковыми шторами цикламенового цвета. От этого в пах-

нущей знакомыми духами и иной косметикой каюте царил нереального оттенка полумрак.

Торопливо, помогая друг другу и ничего больше не говоря, они разделись и, снова сомкнувшись в объятиях, упали на широкую постель, с которой Ирина в последний момент косо вбок стянула покрывало.

Через час или полтора бурных и каких-то сумасшедших ласк, как в ту ночь, когда Ирина сбежала с дачи бывшего мужа и привезла Андрея в свою городскую квартиру¹, она, измученная, но прямо-таки светящаяся внутренним пламенем, села на постели, дрожащими руками взяла с прикроватной тумбочки портсигар, закурила.

— Пожалуй, теперь я верю, что там у тебя никого не было. Долго нужно было поститься, чтобы так оторваться...

— Разве плохо получилось? — спросил Андрей. Он, уже входя в каюту, сформировал совсем небольшую, локальную мыслеформу. Чтобы Ирина сейчас была такой же, как в тот самый раз. Три года не поймешь каких отношений — влюбленности с ее и почти что братской дружбы с его стороны, потом четырехлетняя разлука на ее замужество и новая встреча, с теперь уже вполне зрелой, опытной и по-прежнему влюбленной в него женщиной. Та ночь была незабываемой. По многим причинам. Сейчас он пожелал, чтобы подобное повторилось. За все время их совместной жизни она была, в общем, сдержанной любовницей,

¹ См. романы «Одиссей покидает Итаку», «Гамбит бубновой дамы».

умелой, ласковой, но — спокойной. Крышу у нее срывало всего несколько раз за много лет. А ему подруга нравилась больше всего именно в такие моменты — когда сознание почти полностью отключается и остается только страсть. Как говорил Шульгин, медицинский специалист и вообще большой любитель и ценитель этого дела: «У женщины настоящий акт — это то же самое, что эпилептический припадок. Даже почти все симптомы одинаковые, и во время, и после...»

Вот сейчас мыслеформа удалась, и он снова любил не красивую, элегантную, утонченную, с принципами девушку, которая не позволяла раздевать себя при свете и могла в постели завести разговор о последнем вернисаже в Манеже или о хокку Басе (бывало такое, особенно в молодости), а ефремовскую женщину, предупреждавшую неопытного партнера, что секс с ней может завершиться летальным исходом¹.

— У тебя, надеюсь, тоже? — с легкой иронией спросил он.

Ирина аккуратно притушила в пепельнице едва на треть выкуренную ментоловую сигарету и, сделав хищное лицо, повалила его на спину, уселась верхом и, словно наездница шенкелями, сжала коленями его ребра:

— А вот сейчас узнаешь...

Несмотря на очередную вспышку страсти, ничего она ему не доказала. Такие дамы, как Сильвия или Лариса, могут ежедневно изображать с достоверностью, удовлетворившей бы самого Станислав-

¹ См. И. Ефремов. «Час быка».

ского, женщин, до безумия истосковавшихся по мужской ласке. Другое дело, что Ирина в принципе была абсолютной однолюбкой. Когда снова сошлись после ее развода (да и замужество у нее было чисто деловое, почти формальное), она не изменяла ему ни разу, Андрей знал это совершенно точно.

Только уже приняв душ и начав одеваться к ужину, Ирина спросила Андрея, просматривающего в соседнем салоне новозеландские и австралийские газеты и журналы двухнедельной давности, — а что это за девицу в армейском камуфляже вы с собой привезли? Когда улетали, ничего подобного с вами не было... Дипломатическая представительница? Тогда почему сразу не познакомили?

Новиков вошел в гардеробную, непосредственно примыкающую к спальне и отделенную от салона нешироким коридором. Он не любил перекрикиваться из комнаты в комнату, не видя собеседника.

Ирина как раз пристегивала застежку тугого золотистого, разрисованного подобием черных орхидей чулка, поставив длинную ногу на пуфик. Андрей отвернулся, зная, что она не любит, чтобы на нее смотрели, когда она одевается, еще больше, чем на раздевающуюся.

Но это мало помогло: все три переборки и даже дверцы платяного шкафа были сплошь зеркальными, и подругу он видел во всех ракурсах в бесчисленном числе отражений.

«Гаданием со свечкой здесь хорошо заниматься, — подумал он. — Черт знает что можно увидеть, наверное».

— С девицей — это особая история. Мы, видишь ли, умыкнули у тамошнего феодала наложницу, которую он собирался перепродать или отдать на потеху своим наследникам. Нашу, русскую. Виктор Скуратов на нее глаз положил...

— Любовь с первого взгляда? — спросила Ирина, подтягивая второй чулок. — Я ее совсем мельком заметила, даже подумала сначала, что кто-то из незнакомых офицеров, а потом сообразила. Да, выразительная женщина. Как раз для Скуратова...

— Не совсем чтобы влюбился. Больше — просто пожалел. А там — что выйдет. Или — уже вышло, только мы не знаем. Она с нами сбежала в чем была, а была чуть меньше одета, чем ты сейчас, они исподнего в неофициальной обстановке не носят. Пришлось ей камуфляж подобрать, благо рост у нее гвардейский. Офицеры над ней шефство взяли, будут выяснять, не служил ли кто на фронтах с ее отцом. Не поверишь — она из Крыма в девять лет эвакуировалась, а отец у Врангеля в арьергарде отход флота прикрывал. Так и не встретились больше... Сегодня на банкете познакомишься, Наталья и Тарханова с Ляховой обещали над ней шефство взять...

— Чего ж не поверить? — пожала загорелыми плечами Ирина. — С нами и не такое случилось. Сам говоришь — офицеры... Они откуда?

— Да так, а все равно моментами странно. Прилетели черт знает куда, на другую планету, Арканар пополам с «миром Полдня», с бароном Пампой виски пьем — и тут, пожалте, баронесса, она же девочка-белоземлигрантка...

«Любимая жена барона», когда он ее представил в ответ на просьбу Скуратова познакомиться с кем-нибудь из женщин, добровольно переселившихся с Земли в «Дуггурляндию», сразу произвела на землян впечатление сильнее того, на какое они рассчитывали. Виктор всего лишь хотел задать несколько вопросов женщине, чтобы лучше представить психологию столь странных, на его взгляд, «союзов». И, наверное, подсознательно все они рассчитывали увидеть существо, чем-то похожее на русских жен йеменцев или афганцев, довольно часто эвакуируемых последнее время на Родину из очередных «горячих точек».

Друзья даже совсем не были уверены, что хозяин пойдет им навстречу. Скорее — обидится. Раз тут гаремная система, то можно предполагать, что и нравы сообразные. Да еще на самой окраине обитаемого мира.

Но ничего подобного. «Барон» благодушно кивнул, что-то крикнул в пространство, и его «последняя» из предыдущего призыва жена немедленно явилась. Была она поразительно хороша, прямо как Венера с картины Баттони «Венера и Амур». Под метр восемьдесят ростом, изумительно сложенная, с холодноватым, но идеально вычерченным лицом, в белой прозрачной хламиде, под которой не было больше ничего, она произвела должное впечатление на всех. На Андрея тоже, чего скрывать. Но особенно на Скуратова.

Это заметил даже хозяин и легко предложил «уединиться» с дамой, если она гостя взволновала.

— Она знает, как доставить мужчине всю полноту радости, — сообщил Маззвлитананга, прово-

дя мощной дланью по талии и восхитительным, без всякой лести, округлостям, в которые она переходила.

Женщина улыbnулась, словно обычному комплименту, но в глазах у нее что-то такое мелькнуло... Нехорошее, в общем.

— Спасибо, уважаемый, мы привыкли решать свои проблемы за пределами гостеприимного дома, — ответил Скуратов максимально корректно, хотя и видно было, что сохраняет подобающий тон он с трудом. Не привык на своей благоустроенной реальности к нравам иных эпох и культур.

— А напрасно отказываетесь, — сказала вдруг женщина по-русски. — Соглашайтесь — я вам кое-что интересное расскажу. Когда еще соотечественника встречу... — и вроде как подмигнула.

Хозяин, похоже, что-то тоже уловил в ее словах, потому что вдруг довольно сильно шлепнул, даже скорее ударил женщину по месту, которое только что гладил. И бросил короткую фразу на своем малоудобопроизносимом языке. Но Виктор, кажется, понял, он с помощью блок-универсала дуггурианский «высокий» язык старательно изучал.

— Жаль, — еще раз сказала женщина, плавно шагая к двери. И вдруг коротко бросила по-испански: — «Аста ля виста. Пор ля noche»¹. Очевидно, знала, что этим языком ее повелитель не владеет.

То есть ожидаемого интервью не получилось. Зато «баронесса» действительно пришла около полуночи в комнату к Виктору какими-то тайными ходами, проложенными внутри стен, как это во-

¹ До встречи. Ночью.

дилось и в европейских средневековых замках и дворцах. Дама эта, хоть и русская, оказалась из самых настоящих белоэмигрантов «первой волны», девочкой вывезенная из Крыма, и разыскал ее Мазвлитананга в довоенном, перед Второй мировой, Париже, где она не то чтобы очень бедствовала, но и жизненных перспектив не видела. Замуж богатые французы не зовут, за русского голодранца выходить смысла нет. Лет до тридцати пяти она еще будет котироваться как актриса кабаре и «содержанка на коротких контрактах», а дальше? Понятно, что предложенный умопомрачительным красавцем вариант ее устроил. И прожила она здесь восемь лет, ни о чем не жалея, потому что еще одной мировой войны и послевоенной разрухи она бы не выдержала.

— То есть как это? — оторопел Скуратов. — Вы жили в царской России и эмиграции? — Он к идее скачков между временами и реальностями только-только начал привыкать и до сих пор относился как современники Пушкина к поездкам по Царскосельской железной дороге.

Женщина, а звали ее Надеждой, оказалась куда более приспособленной к тяготам и странностям мира (миров, точнее). Все с ней случившееся она пережила достаточно легко. По принципу: «Так — значит так». Что же касается очередного «хроноклазма»...

Оказывается, исключительно для удобства всей той же «репродуктивной проблемы», вокруг которой у дуггуров, получается, крутится вся жизнь, они давным-давноотрегулировали соотношение хода времени у себя и на нашей Земле. По очень

простому курсу — месяц у них — год у нас. Поэтому, совершив очередной набег и обеспечив всех нуждающихся новыми женщинами, а специалистов из центров селекции — достаточным количеством яйцеклеток, получаемых от «объектов», по кондициям не подходящих для роли жен или наложниц, дуггуры могли сделать перерыв на два-три своих года. За это время очередные партнерши им приедались, а на Земле как раз вырастало новое поколение, сулившее желанное разнообразие как во внешности и манерах, так и на генном уровне.

На самом ведь деле — стоит сравнить массовый типаж красавиц всего лишь тридцатых и шестидесятых годов прошлого века. Абсолютно ничего общего. То девушки-красавицы вроде нашей Серовой или американской Дины Дурбин — и вдруг, как с конвейера, пошли девицы стиля Милен Демонжо, Джини Лоллобриджиды, отечественных Фатеевой и Самойловой хотя бы...

Но Надежда оказалась редким исключением, отчего и привлекла внимание искавшего нечто «с изюминкой» дуггура. И родившаяся почти на полтора года раньше Скуратова, мгновенно зацепила и его.

Сама она, услышав «настоящую» русскую речь русских людей, чуть не упала в обморок, настолько привыкла к мысли, что Родина потеряна навсегда. «Потомки» ей сразу понравились. И вдруг мелькнула надежда.

— У Надежды — надежда, — засмеялась она. — Жаль, что сразу и прошла.

Но увидела, что из всех землян именно Виктор проявил к ней внимание и сочувствие, потому и ре-

шила воспользоваться тайными ходами, посетить его и предостеречь.

Маззвлитананга все эти годы относился к ней хорошо и так демонстративно ударил впервые, именно, чтобы показать свою власть. Да, пожалуй, почувствовал мгновенно возникшую у нее тягу к соотечественникам. И предложил свою пока еще «жену» заезжим гостям, как какой-нибудь дикий тунгус русскому офицеру или китайскому купцу, из этих же соображений. Унизить ее в глазах земных мужчин. Да и их тоже немного поставить на место. Настолько-то он в психологии землян разбирался.

— Феодалы, они все такие, — поддакнул женщине Скуратов, на самом деле не слишком много знающий о феодализме.

— Скорее так с крепостными в восемнадцатом веке поступали, даже и князья-рюриковичи, вроде Шереметевых. Могли с крестьянкой жить как с женой, и внебрачных детей в кадетский корпус отправить, а потом надоела — и все. Хоть на сторону продаст, хоть в дворовых оставит... А вы, смотрю, люди воспитанные. У вас от слов «моего» даже кулаки сжались, а товарищ ваш, смотрю, щекой задергал. А потом, уже когда уходила, сообразила, что люди-то вы из будущего. Посчитала наскоро. Да из такого, где красных хамов наши все-таки победили...

Потому и решила рассказать, что вас тут может ждать. Уже вечером услышала, как ваш сопровождающий моему говорил, что обратно вас домой все равно не отпустят. Или несчастный случай по дороге произойдет, такой, что никаких подозрений.

Или поддержат здесь столько, что там о вас просто забудут...

Эти слова Виктор принял к сведению, но в тот момент его больше интересовала сама Надежда и ее, как принято было писать, «непростая судьба». Да еще и явилась она к нему все в тех же, что днем, ничего из ее прелестей не скрывающих одеждах. У них здесь, как в древнем Риме, матроны только в общественные места выходили приодевшись, а в собственной вилле ни рабов, ни гостей мужа не стеснялись ну ни на сколько.

Он спросил, устраивает ли ее тот вариант, что уготовил ей «повелитель»? Неужели она, такая красавица и пока еще «хозяйка», в свои тридцать с небольшим лет действительно хочет стать «наставницей» и объектом каждодневных упражнений малолетних, сексуально озабоченных балбесов, вроде того, что повелся на Ларису. Он, судя по тому что «братья» видели и знали еще с Южной Африки, ни о чем другом думать не был настроен. А остальные чем лучше?

— Как будто у меня богатый выбор? — грустно сказала Надежда, удивительно дисгармонируя тональностью голоса с вызывающей телесной силой и красотой. — Неужели вы поверили Мазве? — так она сократила имя феодала для удобства разговора. Жить в отдельном поместье я действительно смогу, и «гарем» завести мне помогут, только ежемесячно будут извлекать из меня... сами понимаете что для пересадки в инкубаторы «мыслящих». И там оплодотворять. Им ведь тоже породу улучшать надо. Врачи за мной следить будут, чтобы, упаси бог, внепланово не забеременела. А остальное время, ко-

нечно, жить смогу в свое удовольствие. Как сучка племенная...

— А знаете, Надя, давайте мы вас с собой заберем, — неожиданно для себя предложил Виктор. Не в том дело, что «баронесса»-эмигрантка произвела на него столь уж неизгладимое впечатление (и это было, конечно), а невозможным казалось оставить ее здесь для такой вот участи.

Конечно, десятки миллионов земных женщин находятся здесь и сейчас в таком же, и гораздо худшем положении настоящих сексуальных рабынь и производительниц «биоматериала», а она все же прожила столько лет как любимая жена турецкого султана, к примеру. По словам Надежды, останься она в Париже, с ее характером, выйдя в тираж, быстро бы спилась и сдохла под забором, за несколько лет проскочив путь между шикарной «эскорт-мадемуазель» и ловлей клиентов на Пляс Пигаль и Центральном вокзале. Она ведь русская, и тамошние сутенеры «с крючка сорваться» и «подняться» бы ей не позволили. Так что, зная о такой перспективе, она предложение дуггура приняла сознательно.

— И ведь не обманул, — со странной усмешкой сказала она.

Для Скуратова слова женщины звучали примерно как страницы из купринской «Ямы». Он, вдобавок, вырос в мире не в пример более «вегетарианском», чем ГИП или близкие к ней параллели.

После этих откровений ни мраморная грудь Надежды, несмотря на возраст и несколько родов такая же тугая и высокая, как у пресловутой Венеры, ни ее почти не прикрытые бедра и живот Вик-

тора не возбуждали. Он думал лишь о том, как ей помочь. Забрать отсюда и разорвать порочный круг судьбы, придумавшей ей такую беспросветную и унижительную участь.

— Пойдешь с нами домой? — спросил он ее, за несколько секунд все прикинув и взвесив и неожиданно перейдя на «ты».

— А там я что буду делать? — грустно улыбнулась «баронесса», несомненно, тронутая его порывом, но куда более трезво смотрящая на вещи. — Через сто лет после своего времени? С такой биографией, без профессии и средств. Ты же меня замуж не возьмешь?

— Почему нет? — удивился Скуратов. — И на разведенных женятся, и на вдовах, на всяких... Другое дело — не знаем мы друг друга, и характеры могут оказаться прямо противоположными. А занятие ты себе найдешь. Мы тебе найдем... И не только отдаленное будущее у нас. Есть путь и прямо в твою Россию. Там, где белые победили и жизнь если не сказочная, так близка к сказке, что эмигранты себе придумали... Пойдем. Не пожалеешь. Лишь бы муж отпустил... А то с боем прорываться... Мои друзья могут на такое не согласиться. Дипломатия! — Он весьма примитивно выругался.

— Так ты вправду, что ли? — в голосе женщины прозвучали одновременно и удивление, и что-то вроде насмешки, и глубоко затаенная надежда — а вдруг «земляк» не врет?

— А как же? — в свою очередь удивился Виктор.

— Ну... Тогда можешь не беспокоиться. Скажи завтра, что ты хочешь меня себе забрать, — он не

откажет. Может какой-нибудь несерьезный выкуп попросить. Символически. А я скажу, что мы с тобой уже... Если вас здесь считают равными по положению, этого достаточно. Любой «высочайший», соблазнивший женщину такого же «высочайшего», становится ее хозяином. Такое здесь бывает, хотя и крайне редко... А там хоть убить может, натешившись, никому никакого дела...

— Да, порядочки у вас, — покрутил головой Скуратов. — Но я тебя пока «соблазнять» не буду. Вдруг на Земле тебе кто-то больше меня понравится...

— Как знаешь. После того чем мне тут заниматься приходилось, все остальное так же невинно, как поцелуй в щечку на Пасху...

Надежда, наконец поверившая в серьезность намерений Виктора, подробно разъяснила ему, как именно следует вести завтрашний разговор, еще раз подчеркнув, что он обязательно должен заверить хозяина, что в течение этой ночи неоднократно вступал с нею в связь, причем в деталях объяснила, где и в каком коридоре они вечером встретились. И как Виктор, ссылаясь на разрешение хозяина, сказал ей, что безумно ею очарован, и тут же повлек в свою комнату. А она, как послушная жена, выполнила распоряжение мужа.

— Если он спросит, каким именно образом я тебя ублажала, придется ответить. Это по обычаю. А ты ведь не сумеешь...

Скуратов смущенно пожал плечами.

— Значит, мне все же придется тебе объяснить, как это делается здесь... Иначе наш план сорвется. А я уже настроилась еще раз повидать Родину, Севастополь...

— Интересно люди живут, — со странной интонацией произнесла Ирина. — И что ж там у них в этом деле особенного?

— Мы не спрашивали, Виктор не говорил. Но утром все так и вышло, как ему Надежда обещала. Они, так сказать, признались, и Виктор попросил отпустить женщину с ним. Хозяин долго веселился, действительно поинтересовался, как все произошло и согласен ли господин, что он, Маззвлитанга неплохо ее отдрессировал. Скуратов ответил ему гневной отповедью. Короче, свобода соотечественницы стоила золотого хронометра со всякими наворотами. По меркам дуггура он наверняка стоил дороже «отработанной» жены...

Ну а мы, когда узнали про «ход времени» и судьбу, что нам приготовили, решили немедленно сматываться. Прямо оттуда. Антон по наводке между андроидами свой переход открыл, и мы в тот же час — на Корсику. Там объяснили потерявшим дар речи от изумления нашими способностями «высочайшим», что дела требуют нашего немедленного отбытия на Родину. Не давая противнику опомниться, подписали и тут же ратифицировали «мирный договор» и — сюда. Так что благодари судьбу и Надежду, Рипов ван Винклей из нас не вышло¹.

Только вот беда, английских костюмов у нее в гардеробе не водилось, и красавица прибыла к нам на базу все в той же эротической хламиде. Пришлось переодевать ее в солдатское белье и камуфляж...

¹ Рип ван Винкль — персонаж рассказа В. Ирвинга. Человек, заснувший в волшебной пещере и вернувшийся домой, когда все его знакомые и родственники умерли.

Ирина еще раз хмыкнула. Андрей так и не понял, в каком именно смысле. Повернувшись к нему спиной и начала надевать светло-песочное, переливающееся, как муар, платье с весьма смелым декольте. Наряд дополнили изящные, из кожи какой-то тропической змеи туфельки на невероятной высоты шпильках. Давно он не видел подругу столь вызывающе-элегантной. Словно собралась эпатажно покорять действительно великосветскую компанию.

— Как тебе? — Ирина крутнулась на одной ноге, невесомая юбка взлетела почти до пояса.

— Чего-то, по моему, не хватает, — задумчиво сказал Андрей, придирчиво ее рассматривая.

— Чего же? — она спросила с ощутимой долей вызова в голосе. Мол, я так старалась, и чего же тебе еще?

— Да вот, например...

Новиков достал из кармана замшевый мешочек, похожий на кисет.

Он, конечно, не мог вернуться из дальних странствий без подарка, но не стал вручать его сразу, ждал подходящего момента. Сейчас — в самый раз.

— Что это? — Как и всякая женщина, Ирина была любопытна и подарки обожала, хотя и жила в условиях почти абсолютной доступности всего. Тем сложнее было угодить и тем ярче оказывался эффект, если получалось угадать и удивить.

— Да, подвернулось там случайно...

Она распустила тесемки, достала подарок, несколько секунд присматривалась, потом ошеломленно ахнула:

— Да не может же такого быть... Просто не бывает...

На ладони у нее лежал как бы кулон — треугольный, размером со спичечный коробок камень, пронзительного ярко-фиолетового цвета, ограненный асимметрично, чего не делается европейскими ювелирами, и словно бы по законам какой-то другой геометрии. Внутри камня вспыхивали синие искры, как в звездном сапфире. Оправлен он был в золото, но выглядела оправа словно розетка, сплетенная из множества стебельков неизвестной травы, слегка пушистой и с массой миниатюрных, хоть в лупу рассматривай, заостренных листиков.

Подвешен был кулон на столь же изящной и необычной золотой цепочке странного плетения.

Сразу даже у не слишком искушенного в искусствах человека возникало понимание, что изделие это какое-то «нечеловеческое». При первом же взгляде становилось как-то не по себе. Будто от некоей абстрактной «неправильности». То есть у физиков «абсолютно черное» или «абсолютно твердое» тело, а здесь — обретшая материальное воплощение несообразность мироздания со здравым смыслом. Новиков именно так подумал сразу, как только в подобии ювелирной мастерской на Корсике увидел эту штуку.

— Ой, какое чудо! Я глазам поверить не могу! Такого ведь просто не бывает... — говорила она с непривычным у нее придыханием. Женщина, которой доступны любые ювелирные изыски, хоть из гробниц Тутанхамона и Нефертити, была в полном восторге.

— Давай-ка попробуем его надеть. — Новиков взял кулон из рук Ирины и аккуратно, чтобы не

повредить прическу, двумя руками опустил цепь ей на шею. Размер оказался точь-в-точь, даже уши прижимать не пришлось.

Камень лег точно в ложбинку между грудей и будто бы даже отбросил на лицо особую подсветку. И глаза у Ирины оказались того же точно цвета. Магия какая-то...

Андрей с минуту смотрел на подругу не отрываясь, переводя взгляд с кулона на лицо и обратно.

Потом сожалеюще цокнул языком.

— Снимай. Не пойдет...

— Что? — не поняла Ирина.

— Камешек не пойдет. Это в натуре какой-то приворотный талисман. Если в нем выйдешь, вся компания, включая андроидов, только на твою грудь пялиться будет, а потом все закончится групповым изнасилованием... Так мне отчего-то кажется. Давай ты его только для меня надевать будешь, и то по особым праздникам. Знаешь, сама по себе эта штука такого впечатления не производила. А на тебе... Я, честно говоря, еле-еле себя в руках удерживаю. Да и то потому, что нас уже ждут, а я человек пунктуальный. Снимай... Какое-то прям «Кольцо всевластья». А ты как?

— Я бы тоже сейчас лучше дома осталась...

— Вот и ответ. Спрячь его подальше.

Ирина с сожалением сняла кулон и, убрав в мешочек, положила в керамический сейф.

Выходя из каюты, непроизвольно оглянулась.

— Страшноватая вещь. Где ты ее взяла?

— По случаю, — хмыкнул Новиков. — Там по случаю можно много чего раздобыть. И мир там... Страшноватый. Хорошо, что мы, кажется, догово-

рились. Они к нам сюда — ни шагу больше. Мы к ним тоже. Контакты, если что, — на нейтральной территории...

— ?

— Да у нас на Валгалле. У них туда давно дорожка протоптана. Правда, теперь, когда Даяна Базу эвакуировала, им там делать особенного нечего. Именно что только на переговоры...

Почти все без исключения андройды (кроме несущих ходовую вахту) были настроены на специальности поваров, официантов и барменов. Все же в главном ресторанном зале обслуживать пришлось двести с лишним человек, на прототипе «Валгаллы» — «Мавритании» пассажиров первого класса насчитывалось примерно столько же.

Меню и программу банкета целиком скопировали с аналогичных мероприятий конца девятнадцатого века. Тогда люди, лишённые большинства технических достижений века двадцатого, достигли вершин в умении развлекаться «естественным способом»: вкусно есть, изысканно выпивать, наслаждаться «живыми» видами искусства, флиртовать направо и налево. Тогда даже члены императорской фамилии имели официальных любовниц, пассий, «побочных» жен, что не встречало никаких серьезных протестов. Скорее — напротив.

Именно в те годы была придумана поговорка: «Люблю повеселиться, особенно пожрать». Так оно и было — в дореволюционном Петербурге ежедневно давалось множество балов, обедов, ужинов и прочих мероприятий того же типа. И «светский человек» в середине дня напряженно размыш-

лял, перебирая пачку приглашений, будто решал в уме пасьянс — как бы и не обидеть никого нужного и важного, и время со вкусом провести, и какую-нибудь пользу из своего выбора извлечь. Где в карты удобнее выиграть, а где — о подряде на постройку Кругобайкальской железной дороги договориться. Или богатую и красивую невесту себе приискать.

Как и на всяком большом балу, где наряду со старшими членами «Братства», боевыми офицерами «Первого ударного батальона», призыва еще двадцатого года, присутствовало и около полутора сотен Даяниных «курсантов», «курсанток» и специалистов «подразделения обеспечения учебного процесса», никакого консолидированного коллектива создать не удалось, да никто к этому и не стремился. Рассажены гости были по «ранжиру» и «интересам», кто за длинными общими столами, кто за сгруппированными в нужном порядке четырех- и восьмиместными столиками. Выбор напитков и блюд был весьма обширен — десяток поваров высшей квалификации потрудились на славу, вдобавок с помощью дубликатора можно было в ассортименте получать уже готовые «кулинарные композиции». В нескольких примыкающих помещениях на фуршетных столах располагались напитки и холодные закуски, рядом был танцевальный зал, а в обеденном — на эстраде у дальней стены играл голографический оркестр, исполнявший всевозможные мелодии как согласно собственной программе, так и по заявкам гостей.

Вначале, само собой, было сказано несколько спичей и тостов общего назначения, разъясняю-

щих тему и повод данного собрания, в меру способностей и настроения тостующих прославляющие подвиги главных виновников торжества, «за присутствующих здесь дам», конечно, а дальше — на усмотрение присутствующих, по группам и интересам. Всех удивил капитан Ненадо, обычно стеснявшийся своего унтер-офицерского происхождения и в «господских компаниях» предпочитавший не засвечиваться.

Видимо, общая атмосфера праздника, несколько больших рюмок водки, масса прелестных девушек вокруг, многие из которых впервые надели балльные платья вместо форменных костюмчиков, а также и присутствие тайно обожаемой «госпожи Даяны» его растормозили.

Он довольно связно поблагодарил «господ командиров», обеспечивших экспедицию и не допустивших потерь в этом опасном деле, своих офицеров, «с честью исполнивших долг у черта на рогах», и даже пожелал «милейшим на свете барышням» в ближайшее время найти своих суженых и обрести законное счастье не в боях «хрен знает с какой нечистью», а в уютных семейных покоях.

Капитан своим тостом сорвал аплодисменты, привлек внимание кое-кого из тех самых «барышень», и даже Даяна, как ему показалось издали, посмотрела на него пристально и благосклонно.

— Слушай, — сказал Новиков Шульгину, — а Игнату пора полковника давать¹. «За образцовое

¹ Капитан Ненадо, как и большинство его соратников — «дважды первопоходников», числился в Югороссии за Гвардией, а в Гвардии чина «подполковник» не существовало.

обеспечение» и вообще по совокупности. Нормально будет. Он в строю уже сколько?

— То ли с девятого, то ли с десятого года, — ответил Сашка.

— Во! Считай, век человек оттянул. А если со всеми зачетами и выслугами?

— Какие вопросы? Сделаем. Вон Алексею сейчас скажем, пусть представление Врангелю пишет. Ненадо — полковника и Георгия третьей степени, Оноли — штабса или сразу капитана. Сколько можно — с шестнадцатого года человек воюет, «вольнопером»¹ начинал. И всем, кто «в деле был», — по Владимиру с мечами.

Где-то после пятого тоста общее застолье начало рассыпаться, молодежь отправилась «освежиться» и потанцевать, а все члены «Братства» плюс Даяна, Лихарев и Эвелин, оба Ляховых, Татьяна с Майей, а также «гостя Надежда», перешли в расположенный через поперечный коридор от танцевального зала и палубой выше обширный «Сандаловый кабинет». Вся мебель и стенные панели были в нем выполнены, понятно, из натурального сандала, и общее оформление имитировало нечто усредненно-индуистское.

Теперь, в стороне от посторонних глаз, можно было наконец расслабиться, не теряя авторитета

¹ «Вольнопер» — разговорное обозначение «вольнопределяющихся», чин в царской армии, присваивающийся лицам, имеющим среднее и высшее образование, призванным на военную службу на льготных условиях и имеющим право сдать экзамен на чин «прапорщик запаса». В военное время — просто «прапорщик» с правом дальнейшего продвижения в чинах.

в глазах нижестоящих товарищей. Не только ведь «Quod licet Jovi...»¹, обратная теорема тоже верна.

Здесь Ирина и присмотрелась поближе к Надежде, о которой составила, со слов Андрея, определенное впечатление. Но удивительным образом после нескольких лет, проведенных в роли наложницы «высочайшего», и предыдущих двадцати эмигрантских она здесь чужой не выглядела. Как-то очень легко приспособилась. Держалась вполне по-светски, только сама в разговоры ни с кем не вступала. Отвечала, если к ней обращались, а так в основном слушала, улыбалась, с удовольствием пила настоящее «Голицынское» шампанское. Но по ряду деталей Ирина видела, что женщина пребывает в полушоковом, особого типа, состоянии. Она просто не верила до сих пор, что все происходящее — явь, а не навеянный галлюциногенами сон. И все свои силы направляет на то, чтобы не проснуться слишком рано.

Шутка ли — два или три дня назад еще была рабыней без каких-то светлых перспектив у «нелюдей» на далекой планете и вдруг вернулась не просто домой, а в счастливое детство. В атмосферу тех праздников «до войны», когда были живы родители и точно так же собирались по вечерам гости... Она тогда была уже достаточно большой, чтобы запомнить. И вот...

В компании, превышающей даже пять человек, связно рассказать о чем-то, а тем более о такой долгой и необычной экспедиции практически

¹ Начало римской поговорки: «Что положено Юпитеру, не положено быку».

невозможно. Непременно будут перебивать, переспрашивать, начинать говорить о своем, будто бы имеющем отношение к теме, и так далее. Поэтому Ростокину, как наиболее опытному журналисту не только с международным, но и межпланетным опытом, доверили сделать самое краткое и достаточно информативное сообщение, минут на пятнадцать буквально. А завтра уже провести нормальное деловое совещание. С приглашением всех, кого это касается.

Сегодня — отдыхать и веселиться. Слава всем богам — в который уже раз, после очередных экспедиций и приключений, они опять собрались вместе, никого не потеряв, наоборот — в расширившемся составе.

Чего еще желать, какая бы погода и какие обстоятельства ни имели места «за бортом».

Покулив на кормовом балконе, Новиков вернулся в салон и под влиянием внезапно накатившегося настроения взял гитару, оказавшуюся, как пресловутый «рояль в кустах», на диване в дальнем углу. Кто ее сюда подложил? Воронцов, наверное, или Наталья, всегда предусматривающая самые неожиданные повороты сюжета. Кроме Новикова гитарой почти профессионально владела Майя Ляхова, да и еще кое-кто умел не только дворовые «три аккорда» брять. Вдруг возникнет желание что-то исполнить. Душещипательный романс, например.

А может, и Ирина расстаралась, зная его внезапные творческие порывы, и то, что балладами, то ли своими, то ли чужими, он любит создавать нужное

настроение. Или — устранять ненужное. А суммарный накал психологического напряжения в компании сейчас довольно высок. И не только от радости встречи. Есть еще несколько объективных и субъективных факторов.

Опять же — «Валгалла», пиршественный стол, как же без скальда. Ну, будет вам скальд.

Андрей взял инструмент, присел на подлокотник ближайшего кресла, медленно выцедил предупредительно поданную Шульгиным чарку. Чтoб голос подправить и в настроение войти. Никто не знал, что он собирается исполнить, да и сам только что решил.

Перебрал несколько раз струны, прикидывая, в какой тональности аккомпанемент подойдет к тексту, и негромко запел:

— Подписан будет мир, и вдруг к тебе домой, — при этих словах он повернулся к Наталье и слегка ей кивнул, — к двенадцати часам, шумя, смеясь, пророча, как в дни войны, придут слуга покорный твой...

Несколько раз пророкотал струнами, как бы привлекая внимание слушателей и предлагая настроиться на серьезный лад:

...И все его друзья, кто будет жив к той ночи.

Сделал короткую паузу, прикрыв ресницами глаза:

...Хочу, чтоб ты и в эту ночь была
Опять той женщиной, вокруг которой
Мы изредка сходились у стола
Перед окном с бумажной синей шторой.

Басы зениток за окном слышны,
А радиола старый вальс играет,
И все в тебя немножко влюблены,
И половина завтра уезжает.
Уже шинель в руках, уж третий час,
И вдруг опять стихи читают,
И одного из бывших в прошлый раз
С мужской ворчливой скорбью вспоминают...

Баллада была длинная, но все слушали, затаив дыхание. Что это и чье, знали, пожалуй, только Шульгин, Левашов, ну и Воронцов, скорее всего. Даже Ирина и Лариса — вряд ли. Старой поэзией они не увлекались. А половина общества была вообще не из этой реальности.

...Но вот наступит мир, и вдруг к тебе домой,
К двенадцати часам, шумя, смеясь, пророча,
Как в дни войны придут слуга покорный твой
И все его друзья, кто будет жив к той ночи.
Они придут еще в шинелях и ремнях
И долго будут их снимать в передней —
Еще вчера война, еще всего на днях
Был ими похоронен тот, последний,
О ком ты спросишь — что ж он не пришел?
И сразу оборвутся разговоры,
И все заметят, как широк им стол,
И станут про себя считать приборы.
А ты, с тоской перехватив их взгляд,
За лишние приборы в оправданье
Шепнешь: «Я думала, что кто-то из ребят
Издалека придет с опозданием...»
Но мы не станем спорить, мы смолчим.
Что все, кто жив, пришли, а те, что опоздали,
Так далеко уехали, что им
На эту землю уж поспеть едва ли.

...Ну что же, сядем. Сколько нас всего?
Два, три, четыре... Стулья ближе сдвинем,
За тех, кто опоздал на торжество,
С хозяйкой дома первый тост поднимем.
Но если опоздать случится мне
И ты, меня коря за опоздание,
Услышишь вдруг, как кто-то в тишине
Шепнет, что бесполезно ожидание,—
Не отменяй с друзьями торжество...

...Поставь же нам стаканы заодно
Со всеми! Мы еще придем неожиданно.
Пусть кто-нибудь живой нальет вино
Нам в наши молчаливые стаканы.
Еще вы трезвы. Не пришла пора
Нам приходить, но мы уже в дороге.
Уж била полночь... Пейте ж до утра!
Мы будем ждать рассвета на пороге.
Кто лгал, что я на праздник не пришел?
Мы здесь уже. Когда все будут пьяны,
Бесшумно к вам подсядем мы за стол
И сдвинем за живых бесшумные стаканы.¹

Долгая-долгая пауза после последнего долго за-
тихающего аккорда. Кто-то из девушек, кажется,
Майя, издал сдавленный горловой звук, будто по-
давая всхлип. Остальные молчали, пока наконец
Воронцов не поднял наполненную рюмку.

— Ну ты, братец, умеешь поднять настроение.
Как раз к случаю. Но вы вроде все вернулись? Тог-
да за тех, кто не опоздал!

— А что, друзья, — как бы возразил ему и од-
новременно поддержал Скуратов — после пережи-
тых совместно испытаний уже вписавшийся в ком-

¹ Фрагменты из поэмы К. Симонова «Хозяйка дома».

панию, но все же бесконечно далекий и от времени написания этой баллады, и от психологического настроения автора и его героев. — Действительно ведь, на самом деле ни с кем ничего плохого не случилось, мы вернулись с огромным научным материалом, я даже не знаю, как это все повлияет на дальнейшее развитие...

— Повлияет, не сомневайся, — дернул его за полу куртки и заставил сесть Шульгин. — Только мы сейчас про другое, Игорь тебе потом тонкости сюжета объяснит. А у тебя есть, на что еще внимание обращать...

Он посмотрел на Надежду. Та, кстати, поняла балладу очень правильно. Сама совсем недавно, если на пальцах посчитать, и Мировую войну пережила, и Гражданскую. И отца, такого же, «в шинели и ремнях», помнила очень ярко.

Ростокин действительно смог бы объяснить другу его не то чтобы бестактность, но определенную эмоциональную тупость, в очередной раз невзначай проявленную. Игорь успел пожить в этом мире много где, в том числе и в РСФСР ранних нэповских лет, когда до новой Гражданской войны было рукой подать, да и о других войнах знал не понаслышке. Оттого лучше своего друга-логика понял цель и смысл выбора Андреем именно этой баллады для праздничного вроде ужина. Как раз чтобы чувствовали и не забывали, по какому краешку они все ходят.

Постепенно настроение общества вернулось к норме: все же они собрались на праздник встречи, но то, чего Андрей хотел, он достиг — их почти потерявшая ту душевную связь компания (слиш-

ком долго все занимались собственными интересами, часто — весьма противоречивыми), что объединяла всех в начале «эпопей», снова ощутила свое базовое единство, причастность к «одной серии». Да и в полном составе они слишком давно не собирались. Как ни считай, а с разными вариациями два года — это срок. Похоже — получилось. Да и новым «братьям и сестрам», которые из других времен и реальностей, полезно. Послушать и задуматься.

Еще не меньше получаса под беспорядочные то-сты все говорили со всеми, как и бывает в достаточно многолюдном застолье, где собрались хотя и хорошо знакомые, но давно не видевшиеся люди и отсутствует «организующая и направляющая сила» в лице тамады. То начинали обсуждать, что творится «за бортом», причем для многих там существовало не только другое время, но и другая реальность. Да, вдобавок, и точка зрения на суть и смысл событий у многих была разная.

Вдруг кто-то прерывал одну тему, соседу по столу казавшуюся важной, и начинал говорить о вещах сугубо личных. Кто-то вспоминал новый анекдот, посвященный неизвестной другим ситуации, или актуальное высказывание политического деятеля, большая часть компании о каковом и не слышала.

То есть происходило то, что и должно обычно происходить. Следующим этапом «мероприятия» должна стать «селекция» компании по вкусам и интересам, стихийная разбивка на группы по три-четыре человека, ибо в большем составе единомыслия и единовкусия достигнуть невозможно,

а их тут было почти двадцать человек, кое в чем разительно не похожих и даже малознакомых. Что так уж объединяло, допустим, Даяну, Надежду, Эвелин, Майю и Татьяну, кроме принадлежности к женскому полу и опосредствованных связей через близких и не очень мужчин? Или Кирсанова с Лихаревым? Хотя нет, этих как раз объединяло дореволюционное прошлое и взаимный профессиональный интерес.

Кажется, один Фест чувствовал себя совершенно свободно со всеми, хоть со старыми «братьями и сестрами», хоть с новыми «кандидатами»... Это уже спецподготовка в «школе Шульгина» сказывалась. И еще ему было интересно наблюдать за своим учителем после затянувшейся разлуки. Нет, в самом Шульгине откуда быть изменениям, если он прожил «там» всего пару месяцев, а вот САМ-то он не видел его почти два года. Отсюда и разница. Это как заново перечитать через время давно знакомую книгу.

Банкет затянулся почти до утра. И коловращение жизни происходило. То Новиков стоял с Шульгиным, Ириной и Анной на балконе, любясь кильватерной струей в ночном океане, то сидел за столиком с Берестиным, Сильвией и почему-то Ларисой без Олега, и они обсуждали британо-югославские и англо-советские проблемы прошлого (в данный момент — текущего) века.

Потом пригласил на танец Даяну, и они очень лихо исполнили «семь-сорок», единственное, что Андрей умел почти профессионально, за исключением медленных переступаний в обнимку с де-

вушкой, что в его студенческие годы называлось «танго». С азартом их примеру последовали только «современники», поскольку в иных реальностях этот национальный танец популярностью не пользовался.

Снова выйдя на свежий воздух под ручку с «главной аггрианкой», успев при этом сделать успокаивающий жест Ирине (мол, по работе нужно, ничего личного), Андрей прямо спросил, может ли Даяна со своим «Большим гомеостатом» помочь Надежде адаптироваться?

Аггрианка вкратце знала историю гостыи и сразу перешла к деталям — в чем именно проблема?

— В том, что, после восьми лет с тем жеребцом, да еще под какими-то психовоздействиями, она ни с Виктором, ни с любым нормальным мужиком жить не сможет. Мне мой коллега-дуггур так прямо и сказал. Это сейчас она в некотором шоке от изменения судьбы, от встречи с русскими людьми и даже белогвардейцами. Но натура свое возьмет, не сомневаюсь. Я в отличие от Скуратова логик, может, и хреновый, но психологию знаю, без ложной скромности. Да и физиологию достаточно.

Так вот чтобы у нее могла «человеческая» жизнь начаться, нужно Надежду подлечить. И память, и биохимию ей скорректировать. Ну и анатомию, если потребуется. Чтобы она все, связанное с этой сферой, забыла и превратилась в нормальную женщину, после нескольких лет не слишком удачного брака решившуюся на вторую попытку. Чтобы сколько нужно эндорфинов у нее вырабатывалось от самого обычного общения с обычным мужчиной. И никогда, понимаешь, никогда не вспоминала, как

там это у дуггуров. Лариса только издалека их психический зов почувствовала, без всякого реального контакта, и то до сих пор слегка контуженная... Сделаешь?

— Ох и альтруист вы, Андрей Дмитриевич, — усмехнулась Даяна и слегка прикоснулась пальцами к его руке. — Я не забыла, как вы меня не смогли запертую в железной каюте бросить. После всего, что я с вами сотворила. Да и потом... Все сделаю, не беспокойтесь. Завтра же с утра прикинусь корабельной докторшей и приглашу вашу протезе на профилактический медосмотр. Может, ее прямо сразу девственницей сделать, столько лет ждавшей принца-академика?

— Не валяй дурака, Даяна, не знаю, как по отчеству. Достаточно создать ей ощущение обычной разведенной дамы, обдуманно и спокойно влюбившейся в нового знакомого и сохранившей крайне неприятные воспоминания о предыдущем замужестве за дуггуром, который приличную девушку с нормальными потребностями раз в месяц мог кое-как удовлетворить...

— Договорились...

Даяна бархатно рассмеялась и снова провела теплой ладонью по руке Андрея.

Уже начало слегка рассветать, когда Новиков с Ириной спустились к дверям ее каюты.

— Ох и набрался ты сегодня, милый, — с легким осуждением сказала она. — Я и не помню, когда ты таким был. В студентах еще, наверное.

— А что? После благополучного возвращения — имею полное право! Хотя иногда нормальный кайф почувствовать. Я для того гомеостат и снял. Надое-

ло из себя дурака-дегустатора изображать, что коньяком рот полощет и сплевывает...

— Понятно, — вздохнула Ирина. — Только не стоит повторять это упражнение слишком часто...

— Да я что, это ж минутное дело, — Андрей достал гомеостат и защелкнул его на запястье. — Полчаса — и порядок. Ну ты давай, открывай дверь, хочу еще на тот камушек полюбоваться. Без помех...

ГЛАВА ПЯТАЯ

утра на пароходе, на верхних его палубах, было пусто и тихо. Только в ходовой рубке и на мостиках иногда были слышны голоса вахтенного штурмана, рулевых и сигнальщиков. Большая часть «братьев и сестер» отсыпались в своих каютах после классического «банкета с танцами до утра». Именно так протекала светская жизнь в Петербурге до начала капиталистической эпохи с ее новыми трудовыми ритмами и почти всеобщей занятостью. Когда жили по обычаям, описанным и Пушкиным, и Лермонтовым. Каждый вечер — театр, концерт, клуб, ресторан, балы «по поводу» или без всякого повода — заведено в этом доме собираться по средам, в этом по пятницам, а в том по понедельникам. Ну и собираются бог знает сколько лет подряд, как было заведено при Александре Благословенном, а то и отце его, Павле Петровиче. Где-то просто играли в карты, как в «Пиковой даме» описано. Но почти всегда — до утра. Питерская погода располагала, особенно зимой. Смеркается рано, рассветает поздно, так что же — по полгода с закатом ложиться, едва успев пообедать? И спать по пятнадцать часов каждый день? Нормальному человеку выдержать такой биоритм невозможно, вот

и развлекались, как тогдашний уровень жизни позволял.

Да еще и утро выдалось как по заказу, сырое, туманное, с дождем, морозящим из туч, таких низких и плотных, что солнечный свет кое-как пробился сквозь них лишь часам к десяти. Совсем как в зимнем Петербурге.

Но, как и там, что в зимние утра, что в летние — большинство людей занималось положенными делами с самого раннего часа. «Курсовые офицеры» Даяниного учебного центра поднимали своих воспитанников в семь утра, как обычно (но и по дортуарам¹ их отправили с бала ровно в полночь), и они приступили к предусмотренным расписанием занятиям в специально отведенных помещениях нижних палуб. Сейчас в основном курсантки и курсанты занимались общевоинской подготовкой и специальными видами боя, которые им преподавали офицеры-рейнджеры и некоторые роботы, запрограммированные на преподавание в далеком двадцатом году². Еще несостоявшиеся координаторы изучали «обстановку», как у разведчиков называется весь комплекс сведений, касающихся норм, правил и обычаев жизни в стране или на объекте, где предстоит работать. «Обстановка» включает в себя что угодно — от манеры держать сигарету, расплачиваться в магазине, зашнуровывать ботинки до анекдотов, принятых в определенной среде (в армейской одни, в кругу художников-геев — совсем другие), до общепринятой реакции на те или

¹ Дортуар — спальное помещение для воспитанников закрытых учебных заведений в XIX веке.

² См. роман «Бульдоги под ковром».

иные жизненные моменты. Например, царскому офицеру невозможно первым извиниться перед наступившим ему на ногу штатским или в уголовной среде не потребовать в должной форме «ответа за базар».

Незнание таких мелочей зачастую стоит разведчику свободы, а то и жизни.

К этим занятиям Даяна договорилась с Фестом привлекать свободных от службы «валькирий», поскольку они были, во-первых, «своими», которым не нужно было приспосабливаться к специфике своих учениц, а во-вторых — зарекомендовали себя великолепной приспособляемостью к «обстановке», ранее им незнакомой, что в императорской России, что в Российской Федерации.

Не сделал своим бойцам снисхождения и Ненадо. Невзирая на то что бал для многих закончился в пять, а то и позже, в восемь (пусть благодарят, что не в семь), он устроил предусмотренный уставом развод и затем — занятия по строевой подготовке и спортивные соревнования, сославшись на то, что за время «командировки» утрачено «боевое слаживание» между взводами, несшими боевую службу «вдали от Родины» и «морально разлагавшимися» от безделья, да еще и в постоянном общении с красивыми девками.

Только после обеда Новиков объявил по громкой связи, что в шестнадцать часов в таком-то помещении состоится лекция-доклад об итогах работы возвратившейся с «другой Земли» экспедиции, куда приглашаются все желающие, а «учащиеся и военнослужащие» — в полном составе, кроме занятых в нарядах.

Собственно вводную лекцию, на полных два академических часа, прочитал Новиков, успевший в какой-то мере обобщить и систематизировать материалы, собранные исследователями по отдельным темам. В какой-то мере у него получилось нечто вроде того, что раньше называлось «лекцией о международном положении». Если кто еще помнит, это был в советское время, особенно до массового внедрения телевидения, крайне популярный жанр. Такие лекции читались на партийных собраниях, в рабочих и сельских клубах, открытых площадках в парках «культуры и отдыха». И народ, что интересно, ходил на них добровольно и слушал с живым интересом.

Вот и сейчас Андрей, вспомнив собственный опыт нештатного пропагандиста в системе «марксистско-ленинской учебы», постарался подать материал живо и интересно, учитывая, что большинство его слушателей — молодежь и югороские офицеры, не слишком знакомые с теорией Эверетта и иными, касающимися параллельных и совмещенных пространств и времен. Но в то же время и предельно научно, если здесь вообще можно было говорить о какой-то науке. Оказалось — можно, причем как о той же «марксистско-ленинской».

Несмотря на десятилетия самой оголтелой критики, вплоть до полного отрицания, Новиков за прошедшее время никакой другой теории, столь же связной и логически безупречной, не увидел. Кроме «Исторического материализма», все объяснившего насчет «Происхождения семьи, частной

собственности и государства»¹, общественно-экономических формаций и дальнейших путей развития человеческого общества.

Пролистал он года четыре назад, вернувшись на ГИП, книжки Фукуямы, Хантингтона, Медоуза с соавторами² и понял, что «буржуазные политические науки» не создали (за двадцать пять лет его отсутствия в этом мире) ничего по-настоящему «научного» или хотя бы «правдоподобного». Полным идиотизмом показался ему вердикт Фукуямы, сделанный в девяносто втором году, — «после крушения коммунизма мировая история закончена в своем развитии, идеологическое развитие человечества завершено, поскольку во всем мире воцаряется универсальная западная либеральная демократия как окончательная форма правления!».

Эти слова показались Новикову абсурдными сразу, а дальнейший ход событий подтвердил его правоту.

А вот в марксистскую теорию вся история и жизнеустройство «Дуггурляндии» вполне укладывались. Хотя бы как экзотическая форма доведенной до крайности идеи эксплуатации человека человеком. Если по Марксу — Энгельсу капитализм превращал человека в инструмент извлечения прибавочной стоимости лишь экономически, оставляя ему право и на отказ от этой роли, и на

¹ Одно из главных произведений Ф. Энгельса (1884 г.), относящееся к первоисточникам исторического материализма..

² См. С. Хантингтон «Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка», Ф. Фукуяма. «Конец истории и последний человек», Д. и Д. Медоуз, Й. Рандерс. «Пределы роста» (1970 г.), «Пределы роста. 30 лет спустя».

социальную революцию (хотя и всячески препятствуя реализации так называемых демократических лозунгов), то «дуггуризм» просто превратил девяносто девять процентов населения в полностью лишенных разума человекообразных насекомых.

Его доклад неоднократно прерывался тем, что в стенограммах обозначалось значком «оживление в зале», и множеством вопросов, задаваемых с места прямо по ходу выступления. У слушателей просто не хватало терпения дожидаться окончания лекции и предусмотренных регламентом «ответов на вопросы». Но Андрея это не смущало. Так выходило даже интереснее, а заодно по ходу дела у него возникали совсем свежие идеи и мысли, которых не было еще час или полчаса назад.

— Разумеется, — говорил Новиков, — никакого «братства цивилизаций» у нас не получится. По всем параметрам мы настолько далеки с даже наиболее «человекоподобными» представителями дуггуров, что речь может идти только о подобии нейтралитета, не скажу даже — «дружественного». Вооруженного, не более.

Мы кое-как сумели объяснить «двоюродным братьям», что продолжение того, что мы считаем экспансией, а они — «освоением прилегающих территорий», может закончиться только уничтожением всей их цивилизации. С использованием имеющихся в нашем распоряжении «негуманных средств», включая ядерное оружие, до которого они, по счастью, не додумались.

— Блефовали, конечно? — спросил Берестин.

— Я бы так не сказал. Понятно, что атомную бомбу или хотя бы фосфорорганические газы мы применять не станем, но о том, что для нас такое дело морально вполне приемлемо, сообщили. И кое-какие документальные фильмы продемонстрировали. В смысле, что если мы по отношению к друг другу такие «отмороженные», то уж судьба каких-то в реальности не существующих «псевдохомо» нас интересует в самую последнюю очередь. А Антон намекнул еще и о возможных санкциях со стороны Галактического содружества, которое о так называемом либерализме и «праве наций на самоопределение» и понятия не имеет. Выселят, как товарищ Сталин некоторые народы, весь их кагал на отдаленные планеты, где можно выжить только с кайлом или лопатой в одной руке и автоматом в другой, — и жалуйтесь потом хоть во Всемирную Лигу сексуальных реформ.

— А что, «галакты» действительно практикуют подобные методы? — спросил с места в первом ряду Секонд.

— Подобные случаи имели место, — не стал вдаваться в подробности Антон. — И дуггуры с их ментальными способностями убедились, что я говорю правду. То, что это случалось очень-очень давно и с негуманоидами, — уже несущественно...

— А как же с «генетическим материалом», — спросила Даяна, появившаяся в зале через полчаса с лишним после начала доклада. С ней пришла и Надежда, как показалось Новикову — выглядевшая уже несколько по-другому. Утомленной, хотя это могло быть следствием вчерашней, достаточно

веселой ночи, но главное — спокойной. По-человечески. Не чувствовалось в ней «иномирного» налета, и отсутствовал неестественный, как после дозы кокаина, блеск в глазах.

Они сели рядом, на крайние стулья средних рядов, ближе к «курсанткам» и поодаль от группы «братьев и сестер».

— Тут имеются не то чтобы сложности, но вопрос, так сказать, этический, — вместо Новикова снова ответил Антон, как бы в продолжение своих предыдущих слов. — Этим ребятам на самом деле без притока свежего, исконно человеческого «материала» не выжить. Заигрались они в практическую генетику, которая может многое, но, увы, не все. «Задний ход», например, у нее не предусмотрен. Это вопрос, конечно, не одного и не двух поколений, но вырождаться они начнут. Безусловно. Их собственные «женщины», а также и большинство мужских особей независимо от «умственных» способностей являются носителями массы «рецессивных генов», которые невозможно ни ликвидировать, ни надежно подавить.

Они — как диабетики. Живут только при помощи постоянных инъекций. Иначе... — он развел руками. — Кроме того, их «разумное» общество выстроено именно как «гаремная», полигамная институция, рабовладельческая в своей основе. Вне него этот социум нежизнеспособен.

Невозможно в обществе с многотысячелетней культурой, пусть нам и глубоко чуждой, вдруг насадить капиталистический способ производства и одновременно моногамию в условиях уже описанного нами «полового диморфизма».

Представьте, если у нас, вот в этом коллективе, — Антон обвел рукой зал, где две трети присутствующих составляли красавицы курсантки и женщины постарше, но столь же привлекательные, — мы с сегодняшнего дня строго запретим известный тип отношений, наших прекрасных дам высадим на берег в ближайшем порту, а вместо них примем на борт вдесятеро большее количество самок шимпанзе...

Форзейль переждал волну смеха, выкриков с мест, в том числе и возмущенных.

— Вот видите. А у нас здесь всего лишь временно собравшийся коллектив, имеющий возможность безболезненно рассредоточится и продолжить привычный образ жизни на берегу, а дуггуры такой возможности не имеют. Ни физически, ни психологически. Кроме того, если отцы перестанут отдавать сыновьям своих «отработанных» жен, сыновья начнут убивать отцов. И организовывать собственные «экспедиции на Землю». Где большая часть рискует быть уничтоженной подготовившимися к подобным набегам «аборигенами». При их численности и типе семьи — уцелевшие очень скоро вымрут в своих замках, будут уничтожены немногим более жизнестойкими и примитивнее организованными «мыслящими» или сожраны неподвластной им фауной...

— Так что же, ты предлагаешь наладить с ними взаимовыгодный обмен? — агрессивно спросила Лариса, имеющая личный опыт общения с «ангелами». — Торговлю живым товаром? Да я...

— Не заводись, — намеренно лениво, скупающе ответил Шульгин. — Мы все уже согласовали.

К нам они больше не сунутся. А в других реальностях, нам неизвестных, — пусть резвятся. Ты уверена, что там не найдется масса девиц, да и вполне зрелых дам тоже, которые на определенных условиях согласились бы...

— Мало ли что! На любое извращение желающие находятся, но это не значит... У нас, слава богу, не Европа. — Лариса была иногда на удивление категорична и консервативна в своих взглядах. И противоречива. С одной стороны — моментами почти феминистка и ревнительница строгой морали, с другой — большая любительница ни к чему не обязывающих сексуальных забав и психологических интриг. Женщин «легкого поведения» категорически не терпела, считая, что ее собственные приключения к этому никакого отношения не имеют и означают совсем другое.

Вот и сейчас она зацепилась за вроде бы несущественный на общем фоне вопрос. Какое ей, в сущности, дело до того, каким образом впредь будут удовлетворяться репродуктивные потребности столь ненавистных ей дуггуров? Впрочем, в этом, наверное, все и дело — она их настолько ненавидела, что вполне поддержала бы меры по полной изоляции с дальнейшей ликвидацией этого зловредного народа.

И ей, конечно, совсем были безразличны судьбы тех «сучек и стерв», которые добровольно шли бы в шлюхи к дуггурам. Она точно так относилась и к соотечественницам в те, еще советские времена выходившим замуж за студентов из «братских стран», чтобы только уехать из Союза за границу, хоть бы и в Йемен или Сомали. В возможность

так называемой «любви» между русскими девками и афроазиатами она категорически не верила. Слишком разные менталитеты. В койке поваляться — это понять можно, а чтобы семейно жить — простите великодушно.

— Этим вопросом мы займемся специально, — пресек дальнейшие, вполне уже назревшие споры Новиков. — Создадим специальную комиссию, назначим тебя, Лариса, ее председательшей. Ты же там, в рэсэфэсээрии¹, кроме прочего, и всякими женсоветами занимаешься, борьбой за права работниц. А асоциальные элементы? Подумаешь, что лучше — в зоны их отправлять, в Воркуту на «общие работы», к стенке ставить, или все же — туда? Многим понравится. Не хуже, чем в женах у султана Брунея... Мужики мощные, сама видела, жилплощадь не лимитирует, и любые извращения даже приветствуются...

— Да пошел ты... Знаток извращений, — полыхнула она взглядом, но одновременно проскочило в ее глазах и выражении лица кое-что другое. Вполне практичное. Воображение у нее было великолепное, и жизненный опыт — дай бог каждой. Слова Андрея угодили в точку, и она уже начала прикидывать, какие интересные варианты вырисовываются.

— А с венерическими болезнями у них как? — неожиданно заинтересовалась она.

— Не слышал, — честно признался Андрей.

— Европейцы до Колумба тоже не слышали...

¹ Если кто не помнит — пренебрежительное произношение официального наименования Советской России — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика.

Кто-то засмеялся, сообразив, о чем речь, кое-кто из дам «тонкого воспитания», вроде Натальи и Анны, поджал губы.

Да тут еще Фест сострил:

— А также можно наладить массированную переброску хорошо подготовленной агентуры в целях последующей организации у дуггуров пролетарской или какой-нибудь другой революции.

Посмеялись, однако у многих отложилась не такая уж абсурдная идея специалиста по «стратегии не прямых действий».

— Видите, как нас на частности заносит, — сказал Новиков. — Так мы и до утра буксовать будем. Давайте я совсем вкратце подытожу, а потом каждый отчет напишет по своей теме и почитают все. Можно даже в виде монографии «Для служебного пользования» издать.

Вот, например, — интересная деталь. Не ошиблись мы с самого начала, правильно сообразили, что не зря у них и автоматическое оружие есть, и боевые «медузы»... Воюют они, и довольно долго, не одно тысячелетие. Точно по законам «базовой теории феодализма». Все против всех. Барон против другого барона, аналоги наших герцогов создают большие, даже по нашим масштабам, коалиции. В тамошней Южной Америке имеется нечто вроде феодальной конфедерации...

— И ради чего они воюют? Есть какой-нибудь весомый повод? Что делают? — профессионально заинтересовался Берестин. — Если, по вашим же словам, цивилизация биологическая, с полузамкнутым циклом, никаких экономических предпосылок не просматривается. Борьба за какие-то

«невосполнимые ресурсы»? Или противоречия идеологические?

— Если в детали вникать — долго говорить придется. Александр тебя в индивидуальном порядке просветит. А вкратце — по большей мере от скуки. Что еще феодалу делать, как в гареме утешаться и воевать с себе подобными? Науками «мыслящие» занимаются, прикладным дизайном тоже они. Экономики в марксовом смысле нет, так что и на финансовом поприще себя не проявишь...

— Не совсем верно, — вставил Шульгин. — Есть у них серьезная причина воевать, только генштабистами у них тоже «мыслящие» числятся. Те «высочайшие», с кем ты в основном общался, во многие «мелочи» просто не вникают. И общепланетной прессы у них нет, информация распространяется по закрытым для большинства каналам. Не потому, что секретная — неинтересная большинству всего лишь. Какие в наше время в СССР тиражи журналов «Работница» и «Крестьянка» были и «Зарубежного военного обозрения»?¹ А я до документов добрался, какими их «вояки» обмениваются. Спасибо, Виктор помог по-быстрому машинный перевод наладить. Так судя по тому, что я узнал, — ожесточенность войн у них запредельная. Как между двумя муравейниками. Без намек на возможность мирных переговоров. Отсюда и тактика, что они против нас здесь применяли...

¹ Шульгин вспоминает «доперестроечные» времена, когда отсутствовал общедоступный «глянец» и «гламур» во всех видах, но издаваемые на газетной бумаге с черно-белыми иллюстрациями журналы для домохозяек с кулинарными рецептами и выкройками имели миллионные тиражи и подписаться на них можно было только «по благу» и «по лимиту».

— Но вот только настоящего военного искусства там нет, — негромко вставил Ростокин. — Ни стратегии, ни даже тактики в нашем понимании. Миллион инсектоидов на миллион, кто кого раньше порвет, тот и победил.

— А монстры и пулеметы?

— Это для других случаев: когда феодалы персональные разборки затевают, замки друг у друга отнять пытаются. В разумных, так сказать, пределах. А «мировые войны» — дело почти неконтролируемое. Представь себе грабительский набег через всю Евразию, Берингов перешеек и до Бразилии примерно? Пешком. Отправляется в него несколько миллионов инсектоидов, тысяча-другая монстров и столько же «мыслящих». Бывает, несколько «высочайших» присоединяется, но из самых отможенных, вроде Кортеса или Магеллана. Военно-морских флотов у них нет, «медузами» обходятся, да и тех не так много. Инкубационный период у них очень длинный, а «моторесурс» небольшой. Как у наших танков в начале войны. Они вообще больше для межреальностных перемещений приспособлены, чем для повседневных грузоперевозок. Не «Ан-2» и не «ГАЗ-51».

Затягивается такая операция на несколько лет. Потери в живой силе и технике — до девяноста процентов. Но им спешить некуда и «живую силу» беречь незачем. Они другими категориями мыслят. Те, кто вообще мыслит...

— Зато все при деле, — вспомнил избитое при словье Воронцов, слушавший все, относящееся к дуггурскому военному искусству, с большим интересом.

— Ну а цель-то какая? — продолжал недоумевать Берестин. — Из Европы пешком на Амазонку. Зачем?

— В Бразилии водятся обезьяны, подходящие для выведения монстров, а в Европе их нет. Монстры — они вроде мулов. При всех своих полезных качествах — не размножаются. Экспериментировали с медведями, но эффект не тот. То есть в итоге этой экспедиции «через три континента» можно добыть несколько сотен тестикул, а в них — миллиарды сперматозоидов. Лет на десять питомники материалом обеспечены... Потом по новой.

— А чего сразу живьем обезьян не привозят? Устроили бы питомники, да и все, — сказал Фест.

— Черт их знает. Есть какие-то тонкости. Не размножаются в неволе, допустим. Я не вникал, — пожал плечами Шульгин.

— Какая нам разница, на самом деле? — слегка капризным тоном сказала Сильвия. — Давайте не отвлекаться.

Судя по ее глазам и оживленному виду, встреча с пропавшими было друзьями и привезенная ими информация на аггрианку подействовали самым благотворным образом. Очевидно, она до последней крайности устала от событий последних лет в реальностях, оставшихся в ее распоряжении. Да и в самом деле — это как талантливой актрисе каждый вечер выходить на пыльную сцену провинциального театра, сотый раз произносить слова до невозможности заигранной пьесы.

Что в родной Британии ей было скучно, что в ситуациях, создаваемых то вольно, то невольно друзьями по «Братству», Игроками, Держателя-

ми. Кем там еще? Как угодно, а на второй сотне лет жизни эта самая жизнь начинает слегка приедаться, особенно если все время приходится возвращаться в образе тридцатилетней красавицы. Хоть бы старухой побыть для разнообразия, вроде как Фаина Раневская, например, чьи записки Сильвия недавно случайно прочитала, неожиданно получив большое удовольствие.

А теперь появлялась какая-то новая возможность: с пресловутыми дуггурами ей раньше близко сталкиваться не приходилось. Еще в самом начале своей координаторской деятельности она знакомилась с отрывочными сведениями об этой непонятной и неисследованной форме «параземной» жизни. Но никаких контактов с ними за все время ее работы не случилось: некие потусторонние силы надежно блокировали грань между мирами, само наличие которых считалось довольно гипотетическим. Дуггуры признавались за реально существующих, но за таковых принимали исключительно «мыслящих», даже не догадываясь о физическом и интеллектуальном полиморфизме существ, скопом именуемых общим названием. А в целом они так и остались для сотрудников уровня Сильвии чем-то вроде мифологических существ и разного рода «нечистой силы», зафиксированной исключительно в человеческом фольклоре.

Точно так же этот мир был закрыт и для Антона с его гораздо вариабельными возможностями. Зачем, кем и почему — оставалось только догадываться.

Нельзя же предположить, что непостижимое явление, называемое Замком, о них ничего не знало. Значит, тоже исполняло запрет, наложенный на

★ доведение информации, как в армии и спецслужбах в «сопроводилках» пишут: «Ознакомить в части, касающейся...» Ни ее, ни Антона, выходит, эта «часть» не касалась. А «Братству» данная информация была прямо-таки всучена. Насильно, считай...

И «потайной мир» был вскрыт, как до поры валавшаяся в дальнем углу кухонного шкафа консервная банка. Или — как средневековая Япония. Удивительно своевременно, когда партия Игроков на этой Земле была не то чтобы сыграна, а банальным образом скомкана. «Все стали шуметь, подсказывать друг другу, кто-то украл ладью и спрятал ее в карман...»

Одним словом, Игроки поняли, что ничего путного здесь больше ждать нечего, да вдобавок Шульгин с Удолиным отключили свою ячейку от всей Гиперсети. Вот кое-кто и отпер своим ключом запасной вход и распечатал свежую колоду. Не вышло в шахматы, попробуем в покер или вообще в штос.

Принуждают отвлечься от земных дел и поучаствовать в новой игре и исследовании предложенного их вниманию мира? Сильные ощущения, судя уже по самым первым впечатлениям «землепроходцев», почти наверняка гарантированы.

— Мы и не будем отвлекаться, — успокоил Сильвию Новиков. — Но все хорошо во благовремении. Твое от тебя не уйдет.

— Ничье ни от кого не уйдет, — с наигранной многозначительностью изрек Шульгин.

Аггрианка, соглашаясь, кивнула, прикидывая, какой личный интерес она может извлечь из уже услышанного и того, что услышать только предсто-

ит. Она ведь все же прирожденный координатор высокого класса, а не салонная дамочка, пусть и затеявшая интригу «с» и «вокруг» наследника британской королевской короны. Да и намеки на нечеловеческие мужские способности «высочайших» ее заинтересовали. Вдруг это на самом деле интересно? Надо будет расспросить познавшую все это «резмигрантку» Надежду. Даяна с ней сегодня за чем-то работала. Можно и у той спросить, издали ли так, с намеком на возможность продолжить там прерванную здесь миссию.

Потом еще не меньше часа говорили об иных, не менее экзотичных подробностях «потусторонней» жизни. Посетовали, что Удолин не вовремя оттуда выскочил. Сам упустил много интересного, и помощь бы его пригодилась.

— Кстати, где он сейчас? — спросил Андрей, имевший к некроманту ряд непроясненных в свое время вопросов.

— Да с командой своей где-то в библейских местах шарятся. У них и кроме наших забот собственных интересов хватает. Или на Валгалле свои симпозионы¹ устраивают...

— Ладно, потребуется — пригласим. Для них работенка тоже есть. По профилю...

— Опять кого-то препарировать? — спросила Ирина.

¹ В Древней Греции собрание тогдашних интеллектуалов для философских бесед, дискуссий, обсуждения политических проблем, сопровождавшееся пиршеством, обильными возлияниями, приглашением гетер, мимов и т.п. См., например, диалог Платона «Пир».

— В том числе, — неопределенно ответил Андрей и предложил сегодняшнее заседание на этом свернуть. Докладчик утомился, слушателям нужно время на обдумывание полученных сведений и формулирование осмысленных вопросов и предложений. Посему до ужина все свободны.

— Впрочем, — добавил Андрей, чтобы не повторить вчерашней ошибки, — мои слова касаются только тех, кто действительно свободен. Прочие же пусть продолжают занятия «регламентом предусмотренные». Это относилось к Даяниным питомцам и в какой-то мере — офицерам.

Несмотря на абсолютную надежность корабельных андроидов, Ненадо считал своим долгом поддержание среди вверенного ему личного состава (где многие бойцы были в одном с ним звании и даже выше) надлежащей воинской дисциплины и полной боеготовности. Поэтому дневальство в местах расположения личного состава и техники сохранялось в точном согласии с требованиями Устава гарнизонной и караульной службы.

Андрей сказал Шульгину, что неплохо бы промочить горло, уставшее от подзабытой уже специфической работы (лекции читать — это не то что за рюмкой анекдоты рассказывать), приличным пивом, которым всегда славился небольшой паб на прогулочной палубе. И попутно вспомнил одного весьма остроумного, любимого студентами за парадоксальность мышления и неожиданность поступков доцента. То были благословенные времена середины шестидесятых, узкий зазор между сталинизмом и так называемым «застоем», когда «надле-

жащие инстанции», сами изрядно устав от церберских функций, перестали считать юмор «подрывом устоев», а всякие невинные шуточки возводить в разряд «идеологических диверсий».

Михаил Валерьевич, читавший «историю буржуазных политических учений», всегда требовал, чтобы на кафедру перед началом лекций, послушать которые сбегалась половина Университета, даже с физмата, ставили стакан холодного несладкого чая. Но обязательно хорошего и крепко заваренного.

Однажды кто-то предложил схохмить и вместо чая поставить полный стакан недорогого тогда грузинского коньяка. Что и было сделано.

Доцент на десятой примерно минуте сделал маленький глоток, ни на йоту не изменился в лице и продолжил лекцию. С последними ее словами окончательно опустошил стакан, аккуратно поставил его на край кафедры и, уже выходя из аудитории, негромко, но так, что слышали все, бросил — «есть же на курсе светлые головы».

Эту историю Андрей вспомнил к тому, что прочитанная сейчас лекция требовала для смягчения горла тоже отнюдь не холодного чая.

Паб, куда они зашли, был скопирован, как и почти все на этом сказочном пароходе, с реально существующего в Лондоне лет триста подряд в одном и том же помещении. Когда-то, еще в годы совместной морской службы, Воронцов с Левашовым в нем побывали, и эта, по-нашему выражаясь, «пивная» их очаровала. Тогда же пришла в голову мысль: «А вот если бы в России тоже так — и трактир какого-нибудь Сойкина или Сайкина функционировал в том же подвальчике на углу Сретенки

и Рождественского бульвара с дней царя Иоанна Грозного? Чтобы все знали, что на этих именно стульях и за этими столами сживали последовательно опричники, бойцы-ополченцы Минина и Пожарского, возвращавшиеся из дальних странствий землепроходцы Семена Дежнева и так далее, вплоть до студентов-шестидесятников сначала девятнадцатого, а потом и двадцатого века¹.

Ну и они сами посещали бы регулярно этот кабачок с древней почерневшей вывеской, и не было бы повода скрепя сердце признавать умение англичан создавать и бережно сохранять особую рафинированность своего «образа жизни». Какой ценой и за чей счет — в данном случае не так уж важно.

Но какая-то закономерность, а возможно, и высший смысл есть и в том, что на Руси подобное невозможно, даже в самом захолустном городке с тысячелетней историей, где никогда не было ни татаро-монгольского нашествия, ни войн, ни революций.

Когда занимались постройкой и оборудованием «Валгаллы», кто-то из них вспомнил про это местечко и решил воспроизвести. Пусть будет, для настроения. Чтобы все выглядело совсем уж достоверно, часть корабельного коридора была оформлена в виде отрезка узкой улицы, вымощенной брусчаткой, с соответствующими фасадами, окнами

¹ По странной иронии судьбы 60-е годы XIX и XX веков в России поразительно похожи — и проводимыми реформами, и общественными настроениями, особенно среди молодежи, и «незавершенностью» с неожиданным откатом к принципам «предыдущего царствования», совершенным людьми вроде бы «нового поколения».

и вывесками, и даже освещение было подобрано так, чтобы создавать иллюзию сумрачного и туманного осеннего денька. Только что дождевая морось, смешанная с копотью каминных дымов, с подволока не сыпалась.

На пароходе имелось достаточное количество такого рода стилизаций, на любой вкус, благо на девяти жилых палубах с четырьмя километрами продольных и поперечных коридоров места хватало на все. А Замку ничего не стоило встроить в то, что крайне условно можно было назвать «бортовым компьютером» «Валгаллы», еще и эту функцию. Станислав Лем в «Сумме технологий» назвал ее «фантоматикой».

Бармена здесь не имелось (а ничего бы не стоило поставить за стойку соответствующе одетого и настроенного андроида), поэтому пиво из бочек с бронзовыми кранами наливали в квартовые кружки сами. Кому какое нравилось. Выбор здесь был богатый, и пополнялись запасы через последнюю из открытых реальностей, тысяча восьмьсот девяносто девятого года, вполне себе оформившуюся в самостоятельную после переигранной англо-бурской войны и включения в нее Сильвии с Берестиным.

На рубеже двадцатого века никаких трансгенных продуктов не использовалось, как и консервантов, и «добавок, идентичных натуральным», оттого пиво там отличалось отменным вкусом, ароматом и крепостью.

В пабе вместе с Новиковым и Шульгиным оказались Воронцов, Берестин, Левашов, Фест и неожиданно — Кирсанов. Остальные каким-то непо-

нятным образом затерялись в массе расходящихся из зала слушателей. Женщины — понятно, они по пивным не ходят, а вот мужчины... Или не слышали предложения, или нашлись неотложные дела, как у Скуратова, например, сильно взволнованного произошедшими с Надеждой после «консультации» у Даяны изменениями. Надо же — за столько лет холостой жизни, при своем нобелевском статусе не сумевший найти себе подругу из числа хотя бы и аспиранток с доцентшами, вдруг увлекся... У Новикова даже не нашлось сразу подходящего слова, как бы эту «резмигрантшу» поточнее обозначить. Но, как известно, в жизни всякое бывает, и что-то недоступное Андрею академик в даме рассмотрел.

А сюда, выходит, пришли, предварительно не сговариваясь, только «отцы-основатели», Вадим-первый, ученик Шульгина и, если можно так выразиться — «кандидат в "кандидаты в Держатели"». Такие на него Александр возлагал надежды, и не совсем безосновательно. А вот «товарищ жандарм»...

Впрочем, Павел имел врожденное, очевидно, свойство оказываться там, где его присутствие необходимо, и исчезать бесследно, если «обстановка не требовала».

Новиков мельком отметил этот неоднократно подтверждавшийся практикой факт и принялся раскуривать сигару.

— Ну что, братцы, теперь, может, вы нас в курс введете, что тут в наше отсутствие творилось? Старые газеты и хроники мы, само собой, посмотрим, то, что внимания заслуживает, а в общем?

Шульгин перевел взгляд с Воронцова на Феста и обратно. Они же здесь оставались «смотрящими». Каждый в своей сфере деятельности и внимания.

Говорить пришлось все же Фесту. Адмирал умело, как освоил это искусство с юных, пожалуй, еще докурсантских лет, сумел объяснить окружающим, что «наш юный друг» справится с заданием гораздо лучше. Никто и не собирался ему возражать, но Дмитрий тем не менее счел нужным привести несколько неубиваемых доводов, в чем будет заключаться польза для всех присутствующих от такого именно распределения ролей. Это, разумеется, тоже было элементом общих игр, по которым Воронцов откровенно соскучился, но исполнено в лучших традициях, даже Шульгин завистливо прищелкнул языком.

Вадиму порученная «старшим товарищем» задача трудной не казалась. Он в отличие от Секонда в академиях не обучался, но докладывать коротко, точно и исключительно по делу, не отвлекаясь на несущественные подробности, умел. Да и показаться перед учителями и наставниками в выгодном свете никогда не вредно. Это Дмитрию Сергеевичу лишний авторитет ни к чему, и старого хватает, а ему отчего же не отличиться в очередной раз. Тем более — столько не виделись! Если Александр Иванович с Новиковым сами по себе не слишком изменились, то Фест за два года — весьма значительно. Его взгляды на них — тоже. И не в самоуверенности и зазнайстве здесь дело.

— Только разрешите сначала один вопрос перед тем, как начну про «дела наши скорбные» рассказывать, — чуть усмехнулся Вадим, вспомнив

★ момент из фильма, который «старшие товарищи» успели посмотреть еще в «первой жизни»¹.

— Ну давай, — кивнул Шульгин.

— Какой, по большому счету, смысл во всех ваших «открытиях и исследованиях»? Ну, что угрозу дальнейших вторжений устранили — это ясно. А научная часть? Вы ж ничего такого нигде опубликовать не сможете. Разве что в виде очередного фантастического романа.

Новиков с Шульгиным переглянулись.

— Прагматиком ты, однако, успел стать. Не сказать, что это сильно здорово. Мы вон насколько дольше тебя прожили, а так романтиками и остались. Нам просто интересно жить, ну и познавать эту жизнь во всех ее проявлениях, — вместо Шульгина ответил Новиков, а Воронцов согласно кивнул.

— Если б я в ваше время рос, может, тоже романтиком сейчас числился бы. Но — увы... — видно было, что Вадим рассчитывал получить какой-то другой ответ.

Ну, раз хотел — пожалуйста. Новиков сделал глоток из тяжелой кружки, после чего сказал:

— Знаешь, мне отчего-то кажется, что совсем скоро и опубликовать наши открытия можно будет, и еще много интересных явлений в мире произойдет. Вы ж тут без нас тоже время не теряли?

— Очередное прозрение?

— Скорее — настроение. Так мы тебя слушаем.

Свой доклад-отчет Вадим постарался уложить строго в академический час, для чего пришлось исключить все живые, нередко весьма экзотиче-

¹ К/ф «Место встречи изменить нельзя», 1979 г.

ские подробности, оставив только выскобленный до снежной белизны скелет истории¹.

— Вот, значит, оно как, — со сложной интонацией произнес Новиков, ни разу не перебивший Ляхова.

— Да уж, потрудились ребята славно, — не то осуждающе, не то одобрительно согласился Шульгин, обращаясь к Воронцову. — Что значит здоровая, не сдерживаемая ничем инициатива. А твоя роль и прочих остававшихся здесь товарищей никак не преуменьшена? Не слишком ли много ответственности «братья Ляховы» с сочувствующими им лицами на себя взяли, пользуясь вашей снисходительностью, сопряженной с невзиранием?

Цитата из Салтыкова-Щедрина пришлась очень к месту, хоть и перефразировал ее Сашка применительно к текущему моменту².

— Ни в коем случае не преуменьшена, — широко улыбнулся Воронцов. — Все так и было. Надо же когда-нибудь позволить молодежи проявить заложенный в нее потенциал? Мне помнится, кое-кто из присутствующих в звании старшего лейтенанта запаса взялся округом, а потом и фронтом командовать. И вроде ничего — получилось. Так бы и в «Маршала Победы» выбился, если б не помешали. А тут все-таки два настоящим образом выслужившихся полковника, с академическим

¹ Полностью историю, рассказанную Фестом, можно узнать, прочитав подцикл «Мальтийский крест». Здесь ее пересказывать не имеет смысла.

² В оригинальном тексте приводятся два типа отношения старших начальников к подчиненным: «Снисходительность, но без попущения» и «Строгость, сопряженная с невзиранием».

образованием, знанием нынешней геополитики и несравнимым с вашим тех времен жизненным опытом. Так что, я считаю, свобода действий им была предоставлена вполне правомерно, и распорядились они ею достаточно разумно. Мировая термоядерная война ведь еще не началась? А остальное поправимо.

Воронцов говорил вроде и серьезно, однако кое-какая издевка в его тоне чувствовалась, для понимающего человека, по крайней мере. А тут все были понимающие.

— Да мы разве что-нибудь говорим? — в ответ улыбнулся Новиков. Сначала — Воронцову, потом, уже несколько покровительственно — Фесту. — Нормально все, сообразно обстоятельствам. Просто снова слегка странно. Казалось бы — всего ничего мы отсутствовали, а тут такие дела у вас случились... Рипом ван Винклем все же себя чувствуешь. Да оно, пожалуй, и к лучшему. Сколько узелков буд-то сами собой развязались. Осталось с вашим «Крестом» разобраться, а там и на покой можно. Как там говаривал Кандид у Вольтера, переживший миллион приключений и растраниживший миллионы пиастров: «Надо возделывать свой садик»?

— Примерно так, — подтвердил Фест, за компанию с Секондом постоянно расширявший и углублявший свое классическое образование, весьма довольный тем, что санкции и репрессии, в чем бы они ни выражались, ему в ближайшее время не грозят.

— «Так» в смысле что у Вольтера написано или что нам действительно на покой пора? — тут же отреагировал Шульгин.

— Исключительно в смысле точности цитаты. Вы, как всегда, на высоте. А что касается второго, то вы наверняка и слова Блока помните?

— Еще б не помнить. «И вечный бой! Покой нам только снится сквозь кровь и пыль... Летит, летит степная кобылица и мнет ковыль...»¹ Это?

— Не спеши льстить себе, Александр Иванович, — вдруг тихо сказал промолчавший все это время Кирсанов. — Молодой человек мог иметь в виду и другую цитату: «Уж не мечтать о подвигах и славе, Все миновалось, молодость прошла...»

«Нет, жандарм он и есть жандарм, хоть и с полным классическим образованием, — подумал Фест. — Сразу по трем целям стреляет. И меня подставляет деликатненько, и Шульгину шпилька, да вдобавок демонстрирует, как здорово поэзию Серебряного века знает. Навскидку! Не только, мол, за врагами Отечества присматривал, но и культурный уровень постоянно повышал. Ну и язва...»

— А разве не прошла? — внезапно согласился с полковником Новиков. — И у нас, и у тебя, по всему чувствуется. Остается утешаться одним: «Пей, много будет бед, пока твой век не прожит. Стечение планет не раз людей встревожит. Когда умрем, наш прах пойдет на кирпичи, и кто-нибудь себе из них хоромы сложит».

— У меня такое ощущение, что наговорились мы сегодня по самое некуда. Пора бы и закончить. Что-нибудь из невинных развлечений приду-

¹ Обычно декламаторы читают это стихотворение так, что у них сквозь «кровь и пыль» летит кобылица. Судя по авторским знакам препинания — это не верно.

мать. Пулечку, например, расписать? — предложил Шульгин.

— Две по трое? — спросил Левашов. — Кто с кем?

— Да нет, я, пожалуй, пойду, — сказал Кирсанов, вставая. — У меня тоже есть свои развлечения...

— И я тоже. — Воронцов развел руками. — Длительное оставление несения вахтенной службы без надзора несовместимо с капитанской должностью. — Схожу на мостик, потом посмотрю, не скачуют ли пассажиры...

Из четверых оставшихся трое одновременно вспомнили последнюю, пожалуй, спокойную игру в их жизни, летом восемьдесят четвертого¹.

— Раков только не хватает, — с печалью сказал Левашов.

— Зато уж тут гарантированно никто не помешает, — ответил Шульгин.

В баре в специальном шкафчике имелись разные настольные игры, в которые могли бы захотеть сыграть посетители, запечатанные колоды карт в том числе.

— Давай, молодой, — протянул Шульгин колоду Фесту. — Сдавай до туза...² И больше ни слова о делах.

¹ См. роман «Гамбит бубновой дамы».

² В преферансе для определения первого сдающего сначала раздают карты по одной. Кому первому выпадет туз, тот и сдающий. Это дает серьезное преимущество в начале партии, так как он играет «на последней руке», если втроем, или получает другие полезные преференции, если вчетвером.

 еперь стоило бы обсудить реально сложившуюся обстановку антр ну¹, как выражались герои А. Дюма, — сказал на следующий день ближе к двенадцатой, полуденной склянке Шульгин, взобравшись по трапу в «рабочую» капитанскую каюту Воронцова, непосредственно сообщающуюся с ходовой рубкой парохода. Каюта была невелика, всего из двух отсеков — спального, размерами чуть больше вагонного купе, и рабочего салона, с письменным столом, терминалом компьютера, репетирами всех основных навигационных приборов и селекторной связью со всеми боевыми постами «Валгаллы». Здесь Дмитрий мог отдохнуть, не опасаясь, что кто-нибудь, да хоть бы и жена, помешает, одновременно контролируя обстановку на судне, несение службы штурманами и всей вахтой. Случись что — десять ступенек по трапу, и он уже на мостике.

Кроме того, каюта была полностью изолирована от избыточной моментами (все ж таки самое начало XX века и царство стиля модерн) роскоши парохода, напоминая, что «Валгалла», кроме всего, еще

¹ Между нами, только между своими (франц.).

и боевой корабль, вооруженный посильнее, чем линейный крейсер Первой мировой войны.

Она напоминала ему о прежней службе, когда его вдруг, сразу после получения четвертой звездочки, кинули на Дальний Восток. Обстановка там тогда была сложная, и начальство убило двух зайцев, избавившись от строптивного офицера в штабе Балтфлота и усилив «восточные рубежи Родины» перспективным командиром. Дали ему тогда сторожевик «сто пятьдесят девятого проекта» водоизмещением в восемьсот тонн и с экипажем семьдесят человек.

Многие на флоте тянут лямку все двадцать пять лет, так и не удостоившись гордого звания «командира». А тут в двадцать шесть лет и свой корабль, и перспектива досрочного получения двухпросветных погон. И ко всему этому — первая в жизни настоящая, собственная каюта, любовно отделанная и украшенная предыдущими владельцами с помощью умельцев на все руки, которых отчего-то среди матросов и солдат обнаруживается во много раз больше, чем «на гражданке».

Кое в чем Дмитрий воспроизвел здесь элементы того флотского декора.

Вслед за Сашкой в каюту протиснулись Новиков с Фестом. Не то чтобы на огромном пароходе негде было больше уединиться для частного разговора. Там, где по проекту размещалось больше пяти тысяч человек, даже ныне присутствующие полторы-две сотни терялись почти бесследно, и можно было долго бродить по коридорам, салонам и палубам, поражаясь пугающей пустоте мно-

гочисленных помещений пассажирского и служебного назначения.

Просто по старой, с детских лет еще привычке всякие уединенные места, куда даже случайно, а тем более — намеренно не могут проникнуть посторонние лица, казались самыми подходящими для всякого рода конфиденций. Такая уж черта характера, не зависящая от возраста и не имеющая отношения к паранойе. Просто пацаны во все времена любили устраивать себе тайные пристанища то на чердаках, то в ветвях старых могучих деревьев, наподобие героев «Детей капитана Гранта» или «Приключений бура в Южной Африке», а то и в лабиринтах послевоенных бомбо- и газоубежищ, поддерживаемых в относительном порядке, но месяцами не посещаемых представителями «Гражданской обороны», за которыми эти привлекательные сооружения числились.

Ну и вид отсюда открывался получше, чем из любой пассажирской каюты или с палубы, — все же на пятнадцать метров выше самой верхней точки «Солнечной палубы» и с обзором на все тридцать два румба.

Хорошо! Темная до черноты синева океана, коегде украшенная белыми гребешками волн, и столь же безграничное густо-голубое небо, тоже с белыми барашками, но уже облаков. Прямо тебе — «благорастворение воздухóв», нечто такое, на суше практически не встречаемое, разве лишь где-нибудь на вершинах Кавказских гор, где отсутствие моря компенсируется бездонными пропастями и ущельями, при взгляде в которые тоже захватывает дух.

— Пиво, кофе, чай? — предложил Воронцов гостям, расположившимся вокруг откидного столика под лобовым панорамным окном, откуда видно было миль на двадцать, если не больше.

— Я бы пива, если не баночное, — сказал Шульгин, остальные предпочли «чай по-адмиральски».

— Конкретнее пояснить можешь, что сейчас понимаешь под «сложившейся обстановкой»? — спросил заваривавший положенный ему по чину чай адмирал, когда друзья, разложив на столе курительные принадлежности, задымили трубками. Более практичного и универсального приспособления, чем хорошая трубка, для использования на морях не существует. Пожароопасность намного меньше, чем от сигарет и папирос, и курить можно в любую погоду, «и в дождь, и в ветер». Опять же возможность составлять смеси из разных сортов табака, по вкусу и настроению.

— Есть необходимость уточнять? — удивился Сашка. Они с Новиковым уже ночью, после удачно для них закончившейся партии, больше трех часов обсуждали обстоятельства, в которых оказалось «Братство», да и весь мир за время их отсутствия. И кое-что придумали. — Ну, извольте, ваше превосходительство. Берем, так сказать, текущий момент. Никто в принципе не настаивает — можно оставить все как есть, и на нашей условной ГИПе¹,

¹ ГИП — Главная историческая последовательность, по одной из существующих теорий — основная реальность «нашего» сектора Гиперсети, от которой ответвляются и с которой в большинстве случаев вновь сливаются по мере исчерпания потенциала саморазвития «альтернативные реальности». Ее также можно уподобить осевому проводу коаксиального кабеля. Или чему угодно другому, по методике К. Пруткина.

и на соседней параллели. Но нам просто интересно — вы так прямо и считаете, что идеально все придумали и с «Мальтийским крестом», и с нашей «демократической Россией»? А вдобавок вдруг еще затеяли параллельную игру с президентом Ойямой и господином Сарториусом? Не сложновато ли выходит? Многомерные шахматы... Пешка выходит в пространство слонов. К тебе вопросов нет, — качнул он головой в сторону Феста, — меня точка зрения Дмитрия Сергеевича волнует...

Новиков в это время старался не смотреть ни на Феста, ни на Воронцова, больше на свою трубку. Он рассматривал ее с большим интересом, словно пытался найти в ней случившиеся за два года изменения. Не трогал ли кто драгоценный «Петерсен» в его отсутствие, не повредил ли слой тщательно создаваемого «научным обкуриванием» нагара.

— А маэстро считает иначе? — осведомился Воронцов. — Заглянул проездом с карлсбадского турнира и наметанным взглядом оценил позицию на всех двадцати досках? — в голосе Дмитрия слышалась не только ирония, но и вполне живой интерес.

Фест пока предпочитал только слушать. Раз Александр Иванович затеял этот разговор, значит, уже придумал что-то. Почти двое суток имел для размышлений и анализа партии, а мыслил «шеф и учитель» на удивление быстро. Вадим со времен своего ученичества запомнил продемонстрированную Шульгиным шахматную партию, так называемую «бессмертную», разыгранную между Андерсе-

ном и Кизерицким аж в 1851 году¹. Тогда Андерсен пожертвовал ферзя и две лады и тем не менее выиграл.

— Вот примерно в этом стиле и следует стараться работать. Может, выйдет и не всегда, но тем не менее... — поучительно сказал Шульгин, сгребая фигуры с доски. — А то многие мнят себя Игроками, видя стол со стороны, — добавил Александр Иванович назидательно, но явно обращаясь не к Ляхову а, скорее всего, к самому себе.

— Я пока никак не считаю. Я именно оцениваю расклад и пытаюсь сообразить, каков у нас прикуп, — перескочив с шахматных ассоциаций, возникших у Воронцова и Феста, на преферансные, ответил Шульгин. — Шикарная и победоносная война с Англией, безусловно, выгодна царю Олегу, да и много кому еще. Тебе, например, — снова повернулся он к Фесту, — наверняка хочется заработать генерал-адъютантские погоны и какой-нибудь солидный крест на шею, вроде как у нас за Крым и все остальное². А от здешнего Президента «Героя России» за победу во «второй холодной войне»?

Фест дернул щекой. Не то чтобы он исключительно к этому и стремился, но в виду имел такую возможность. Приличный официальный статус в «объединенной России» был бы отнюдь не лишним. «Остепениться да и жениться».

¹ На Первом международном турнире в Лондоне Андерсена называли «гением шахматной комбинации». Жаль, что он умер в 1879 г. и не смог посоперничать с такими титанами, как Ласкер, Капабланка, Алегин. Известна еще одна партия, когда Андерсен пожертвовал ферзя и двух слонов, тоже выиграв.

² О тех событиях см. романы «Разведка боем» и «Вихри Валгаллы».

— Предположим, не только в одних наградах дело. — ответил он. — И я, кажется, нигде не нарушал никаких предварительных условий? По крайней мере, отправляясь в экспедицию, вы позволили нам «действовать по обстановке». Да и с Дмитрием Сергеевичем в сомнительных случаях я обязательно советовался.

— Да кто ж тебя винит? Грамотно действовал, в пределах предложенных обстоятельств. А они вроде как сами сложились. Тем более — Дмитрий Сергеевич одобрил...

— Вообще нельзя так вопрос ставить — лучше, хуже, — вставил Новиков. — Своя голова на месте и планета пока цела — уже хорошо. А если мы начнем каждый ход разбирать, тогда, конечно... «Знал бы прикуп, жил бы в Сочи». Речь сейчас о том, что, начиная с сего момента, следует делать? У нас с Александром на свежую голову впечатление сложилось, что столько шнурков в клубок спуталось... За какой ни потяни, узлы еще туже затягиваются. Ты уж прости за очередное сравнение, но Алехиных среди нас нет. А вот Бендеры, что взялись сеанс одновременной игры давать, просматриваются. Большой проницательности не надо, чтобы это сообразить. Мы, Дима, сам понимаешь, за два дня ничего толком не поняли и понять не могли, но... Хрен с ними, с шахматами, но ты же человек военный. Знаешь, чем обычно заканчивается наступление по расходящимся направлениям. Хоть Польскую кампанию Тухачевского возьми, хоть немецкую летнюю кампанию сорок второго года.

Воронцов подумал, что Шульгин пока не знает про еще одну операцию, что он решил затеять

вдвоем с Лихаревым. Она как раз и должна была несколько ослабить «стратегическое напряжение», которое несомненно имело место. Тут Воронцов ничуть не хуже оценивал сложившееся положение, чем Новиков. Однако выхода практически не было. Ни одно из затеянных дел бросать на полпути нельзя, это наверняка грозит катастрофой. А пока — просто достаточно запутанная партия...

Новиков словно представил себе ход мыслей Воронцова и ответил на них:

— Деваться-то по-любому некуда, «ле вин э тире, иль фо ле буар»¹. Вопрос в другом — вашу игру продолжать или резко ломать сценарий? Нам, например, пока совсем непонятна перспектива розыгрыша Сарториуса...²

— Ну вот, начинается деловой разговор, — удовлетворенно кивнул Воронцов. — Честно говоря, мне тоже роль этого персонажа не вполне ясна в общем раскладе. И как с ним быть? Устранять с доски или, наоборот, разыгрывать по полной? На роль «двойника» он в целом подходит. И на тот и на другой вариант есть резоны.

— А знаешь что, — вдруг предложил Новиков, словно эта мысль только что пришла ему в голову, — давай-ка мы из одной игры сделаем три, а то и четыре. Вроде как Крымскую войну воспроизведем, что сразу на шести не связанных друг с другом ТВД протекала. Тогда и наши потери выигрышами на других фронтах компенсируются, и противнику (если он один и тот же) труднее сообразить,

¹ Вино откупорено, надо его пить (франц.).

² См. роман «Величья нашего зря», т. 2.

что на самом деле происходит. А ты и дальше води свою с Фестом партию. «Крест» там, интригу с нашим президентом продолжайте. Нам, с одной стороны, трудно так сразу включиться, мозги не на то настроены, и слишком много деталей мы просто не знаем...

— Хуже того — не чувствуем, — вставил Шульгин. — Два года есть два года. Сколько всего в обеих реальностях произошло! Мне даже страшно представить, насколько мы отстали! Побольше, наверное, чем Эдмон Дантес за время своей отсидки. Если всего одну приличную газету подряд, день за днем просмотреть, чтоб общее представление составить, это ж под тысячу печатных листов выйдет — двадцать толстых книжек...

Здесь Шульгин не кривил душой. Они ведь с Новиковым, честно говоря, и раньше реальной жизнью как раз на ГИП интересовались очень мало. Все время витали в эмпиреях, как раньше говорилось. Появлялись на короткое время с какой-то утилитарной целью и снова уходили в те или другие параллели.

А тут вдруг возникла коллизия, когда нужно принимать решения в так сказать подлинной жизни, не вымышленной и не сконструированной «под себя». Ничего по-настоящему про эту жизнь не зная. Ни о том, что происходило внутри страны за прошедшее время, ни как выстраивались международные отношения, со всеми их нюансами. Что тут подскажешь и посоветуешь тому же Фесту, и тем более — Воронцову? Будешь почти ежеминутно садиться в лужу, да и все.

Поэтому Дмитрий все время и сохранял на лице не самую ироническую улыбку, а как бы немедленную готовность к ней. Пока Шульгин с Новиковым делали вид, что они по-прежнему удерживают в «Братстве» лидерские позиции. Нет, по сути дела, так оно и есть, если иметь в виду нормальные и паранормальные способности «кандидатов в Держатели», «ходовиков в Астрал» и тому подобное. А в этой конкретной партии...

— Так что, пожалуй, мы тут слегка увлеклись, — самокритично продолжил Шульгин, — не с той стороны к снаряду подошли. В стратегическом, так сказать, плане можем порассуждать об «Очередных задачах Советской власти» и так далее. Как жизнь в объединенной России строить, как с нашими представлениями цели и возможности господина Сарториуса увязываются. Вместе с Антоном подумаем, как Замок на пользу трудовому народу использовать. Все это мы вполне можем. А именно эту партию доигрывать — это уж как вы с Вадимом затеяли, так и давайте...

— А также все, что потребуется впредь! — негромко, как бы в сторону, сказал Фест.

— Что? Ну да, конечно. И предыдущие 16 пунктов заполни и представь на ознакомление¹, — усмехнулся Новиков.

Обстановка вдруг словно сама собой разрядилась. До этого каждый испытывал крайне неприятное чувство вроде того, что возникает при необходимости напомнить сослуживцу о давно

¹ См. И. Ильф и Е. Петров. «Золотой теленок», гл. 19. «Универсальный штемпель».

одолженной и до сих пор невозвращенной сумме. Не слишком большой, но и не столь маленькой, чтобы о ней безболезненно забыть. И причины для дискомфорта у каждого были свои, хоть и вызванные одной и той же причиной.

— Давай, Дим, плесни по чарочке «Бакарди» своего, или что там у тебя, — предложил Шульгин. — Пиво мне совсем сегодня не идет. Как-то у нас так получилось... Все принято ерничать, в дело и не в дело поминать картину Репина. А если без смеха, в оригинальном виде — «Не ждали» довольно-таки жизненный сюжет. Человек вернулся с каторги или просто из длительной отлучки, и никто в кадре не понимает, как на его появление реагировать. Главное, радости там ни у кого на лицах не чувствуется...

— У меня такое мнение, что ни с какой не с каторги, а просто папаша бросил семью, пошлялся бог знает где, пропился-проигрался в прах и надумал вернуться. Глядишь, примут Христа ради... — решил окончательно увести разговор в сторону от неудобной темы Андрей.

— Вполне убедительная версия. Вроде как у Солоухина в «Письмах из Русского музея», где он другие широко известные полотна перетолковывал, — согласился Воронцов. — Надеюсь, не себя вы имеете в виду. А то бог знает каких вы там в своей экспедиции идей нахватались. Не зря в прежние времена лицам, побывавшим за границей, особое внимание уделялось. У меня, кстати, по этому поводу одно соображение есть...

— Всего одно? — удивился Сашка.

— Пока одно. У ваших новых приятелей партию специально обученных инсектоидов прикупить или на что-нибудь сменять можно?

— Думаю — без проблем, — ответил Новиков. — А тебе зачем?

— В психологических целях. В нужный момент в нужном месте выпустить. Хотя в Лондоне, хоть в Вашингтоне. А потом продемонстрировать, что только мы с ними успешно бороться можем...

— Ну, ты и садист...

— Не знаю, чем смерть от напалма или фосфорных бомб так уж хуже таковой в жвалах культурно выведенного насекомообразного. Покойнику все равно, а уцелевшие, глядишь, правильные выводы сделают, что людей вообще никаким способом убивать не стоит, если они тебя первые не трогают...

— Хорошо, это вопрос не первостепенный, и мы его еще обсудим, когда к плану практических действий перейдем. А сейчас хорошо бы с общей военно-политической доктриной определиться, — предложил Новиков. — Как будем решать — то ли одновременно на всех фронтах воевать, или последовательно, с сосредоточением всех сил на главном направлении?

— Последовательно никак не получится, — вполне категорично ответил Фест. — В Империи так или иначе само начнется, ни Олега мы удержать не сможем, ни бриттов. Даже если на их премьер-ра как следует надавим, другие командование на себя примут. Демократия демократией, а «уж если я чего решил, так выпью обязательно». Нельзя им без этой войны, раз уж решились и судьбы империй на карту поставили.

Отступать бритты не приучены, в двадцатом веке разве только на Галлиполи и в Дюнкерке. Ну, еще Сингапур без боя бросили. Однако же и ту и другую войны они в итоге выиграли, хоть и не совсем с теми итогами, что планировали. Зато и почти без потерь. Ну да, это у нас две, там только одну. Не суть важно. Нереализованная возможность в будущем все равно бросает тень в прошлое. Сейчас они хотят вернуть сразу все потерянное и там, и там. В своем обычном стиле. Бульдог — английское изобретение: — вцепиться мертвой хваткой и не отпускать, пока враг не испустит дух.

Но даже если мы **ОЧЕНЬ** постараемся и они сейчас отыграют назад, боюсь, что Олег все равно тем или иным способом их спровоцирует. Если не на главном направлении, то в каком-то другом месте. В Индии, в Афганистане, на Мальте, которая ему де-юре принадлежит как наследнику Павла Первого. И то, что банды Катранджи Россией направляются и снабжаются, — утаить не удастся...

— А чего утаивать? Будто альбионцы сильно скрывали, когда заварушки у нас на Кавказе или в Средней Азии организовывали... Больно деликатные мы тут все. А надо грубо и прямо, — пожал плечами Новиков.

— Я о том, что России ни война, ни повод к ней были тогда не нужны, нам и без нее забот хватало, оттого они свои интриги и не маскировали. А англичанам из Олеговой реальности хоть хиленький повод нужен обязательно. Демократия, туды ее мать! Иначе «избиратель» не поймет. То есть вой-

ны хотят обе стороны, но Император все же предпочитает, чтобы они ударили первыми. О будущих учебниках истории думает, — уточнил Фест.

— Нам возражать оснований нет. Нужно только, чтобы британский военный потенциал был разгромлен полностью, как у Испании в девятнадцатом веке, а для экономики план «континентальной блокады» давно готов. Так что, я считаю — ни Олега сдерживать, ни нам особенно в ту войну вмешиваться не надо. Секонд за взаимодействие с Берестиным в прежней роли главного военного советника императорской армии отвечает. Алексей и при штабе «ограниченного контингента» РФ в той же должности числится... Сам с собой взаимодействие налаживает, — добавил Воронцов.

— А что, в армии РФ своих генералов этого уровня не найдется? Захотят они чужаку подчиняться? — усомнился Шульгин.

— Командиры есть. Давно переправлены на ту сторону и отрабатывают взаимодействие с «братской армией». Вплоть до полкового звена. Выше — смысла нет. Мы же не собираемся «ограниченным контингентом» сухопутные стратегические операции проводить. ПВО, зенитная артиллерия, немного авиации и вертолетов — это все мы туда перекинули и на позиции выдвинули. Связисты, само собой, тоже отсюда, группа штабистов дивизионного уровня со своим полковником во главе. К ним приставлены представители оперотдела «пересветов». Для координации совместных действий и своевременного устранения недоразумений. А главным все же пусть Алексей Михайлович будет. Он

в курсе всего стратегического замысла, с Олегом давно лично знаком и с нашими отношения наладит, не чужой человек.

Впрочем, они не знают, что на самом деле советский старший лейтенант, сталинский командарм и врангелевский генерал ими руководит. Единый в трех лицах. Просто «товарищ с самого верха», генерал-полковник ГРУ, к примеру, армейским строевым командирам не известный. И не возникнет стандартных коллизий «обезлички», не придется никому в ответственные моменты выяснять, имеет ли право пехотинец или артиллерист в равном звании летчикам и морякам что-то указывать, да хоть и просто советовать. И наоборот, естественно. От такой «независимости» половина бед случилась и в Порт-Артуре, и при обороне Севастополя в Отечественную.

— Ну если все давно спланировано и проработано, чего ж еще и нам в эти дела лезть? — Шульгин с видимым облегчением пожал плечами и принялся выбивать золу из трубки. — Сущности умножать. Пусть работают, как наметили. Сил и средств у коалиции братских армий достаточно, а уж как государь Император ими распорядится... Ему жить. А нам куда интереснее будет к старой проблеме вернуться...

— Это какой же? — приподнял бровь Воронцов.

— Да мы ж так тогда в Москве и не разобрались, кем и как все было организовано. Кто дырки в пространстве времени делал, кто моего аспиранта Затевахина вербовал, каким образом на целый город мóрок навели, что десять миллионов, считай,

и не заметили, какие у них там дела творились¹. Очень много недоумений осталось, а даже с помощью Антона и Сильвии ничего выяснить не сумели. Абидно, панимаэшь!

Вот на эти темы с вашим господином Сарториусом и мистером Арчибальдом Арчибальдовичем побеседуем. Как раз по нам задачка. И, если вы, конечно, не возражаете, направление президента Ойямы и вашего агента Лютенса на себя возьмем. Линия Сарториуса как-то уж очень наглядно с проблемой нынешних США перекликается...

— Тут с вами никто не сравнится, — совершенно искренне воскликнул Фест, от всей души преклонявшийся перед дипломатическими и прочими способностями Александра Ивановича и Андрея Дмитриевича. Уж сколько они для него сделали и сколько уроков преподали — «ни пером описать, ни гонораром оплатить».

Вадим даже с некоторым садистским удовольствием представил, как Шульгин начнет окутывать Сарториуса в кокон своих силлогизмов, апорий и антиномий, как паук муху, чтобы потом предложить ему выбор из «прочих равных». Да нет, выбор, скорее, будет предлагать уже Новиков, умевший, мысленно поигрывая «мизерекордией»², ставить понятные пациенту точки в конце изящно выстроенного разговора. Видел такое Фест неод-

¹ См. роман «Хлопок одной ладонью».

² Мизерекордия — (от фр. — милосердие) — трехгранный (обычно) кинжал типа стилета для добивания поверженного рыцаря через щели и стыки в доспехах в том случае, если его не имело смысла по каким-то причинам брать в плен.

нократно и сам кое-чему научился у старших товарищей.

Но некая заноза в глубине ляховской натуры оставалась, беспокоила, ныла, и показалось ему, что сейчас, во время этого вроде бы откровенного, без скрываемых обеими сторонами «задних мыслей» разговора, выдернуть ее — самое время.

Он попутно удивился, как это у него вдруг мелькнула такая мыслишка — насчет «обеих сторон»? Словно бы ни с того ни с сего из подсознания всплыло ощущение, будто хоть в чем-то он и старшие товарищи могут оказаться «по разные стороны баррикады». Не происки ли это очередной Ловушки Сознания, решившей активизироваться именно сейчас. Значит, разговор нынешний действительно в чем-то судьбоносный, раз кто-то из Игроков или просто иммунная система Гиперсети начали реагировать.

«С Шульгиным и Новиковым об этом сейчас говорить не стоит, — подумал Вадим, — а вот Константина Васильевича проинформировать — в самый раз. Нужно будет сегодня же его разыскать».

Фест успокоился и спросил то, что давно хотел, но то ли стеснялся, то ли случая не было.

— Я, может, бестактность допускаю, но не дает мне покоя мысль — а зачем вам это все, Александр Иванович, Андрей Дмитриевич?

— Что? — не понял или только сделал вид Новиков.

— Да вообще все! Только что вернулись бог знает откуда и опять ввязываетесь. И реальность моя вам всем чужая, ваша в восемьдесят четвертом на самом деле закончилась. Не только социализм, про-

сто нормальная жизнь. Я же ваши записки читал, Андрей Дмитриевич, и разговаривали мы... О чем только не разговаривали. Вам что, на самом деле так уж важно нынешнего российского президента с американским помирить, или Англию на благо царя Олега на колени поставить?

— А ты? — спокойно спросил Шульгин. — Ты зачем? Когда я к тебе тогда, сразу после Перевала, подошел и предложил вместе с нами над «Защитой реальности» поработать, ты ведь не послал меня подальше, согласился почти сразу.¹ Хотя «Мастера и Маргариту» к тому времени читал, а то и перечитывал...

— Ну, я! Мои обстоятельства вы лучше меня знаете. Не понимаю даже, зачем спрашиваете...

Новиков, все время занимавшийся трубкой (очень полезная вещь для отвлечения внимания собеседника от своего лица), закончил ее набивать собственной многосоставной смесью, долго и тщательно прикуривал. Только когда клуб добытого из «Петерсена» дыма наконец достиг нужного размера и плотности, он сказал с ощутимой грустью в голосе:

— Да понимаешь, Вадим, показалось нам, что пришла пора долги отдавать...

— Какие долги, за что? И кому?

— За все. Задолжали мы Отечеству! Сбежали из него, как «колбасные эмигранты», когда, может быть, наши кое-какие способности очень бы пригодились. Глядишь, мыслеформу нужную в нужный момент создали, и — вуаля! Тогда ведь ничего еще не было решено!

¹ См. роман «Дырка для ордена».

— Или — убрали бы вас всех, и меня попутно, чтобы у серьезных людей не путались под ногами, — негромко, словно тоже размышляя вслух, сказал Воронцов. — Вас — когда Ирину спасать кинулись, меня — когда из Антонова Замка вышел.¹

— Если б убрали — и говорить не о чем бы было, — упрямо возразил Новиков. — Но живы же до сих пор? Значит, по-прежнему за свои поступки отвечаем. «Перестройку» в том виде, как она случилась, не допустить могли? Наверное. Дубликатор народу преподнести, чтобы, значит, ни продовольственной проблемы, ни дефицитов никаких, ни зависимости от Запада больше в России не было? Могли наверняка. И левашовский «совместитель» на благо народу использовать? Да элементарно...

— Я...

— Подожди, — остановил резким жестом Феста Шульгин. — Спросил, так слушай теперь. Мы, значит, в эмпиреи сбежали, развлекались, по мирам странствовали, всеми мыслимыми благами пользовались, а люди в это время... Ну, сам помнишь, как многим тяжело приходилось и как страна разваливалась, и тэ дэ и тэ пэ. А мы — ну будто бы «новые русские» в это время на Мальдивах отсиживались...

— Но вы же и на войне, и в Югосславии...

— Ага. Как Гусев в «Аэлите» — «Я пять (или сколько там?) республик учредил». Что от его «республик» толку, что от наших...

— Что-то тебя на самобичевание и разрывание рубашек потянуло, — скривил губы Воронцов.

¹ См. роман «ОПИ».

— Отнюдь. Понятно, что ни дубликатор, ни СПВ нынешнему человечеству в руки давать нельзя было. И дорогу на Валгаллу открывать. Тогда, в восемьдесят четвертом... И сегодня тем более нельзя. Однако... — вместо Шульгина ответил Новиков. — Есть у Твардовского такое стихотворение:

Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны.
В том, что они — кто старше, кто моложе —
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь.
Речь не о том, но все же, все же, все же...

— Дошло? Вот и хорошо. Мы вроде бы ни в чем не виноваты и старались все делать как лучше, но — где-то там... — Андрей махнул рукой в сторону от курса парохода. — А сейчас появилась возможность кое-что поправить здесь, — он пристукнул ладонью по столу. — Причем поправить настолько кардинально... Вот потому мы и ввязались. Возможно, на это и намекал «Белый» или «Черный» игрок, якобы прощаясь с нами. Ну, вот и попробуем...

Фест, услышавший явно больше того, чем хотел узнать, кивнул головой. Продолжать тему отчего-то совершенно не хотелось.

Воронцов пообещал сегодня же передать все имеющиеся материалы и по линии российско-американских отношений, и касающиеся Сарториуса с Арчибальдом. Начинать Шульгин с Новиковым решили именно с Сарториуса, поскольку он являл-

ся ключевой фигурой всей не дававшей им покоя несколько лет интриги, воспринимавшейся едва ли не как личное оскорбление. Это же только представить — им, всему «Братству», но прежде всего «отцам-основателям», самому Сашке, Новикову и Левашову, не удалось после всего, что они совершили, выяснить, казалось бы, пустяковую вещь — кто еще на Земле кроме могущественной «триады» — «Братства», аггров и форзейля в состоянии развлекаться межвременными и межпространственными переходами и пытаться перекраивать реальности по собственному благоусмотрению. Грешили на дуггуров, но дуггуры, хотя кое-что в этом смысле и умели, в данном конкретном случае оказались ни при чем, что и было выяснено в ходе экспедиции. Антон и Сильвия категорически утверждали, что никакой «третьей силы», которой сами «братья» некогда заморочили голову аггрианским «силовикам», в имеющейся Мультивселенной гарантированно не существует. Чем, в общем-то, противоречили самим себе, в иных случаях признавая присутствие в мироздании пресловутых Игроков и даже Держателей.

Но в схоластических назидательных беседах и Антон, и Сильвия как-то так все оборачивали, что названные персонажи к предполагаемой «третьей силе» отношения иметь не могут, ибо являясь (каламбур?) явлениями иного порядка. Совсем иного. Как, скажем, при сходном внешнем эффекте никак нельзя уподоблять молнию, вылетевшую из грозовой тучи, и выпущенную СУ-двадцать пятым управляемую ракету. Хотя для человека или пред-

мета, оказавшегося в точке попадания, результат взаимодействия со столь разными, по сути, силами окажется практически одинаковым. За редчайшими исключениями.

А теперь все вдруг стало ясным и понятным. «Третьей силой» оказался Замок, то ли кантовская «вещь в себе», то ли некий самостоятельный «электронный ганглий»¹, неизвестным самому Антону (а возможно, и его высшему руководству) образом оказавшийся передовой операционной базой форзейлей на планете Земля. Его никто (судя по имевшимся в распоряжении Антона материалам Информатория) специально не создавал, и документально не зафиксировано, с каких пор и каким образом он начал использоваться самыми первыми форзейлями, очутившимися на Земле.

Потом, в ходе самостоятельных исследований, Шульгин с Новиковым убедились, что (очень вероятно) Замок — один и тот же играет аналогичную роль на неизвестном количестве и иных миров. То есть, как выразился доступным для математически безграмотных друзей Левашов, «является размерностью высшего порядка, погруженной в Эн-мерный континуум, и в нашу трехмерную реальность выступает всего один его какой-то «угол» или «грань». Словно бы торчащий из волн десятиметровый шип кораллового Большого Барьерного Рифа,

¹ Г а н г л и й — (от греч. «ганглион» — узел), анатомически обособленное скопление нервных клеток, волокон и сопровождающих их тканей. В Г. перерабатываются и интегрируются нерв. сигналы. У беспозвоночных Г. выполняет функции центральной нервной системы.

разросшегося на тысячи километров под вечно волнующейся поверхностью «Океана Дирака»¹.

Красиво, малопонятно, но вполне достаточно для практического использования. Как автомат с лазерным прицелом для наскоро обученного папуасского сепаратиста.

Замок (он же, возможно, один из пресловутых и гиротетических Игроков) обеспокоился событиями, при его же участии вдруг начавшими происходить в подконтрольном ему участке Мульти-вселенной (или ячейке Гиперсети). В том числе незапланированным изменением баланса сил в треугольнике «люди — аггры — форзейли», случившимся оттого, что кое-кто из людей оказался по своей нервно-психической организации ближе к Держателям Мира, чем к обычным «хомо сапиенс сапиенс». Совершенно неожиданно, впервые за тысячелетия кто-то в Союзе Ста миров настолько заинтересовался тихо существовавшим на окраине Галактики Замком, что решил не только устранить Антона — неизмеримо мелкую пылинку в охватывающей треть обозримой Вселенной бюрократической системе, но и дезактивировать сам Замок,

¹ Автору эти рассуждения тоже малопонятны. Насколько он помнит из книжек серии «Эврика» и одноименного НФ-романа, «Океан Дирака» — это то, что еще называют «мировым эфиром» или «вакуумом», и из которого все во Вселенной сущее постоянно возникает, в т.ч. и так называемая «темная материя», «темная энергия» и наверняка много такого, чему пока еще нет названий. Через него осуществляются все «сильные» и «слабые» взаимодействия внутри Мультивселенной, и в нем же кроется загадка гравитации и возможности межпространственных и межвременных перемещений. Гиперсеть в таком случае — частный случай «возмущений» на одном из уровней «эфира».

явно считая его всего лишь стоящей на балансе инвентарной единицей. Ошибка ли это была или осознанно спланированное действие — сейчас не важно. Главное — эта задача очевидным образом была не решаема имевшимися у Галактической «надцивилизации» средствами, но тем не менее сулила Замку кое-какие неприятности. Или — раздражающие неудобства. Как, к примеру, человеку — массивированная атака клопов во время сладкого предутреннего сна, да еще и с женщиной. Несмертельно, но, сами понимаете...

Вот Замок и предпринял собственные, представлявшиеся ему в тот момент необходимыми и достаточными меры. В частности — сотворил сам из себя эффектор, названный людьми Арчибальдом, и предоставил ему свободу воли в заданных границах.

Одновременно Замок начал точечные воздействия на саму, так сказать, канву ГИП и прилегающих к ней реальностей. Вплоть до исчезающего малого, но все же ощутимого, пусть и «внечувственно», изменения так называемых «законов природы». Оттого и начали отмечать друзья как раз в тот самый год отчетливо заметные при наблюдении из нескольких «реперных» точек деформации привычной метрики пространства-времени — хронологические сдвиги, провалы и «прорехи» в ткани реальностей, нестыковки в соотношении причин и следствий, ставшие очевидными при сопоставлении массивов фиксированной стабильной информации.

В этом серьезно помогло сопоставление собственных дневниковых записей Новикова, хранив-

шихся частично на пароходе, частично в первом и втором фортах Росс, на Валгалле и в Новой Зеландии, соответственно с материалами, которые по просьбе Шульгина собирали «специалисты тайных дел», Суздалев и Маркин из реальности Ростокина-Скуратова. Вначале все нестыковки и флюктуации относили на счет самопроизвольно срабатывавших Ловушек Сознания, но потом Левашов с помощью профессора Маштакова — коллеги из параллели Секонда, и самого Замка, решившего, по своим собственным соображениям, «сдать» Арчибальда «Братству», смогли более-менее разобраться в ситуации.

Все это Левашов и Воронцов изложили друзьям, в своей экспедиции несколько потерявшим за два года связь с текущей жизнью. Да они и до «хождения за три мира» не слишком с этой жизнью были связаны.

Так, эпизодически, вроде вмешательства в московский заговор против Великого князя, а в основном действовали в реальностях, значительно отдаленных от ГИП, и в ту, и в другую сторону. От тысяча восемьсот девяносто девятого с англо-бурской войной до две тысячи пятьдесят шестого с его пробоем в вымышленный Ростокиным тысяча двести тридцать восьмой¹.

И в тысяча девятьсот тридцать восьмом году бывали, и в тысяча девятьсот двадцать пятом², на «Валгалле» и в новозеландском форте время проводили. Только до родного времени никак руки не до-

¹ См. роман «Скорпион в янтаре».

² См. романы «Скорпион в янтаре», «Скоро полночь».

ходили. Хотя какое оно родное? Разве что по Шекли: «Среди вероятностных миров, порождаемых Искаженным миром, один в точности похож на наш мир; другой похож на наш мир во всем, кроме одной-единственной частности и так далее. Подобным же образом один мир совершенно не похож на наш во всем, кроме одной-единственной частности и так далее»¹.

Вот и их Главная историческая отличается от истинной одной-единственной деталью — все они со своими способностями исчезли из нее больше двадцати лет назад, и с тех пор там происходит бог (или черт) знает что. Начиная от «ППП» (пятилетки пышных похорон) и неожиданного восшествия на генсековский стол Михаила Третьего (Горбачева) со всеми вытекшими из того последствиями, вплоть до самоуничтожения Советской власти и дезинтеграции Союза.

Неоднократно уже поднимался, между делом или специально, вопрос — что в итоге оказалось эффективнее? Методика аггров по вселению матрицы Новикова в личность первого лица государства или противоположная, спровоцированная Антоном, — устранение из реальности некоторого количества личностей, потенциально способных коренным образом эту реальность изменить?

Впрочем, Новиков до сих пор отчетливо не представлял, чем и как они смогли бы помешать, допустим, возвышению Горбачева или бессмысленному порыву масс «к свободе», о которой эти самые «массы» имели крайне искаженное (или вообще

¹ См. Р. Шекли. «Обмен разумов».

никакого) представление. Догадки разные и соображения были, но специально они не прорабатывались по причине никчемности этого занятия на фоне куда более актуальных, как им казалось, задач и проблем.

И вот теперь возникла, кажется, возможность вернуть отклонившуюся от истинного курса ГИП. Устранить, выражаясь морским языком, девиацию и продолжить движение в «правильном» направлении.

Неоднократно друзья задумывались и о том, является ли эта последовательность «настоящей» или уже утратила право так называться? Однако с помощью несложных вычислений и наглядных примеров Антон сумел их убедить, что да, является. Ибо на демонстрационных схемах все значимые альтреальности имели хорошо видимые точки бифуркаций и в каждом случае достаточно легко выявлялись моменты пресловутого МНВ¹.

Значит, как ни изощрайся, именно вот эта жирная малахитово-зеленая линия на трехмерном экране (или точнее — в трехмерном; на грани четырехмерности видеокубе), уходящая в неевклидову бесконечность, и есть инвариант «исторического процесса», объективного и как бы не зависящего от посторонних вмешательств.

Звучит достаточно странно или даже глупо, но получается, как в старом, тридцатых еще годов анекдоте: «Не проявляли ли колебаний по отношению к линии партии? Нет, всегда колебался толь-

¹ МНВ — минимально необходимое воздействие. См. А. Азимов. «Конец вечности».

ко вместе с линией партии». В любом почти месте при правильно рассчитанном воздействии можно создать жизнеспособную альтернативную реальность, но она будет именно что внезапным побегом на древесном стволе, растущим под каким угодно углом к основной директрисе. Сам ствол никуда не денется и не превратится вдруг в бессмысленно ветвящийся куст. Потом большинство этих побегов отсохнут и отвалятся сами собой, некоторые превратятся в полноценные ветви, но каждому с первого взгляда вполне очевидно, что перед ним именно дерево определенного рода и вида, а не нечто совсем другое, и что ствол есть ствол, а ветви — только ветви.

Конечно, можно представить другую конструкцию мироустройства, по образцу какого-нибудь баньяна, где центральный ствол и не различишь среди сотни поддерживающих крону воздушных корней (которые в конце концов и душат своего прародителя), но сейчас мы рассматриваем лишь нашу концепцию Мультиверсума¹.

Из всего вышесказанного «с очевидностью вытекает» — чудная фраза, выхваченная когда-то Новиковым из толстой математической книжки на столе у Левашова, где только это он и сумел прочесть в конце страницы, заполненной исключительно цифрами и символами чего-то. А еще через полстраницы такой же, когда-то изучавшейся в школе, но напрочь забытой через полчаса после выпускно-

¹ Понятие Мультиверсума объединяет миры, концептуализируемые во всех мыслимых модальностях: существующие и возможные, случайные и необходимые.

го экзамена абракадабры, опять вполне понятное «Однако» — и опять... Так вот — с очевидностью вытекает, что попытка навести некий относительный, в их понимании, порядок на родной ветке мироздания не приведет к возникновению очередной развилки, просто «ствол» слегка искривится и продолжит свое движение куда-то «вверх», повинаясь детерминирующему тропизму¹. А значит, отчего бы не попытаться в доступной мере исправить то, что в результате их необдуманных (но, возможно, чьих-то весьма обдуманных) действий получилось?

Фест и Секонд вместе с Воронцовым уже создали все необходимые предпосылки и условия для корректировки действительности. Разумеется, речи не идет о возвращении ее к ситуации восемьдесят четвертого года, «когда еще ничего не было решено». Все уже случилось так, как случилось, без всяких «исчисленных и продуманных» действий с чьей бы то ни было стороны. И неважно, какую ахинею последние четверть века говорят и пишут конспирологи всех мастей, хоть либерального, хоть «патриотического» толка.

«Не стоит искать злой умысел там, где все можно объяснить просто глупостью».

Другое дело, что глупостью (не только первых лиц, а всего общества) отдельные индивидуумы в СССР и за рубежом сумели воспользоваться в собственных интересах. Так это всегда бывало

¹ Тропизм — (от греч. *τροπος* — направление) — ростовые движения органов растений (стебля, корня, листьев), обусловленные направленным действием какого-либо раздражителя — света (фототропизм), силы земного тяготения (геотропизм) и т.д.

в мировой истории. Варвары тоже извлекли немалую пользу из падения Рима, турки — Византии, маньчжуры — какой-то очередной китайской династии. И очень даже много удовольствия.

Однако ни Моммзен, ни другие историки Античности не пишут, что падение Рима стало результатом тайного сговора императора Константина с разведками галлов, франков или вестготов. И христианство этот же Константин Великий учредил в Риме не для того, чтобы разорвать «сверхдержаву» пополам и половину ее отдать во власть варваров и плебса! Были у него другие, вполне прекраснодушные соображения.

Естественно, вопрос: «А как это сказалось на процветании человечества в целом?» мы отмечаем как бессмысленный. Ну, сохранись римское величие еще тысячу лет... Допустим, не было бы «темных веков» европейской цивилизации. Так для кого они «темные», а для кого совсем наоборот. В будущей России, например, никакого «средневековья» в общепринятом понимании не было. Наоборот, как раз с седьмого или восьмого века шел процесс бурного этногенеза и очевидного прогресса во всех областях. По крайней мере, в том же Новгороде Великом в X—XI веках и демократии было не меньше, чем в пресловутой «культурной» Европе, и уровень жизни повыше, и всеобщая грамотность. А бани в каждом дворе, до чего Европа с Америкой додумались почти на тысячу лет позже?! И, кажется, не было среди русичей обычая гадить в царском дворце под ковры и за занавески. И содержимое ночных горшков выплескивать за окно терема, на

улицу, а не в собственный двор, ни в Москве, ни в Новгороде не практиковали. Батогами б, наверное, заporоли на Лобном месте за подобное. Хотя это, конечно, варварство — пороть людей «за самовыражение» и стремление соблюдать санитарии в собственной квартире. О других пусть Господь Бог заботится.

Вот и минувшие с момента встречи «братьев» с агграми и форзейлями двадцать с лишним лет вряд ли прошли напрасно. Что-то ведь за эти годы происходило в стране и в мире, продолжая движение к неведомой цели, и не дано обычному человеку судить, как лично им прожитое и сделанное отразится в веках. Умер солдат, допустим, в ноябре сорок первого на окраинах Москвы и никогда не узнает (если нет загробной жизни), как повлияли на близкое, и не очень, будущее те пять месяцев, что он с товарищами отступал, цепляясь за каждый подходящий пригорок или «водную преграду».

В черном небе, когда умирал он,
Не было и проблеска победы...

Или, как в следующей строфе этого стихотворения Симонова:

Он второй раз погиб в Сталинграде
В первый день, в первый час прорыва,
Не увидев, как мы фашистам
Начинаем платить по счету.
Умирая, другие люди
Шепчут: «Мама» — и стонут: «Больно».
Он зубами скрипнул: «Обидно!» —
Видно, больше всего на свете
Знать хотел он: как будет дальше?

Да и вообще речь не о том, что уже случилось. Главное — на каком рубеже, на какой позиции они находятся сейчас и могут ли что-нибудь сделать для того, чтобы «партия» пошла в нужном направлении?

Снова та же тень сомнения распростерла над «Братством» свои крылья. Кому нужном? Нужном ли? И так далее. И выход в таком положении один — убедить себя, что ты прав. Прав просто потому, что следуешь общему вектору родной, российской истории и совершенно тебе без разницы, что об этом подумает все «прогрессивное человечество». Они — это они, мы — это мы. Как будто хоть когда-нибудь на этом свете за последнюю тысячу лет кто-то «из них», пусть в пьяном бреду, только единожды задумался о благе России и людей, ее населяющих, больше, чем о полноте своей тарелки и кармана.

«Да чтобы вам всем подохнуть, а мне бы всегда чай пить!», так можно воспроизвести мысли «просвещенной Европы» в отношении России и ее народов, слегка перефразируя Достоевского. Что особенно наглядно подтвердила Вторая мировая война и все последовавшие годы вплоть до нынешнего.

Общее представление о положении в своей родной стране, удивительным образом изменившейся за время их отсутствия и одновременно оставшейся почти той же, несмотря на обилие «свобод», товаров в магазинах и автомобилей на улицах, они получили еще несколько лет назад, сразу после эпопеи с Ростокимым и сопутствующих событий¹.

¹ См. роман «Андреевское братство».

Попробовали даже предпринять кое-какие меры к «исправлению нравов» в не слишком понравившемся им обществе¹.

Получилось далеко не все, и в своем развитии «постсоветская Россия» плавно подошла вот к этому рубежу. К попытке военного переворота, слегка замаскированному под «всенародное восстание», такое же, как прославляемый либеральными историками фашистский мятеж пятьдесят шестого года в Будапеште.

Фест уже предпринял кое-какие неотложные меры, теперь осталось их «довести до ума» по собственному разумению. И уже потом состыковать сделанное с проектом «Мальтийский крест».

И нечего терзаться в сомнениях. Как сказала при второй встрече на Валгалле Даяна, вдруг заговорившая от имени Игроков (кого-то из): «Совет один, и он последний. Думайте, изучайте, анализируйте. Не бойтесь принимать рискованные решения, но всегда готовьте запасной вариант, если что-то пойдет не так. Смысл жизни не в результате, а в самой Игре, тем более что даже бесконечной жизни не хватит, чтобы выяснить, кто победил окончательно...»²

Америку сейчас Фест с Воронцовым поставили в интересное положение. Ей фактически не оставили выбора (на что не решались ни советские генсеки, ни «демократические» властители. Разве только Никита Сергеевич во время Карибского кризиса). Либо там контролируемые шайкой Сарто-

¹ См. роман «Хлопок одной ладонью».

² См. роман «Время игры».

риуса «неоконы» и «безродные космополиты» наконец-то устроят «нормальный» переворот и сбросят все псевдодемократические маскарадные костюмы и маски, либо президент Ойяма сделает то же самое. Только не развяжет тотальную мировую войну, а вернется к политике Франклина Делано Рузвельта и его, увы, не осуществившейся договоренности со Сталиным. Точно по формуле В. Высоцкого: «Правую нам, левую — им, а остальное — китайцам»¹.

Фест только что показал Новикову свежий номер вышедшей по инерции, уже после подавления путча, либеральной газетенки, где сотрудничал недоброй памяти Волович, о котором Вадим поведал друзьям много интересного. Как писал Бабель: «О молниеносном его начале и ужасном конце». Шульгина этот персонаж очевидным образом заинтересовал.

Так вот, в указанной статье автор, назвавшийся «профессором философии», долго и нудно рассуждал (безусловно, готовя почву для новой «оранжево-бархатной революции»), что после девяносто первого года «демократия» в России непрерывно сдавала свои позиции в надежде, что «свобо-

¹ Имеется в виду почти согласованная доктрина Сталина — Рузвельта об устранении с «мировой шахматной доски» У. Черчилля и Великобритании и союзе СССР и США на условиях паритетного раздела мира на две сферы влияния и «мирном сосуществовании» при «соревновании двух систем». План не осуществлен ввиду скорострительной смерти Ф. Рузвельта в апреле 1945 г. и прихода к власти крайне антисоветской коалиции во главе с Г. Трумэнном. Тем самым, что приказал бомбить Хиросиму и Нагасаки и еще в 1941 г. заявлял: «Если будет побеждать Германия, мы будем помогать России, и наоборот. И пусть они убивают друг друга как можно больше».

да», «рынок» и «мировое сообщество» сами расставят все по своим местам. Не препятствовали, мол, сохранению пережитков «совка» и «коммунизма», дали волю «клерикалам», «державникам», «националистам» и «русским фашистам». Позволили уйти со светлой дороги парламентаризма в зловонное болото авторитаризма, на глазах превращающегося в тоталитаризм (это ж надо такое придумать, при нынешнем до невозможности «толерантном» и почти бесхребетном президенте, стесняющемся посадить в тюрьму людей, которых даже в «супердемократических» Штатах законопачили бы лет на тридцать, если не пожизненно, плюс еще столько же).

Отчего и скатилась страна к нынешнему состоянию. Но вот «если и когда» (изысканная отмазка) демократия в «рашке» победит снова, она немедленно должна заняться собственной защитой от любых «недемократических» проявлений «вековечно-рабского русского характера». И недопущением очередного «скатывания»...

Прочитав это, Андрей изумленно хмыкнул. Ребята точно дошли до самого края. Настолько было уверовали в свою полную победу, что практически открытым текстом заявляют «*Urbi et orbi*», что, придя к власти, немедленно начнут сажать и расстреливать инакомыслящих, хоть на шаг отступающих от норм «истинного либерализма». И никак иначе этих слов не поймешь, если абзацем выше этот же «профессор» объявляет крупнейшей ошибкой предоставление «права голоса» и «свободы слова» тем, кто их ни в коей мере не заслуживает. Коллективному «Уралвагонзаводу», проще говоря.

Новиков сразу не понял, при чем тут именно этот завод, а не «Ростсельмаш», например, и Вадим ему доходчиво объяснил этимологию и либерастический смысл этого выражения. Был, как раз когда «братья» самовыражались в других мирах, в России еще один кризис, с итогами думских выборов связанный, и там вышли на московские улицы толпы протестующих из партии «Другая Россия». А власть и действующего президента первыми массово поддержали рабочие и ИТР танкового «Уралвагонзавода». За ними еще процентов шестьдесят населения страны. С тех пор в лексиконе «креаклов» и закрепился этот термин-пугало.

Андрей, привыкший вроде бы ко всему, искренне удивился паскудству нынешней «прогрессивной интеллигенции», вполне достойной недавно «изгнанного из рая» Воловича, о каковом событии ему успел красочно рассказать Фест.

Вот уж воистину «бывали хуже времена, но не было подлей». Смердяков у Достоевского именно потому и удостоился специального описания, что было таких, как он, исчезающе мало на всю огромную Россию. А сейчас?! Сотни тысяч в одной только Москве!

Самому Новикову с друзьями тоже не нравилась Советская власть образца семидесятых-восемидесятых годов прошлого века (еще точнее — большинство ее проявлений), но не возникало же ни у кого из них желания бежать продаваться на радио «Свобода» или примыкать к жалкой кучке «диссидентов», в кругах приличных людей почитаемых скорее за юродивых, чем за предателей.

И если они, «заблудившись во времени», решили учинить крымско-каховскую авантюру (иначе не скажешь) и создали Югорию — так все же для недопущения худших итогов обеих революций семнадцатого года и для возрождения России, а не для окончательного превращения ее в теперь уже вечный, третьестепенный, ничего не значащий и никому не интересный «задний двор» Евroatлантического сообщества. Такое же дегradировавшее в соседстве с Соединенными Штатами государственное образование, как, например, Мексика.

— Ну что же, это, пожалуй, подходящая для нас задачка, достаточно интересная, с вариантами, — усмехнувшись особым образом, ничего хорошего не предвещавшим объектам приложения его интереса, сказал Шульгин. — «На пыльных тропинках далеких планет» нам, пожалуй, пока больше делать нечего. Что могли, сделали, теперь поработаем здесь.

И действительно. Дуггурская проблема снята на сколько-то лет, а если воспользоваться возможностями Замка в окончательном рассогласовании континуумов «Земли-2» и ГИП, то и навсегда. Все, чем они сами занимались в параллелях, таким образом, теряет актуальность, если Игроки, конечно, вновь не опомнятся и не добавят жизни здоровой увлекательности. А в ожидании этого вполне спокойно можно заняться делами внутренними, домашними. Уж больно обстоятельства удачно складываются, чтобы обрубить очередной «паразитный» побег на древе ГИП...

В первый раз после 1863 и 1867 годов¹ появился шанс пресечь странный с точки зрения геополитики, психологии и просто здравого смысла англо-американский союз, так много крови испортивший России и СССР за следующие полтораста лет. И, что самое интересное, не принесший никакой ощутимой пользы ни Америке, ни Великобритании.

Свои деньги американские банкиры в любом случае бы заработали, но сами Штаты не загнали себя в почти смертельную геополитическую ловушку. Из нее пытался выбраться Рузвельт, сделав ставку на сотрудничество со Сталиным и нейтрализацию Черчилля, да не успел. А преемника Франклина Делано, манхэттенского бухгалтера Трумэна, герцог Мальборо «сделал одной левой», заставил бывшую британскую колонию послушно реализовывать свои ни на йоту не смягчившиеся за две совместно отвоеванные мировые войны русофобские комплексы. Соглашаясь при этом, чтобы американцы думали, что главные на планете — они!

Но вот сейчас на доске вырисовывается интересная комбинация. Отчего бы ее действительно не разыграть, тем более что и жертвовать ничем

¹ В 1863 г. во время Гражданской войны «Север против Юга» Россия направила эскадры адм. Лесовского и Попова в порты западного и восточного побережья САСШ с целью недопущения, под угрозой крейсерской войны против британского судоходства, вмешательства Англии в войну на стороне Юга. В 1867 г. на выгодных для САСШ условиях Россией была продана Аляска, что создало предпосылки для значительного сближения двух на тот момент не имевших никак взаимных претензий и геополитических разногласий держав.

особенно не придется. А в перспективе успешного завершения «Мальтийского креста» картинка рисуется прямо радужная. Тамошняя Англия будет разгромлена военной силой или иным способом приведена к ничтожеству, президент тех САСШ надежно выведен из игры Императором Олегом. Следовательно, после Объединения (или как-нибудь еще красиво и пафосно можно будет именовать предстоящую процедуру) можно будет поддерживать союзнические отношения и с теми американцами, и с этими, отнюдь не допуская каких-либо прямых контактов между ними. Только через нашу территорию и под нашим контролем. Для чего создать специальное военно-научное подразделение, основной задачей которого будет пресечение в корне чьих бы то ни было разработок в направлении поиска собственных межреальных туннелей.

Если знаешь, с чем бороться, а противник пока не представляет, что искать, проблема оказывается попроще, чем борьба за нераспространение ядерного оружия.

— Значит, так и решим, Александр Иванович, — сказал Ляхов. — Я передаю вам все материалы по проекту «Самурай», и вы в очередной раз преподадите нам мастер-класс политической интриги...

— Нет, так не пойдет, — мотнул головой Шульгин и принялся вновь набивать трубку табаком собственной рецептуры, на базе некогда чрезвычайно популярного, но отчего-то совершенно вышедшего из употребления «Золотого руна» с добавлением еще нескольких экзотических ингредиентов. — Какие там мастер-классы? Не хе-

дер¹ какой-нибудь у нас здесь. Сделаем как положено — создадим рабочую группу, утвердим планы решения первоочередных и последующих задач, распределим обязанности, изберем ревизионную комиссию, председательствующего, почетный и рабочий президиум... Так, примерно. Забыл, что ли?

— Да откуда ж мне помнить, Александр Иванович? — подыгрывая учителю, изобразил искреннее удивление Фест. — Я-то с какого года? Даже в комсомол не успел вступить, как эта ваша стройная система посыпалась. Только читал кое-что о тех славных временах. Выходит, по-любому вам руководить. А я, так и быть, согласен на рабочий президиум...

— Из тебя одного и состоящий, — уточнил Новиков. — А Дмитрий Сергеевич, в знак признания заслуг, будет у нас тоже Президиумом, но Почетным...²

¹ Хедер — (на иврите — комната) еврейская начальная школа для обучения мальчиков основам научного иудаизма, существуют с раннего средневековья. Часто употребляется в ироническом смысле. Напр. см. «Записные книжки Ильфа» «Хедер имени Марселя Пруста», подразумевается созданный М. Горьким Литературный институт. М. Пруст — франц. писатель (1871 — 1922), считается изысканным стилистом и основоположником т.н. «потока сознания» как метода психологической прозы.

² В советское время на значительных партийных мероприятиях вроде конференций, районных, краевых, областных, обязательно избирался так называемый «рабочий президиум» из числа местных руководящих работников и представителей «трудящихся масс» и «Почетный», в который входили реально в зале не присутствующие члены Политбюро ЦК КПСС. Вполне религиозный обряд вроде возжигания на молебне лампадок перед иконами Святой Троицы, Богородицы и особо почитаемых святых.

— Слушали и постановили, — подвел итог Шульгин. — Но знаешь, Вадим, эта твоя шуточка с Воловичем меня не только позабавила. Соображения кое-какие на сей счет появились. Можно ли эту гиену пера в полезных для нас целях использовать? Вот, Андрей Дмитриевич, побывавший в сталинской шкуре, наверняка нам что-то умное подскажет. Умел Иосиф Виссарионович самых разных людей к общей пользе приспособлять. Красного графа Толстого обласкал и возвысил, хотя мог и расстрелять. Прокурора Вышинского опять же, хотя тот, в бытность чиновника при Керенском, ордер на арест Ленина выписывал... Не важно, какого цвета кошка, лишь бы она ловила мышей. Ты как, Андрей, считаешь?

— Посмотреть бы надо, — пожал плечами Новиков. — Ежели он действительно был вождем и рупором «непримиримой оппозиции», вполне может сгодиться. Если все остальное у нас получится...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Лютенс жил в гостевом домике Кэмп-Дэвида уже вторые сутки, но Ойяма больше не приглашал его к себе. Лерой прогуливался по территории, постоянно ощущая на себе пристальные взгляды наблюдающих из разных точек и с разного расстояния охранников, но не пытался как-то показывать, что ощущает эту слежку. И без этого всем все понятно. Начальник президентской секьюрити коммодор Брэкетт — тоже профессионал и исполняет свои функции, ничуть не задумываясь, как на это реагирует то ли гость, то ли пленник президента.

Брэкетт знал о Лютенсе все, что позволяли начальнику службы безопасности его допуски и что считал нужным сказать сам Ойяма. Большого узнать не пытался, раз не было такой команды, а излишняя инициатива нигде не поощряется. Тем более в отношении представителя организации, очень не любящей вмешательства в свои внутренние дела.

«Гостю» разъяснены его права и обязанности на территории резиденции, обозначены закрытые для прогулок зоны и границы «полосы безопасности» вдоль внешней ограды и стационарных постов охраны, которые не следует нарушать.

А в остальном человек, объявленный личным гостем президента, свободен. Без права покидать Кэмп-Дэвид, с кем-либо встречаться, пользоваться телефоном или любыми другими средствами связи, Интернетом, само собой.

Нормальный режим привилегированного интернированного лица. Довольно комфортабельный, в той мере, правда, что возможен на территории довольно-таки аскетической резиденции. Именно что «лагерь», как и переводится слово «кэмп». Лютенсу, насмотревшемуся на многочисленные дворцы русских царей в окрестностях Петербурга, видевшему Кремль с его Оружейной палатой, все окружающее теперь казалось до удивления жалким и примитивным.

В какой-то мере взгляды его на привычный стиль жизни изменились после того, как господин Ляхов нарисовал разведчику перспективы, открывающиеся в близком будущем. И Лерой почти произвольно начал ассоциировать свое будущее не с пуританским, втиснутым в рамки законов и обычаев мирком «среднего американца», а чем-то таким, безалаберно-неорганизованным, полуанархичным, именуемым странным русским словом «воля», но чертовски привлекательным и обещающим намного больше удовольствий и радостей.

Все же Лютенс был не «ВАСПом»¹, а немцем. Немцы же, как известно, испокон веков переби-

¹ VASP — аббревиатура английских слов «белый, англосакс, протестант» — самоидентификация «первосортных американцев, как правило, считающих себя прямыми потомками пассажиров «Мейфлауэра», парусного судна, на котором 6 сентября 1620 г. отплыли из Плимута в Америку 104 пилигрима, желавших основать в Новом Свете «сияющий град на холме» по догматам Ветхого, а не Нового Завета. Отлича-

рались из фатерланда жить и работать в Россию, устраиваясь там обычно не в пример лучше, чем на Родине, и достигали высших постов в армии, на флоте и гражданской службе. Но это пока — вопрос неопределенного будущего, и невозможно предугадать, что случится с ним в ближайший час или даже минуту. Сочтет Ойяма, что ему выгоднее сговориться со своим нынешним окружением и теми, кто дергает за ниточки этих марионеток, — и конец всем планам. Арест с последующим тайным судом, на открытый процесс его никто не выведет. Скорее же всего — бесследное исчезновение. Президент сам догадается, или ему подскажут, что это самый удобный выход из положения.

Лютенс не испытывал никаких иллюзий насчет «американской демократии» и «правового государства». В слишком многих акциях сам принимал участие и знал все относящиеся к подобным случаям инструкции и «понятия», как выражаются русские, зачастую придавая этому термину негативно-осуждающий смысл. А ведь любые законы были сначала именно «понятиями», принятыми в том или другом обществе, прошедшие испытание временем и реальной жизнью и лишь затем кодифицированные.

Но сейчас «секретарь посольства» отчего-то не боялся за свою жизнь, хотя в целом ситуация

лись агрессивным религиозным фанатизмом, что, в частности, проявилось в отношении к индейцам, которых протестанты предпочитали убивать, в отличие от католиков-испанцев, признававших в индейцах наличие души и успешно их крестивших и ассимилировавших.

представлялась ему весьма сложной и взрывоопасной. Слишком велики были сила убеждения и надежность, исходившие от директора института паранормальных явлений Вадима Петровича Ляхова. Многие уже Лютенс узнал от него и помимо него, чтобы сомневаться в том, что на произвол судьбы его не бросят. Если уж Ляхов со своей командой (какие теперь сомнения) сумел сорвать тщательно подготовленную революцию в России, к которой были привлечены десятки тысяч людей и потрачены миллиарды долларов, что стоит надежно прикрыть зачем-то понадобившегося ему, в общем довольно обычного сотрудника ЦРУ в лице дипломата. Внезапно Лерой сообразил, зачем именно он нужен Ляхову. Никак не на роль курьера или обычного связного с президентом и оппозиционным нынешним ястребам истеблишментом США.

Игра наверняка затевается по-настоящему масштабная, и русским нужны свои люди на самом верху. С хорошими послужными списками, безупречные с любой точки зрения, которых никто не обвинит в предательстве интересов нации или коллаборационизме. И кого, в случае чего, можно поднять на самый верх, как сами американцы испокон веку поступали со своей агентурой влияния, продвигаемой давно отработанными способами на посты президентов и премьеров вполне себе независимых и уважаемых государств. Теперь, значит, пришла очередь и самой Америки?

Может быть, это и правильно. Лютенс, как и сам президент Ойяма, принадлежал к тому типу людей, для которых Америка не стала в полной

мере тем «плавильным котлом», о котором больше ста лет талдычила официальная пропаганда. Они по-прежнему испытывали по отношению к своим «бывшим родинам», точнее — родинам своих предков примерно то же чувство, что очень многие евреи «стран рассеяния», вполне ассимилировавшиеся, — по отношению к Израилю. И, значит, уже не могли считаться «сто процентными американцами», раз в их представлении существовал хотя бы смутный образ некоей другой, в какой-то мере более ценной, по отношению к этой, страны. Собственно, отсюда и происходит очень часто применяемое к США ее жителями определение — «эта страна». То есть в определенном смысле — «не моя».

Не до всех доходит смысл такой семантической тонкости, но факт остается фактом.

Вот и Лерой, почти незаметно для себя, собственным умом, подкрепленным, на всякий случай, целенаправленным внушением Феста, определился, что, безусловно, желает Соединенным Штатам и их гражданам только добра. Однако ни в коей мере не разделяет позиций их правящего класса по большинству вопросов внешней и внутренней политики и, в полном согласии с Конституцией, имеет право бороться за установление действительно разумных и справедливых порядков. И прежде всего за установление добрососедских, лучше всего тесных союзнических отношений с Россией. Как в годы Второй мировой, только еще откровеннее и честнее.

Здесь внушение, проведенное Фестом, хорошо легло на достаточную отстраненность Лютенса от

ханжеского мессианства «истинных ВАСПов» с их кальвинистской злобной нетерпимостью к инакомыслящим и иноверцам. Новые времена добавили к их бредням о заведомом «величии», «избранности» и «предназначении» Америки идею, что все это может быть подорвано примирением с «православными русскими варварами» и «отступничеством» от Божьего промысла, определившего Штатам единоличную роль «пастыря человечества».

Причем русские в этом мире представляют главную опасность, с которыми невозможен никакой компромисс, в отличие от тех же китайцев или даже самых оголтелых саудовских салафитов. Те не предлагают «цивилизованному миру» собственных вариантов неотчуждаемых ценностей вроде «демократии» и «прав человека», единственным хранителем и толкователем коих может быть только Америка, и никто иной.

Иногда, отвлекшись от размышлений, посещавших его во время длительных прогулок по дорожкам поместья, Лютенс сам себе удивлялся, пожалуй, впервые за свою довольно уже долгую и очень непростую жизнь.

За исключением пешего хождения, Лерой, лишенный активной связи с миром за пределами поместья, валялся на веранде отведенного ему бунгало, много курил, пил безалкогольные напитки со льдом, пролистывал доставляемые в Кэмп-Дэвид пачки всякоразных газет и смотрел телевизор, чего не делал очень и очень давно. В России включал только официальные новости, по четверти часа утром и вечером, чтобы быть в курсе. Здесь, впрочем, развлекательные программы его тоже не инте-

ресовали. Он занимался тем, что социологи называют контент-анализом, проще говоря, вычленением смыслосодержащих блоков из сплошного массива фоновой информации.

В общем-то это было как раз одной из специальностей Лютенса, только раньше он не применял ее для изучения внутриамериканских процессов. А сейчас применил, за отсутствием изъятых охраной ноутбука рисуя различные графики и схемы на листах бумаги для принтера.

Интересная складывалась картинка. Уже пятые сутки подряд (сразу после выступления российского Президента, транслированного большинством основных мировых каналов) американская пресса вела себя как минимум странно. Маховик якобы независимой пропагандистской машины раскручивался внешне неторопливо, но зловеще неумолимо, подобно только-только начинающей свое движение горной лавине или переливающемуся через край кратера лавовому потоку. Что удивительно — основной удар был направлен не против России и ее лидера. Жертвой «акул и шакалов» пера стал президент американский. И кампания эта явно направлялась и регулировалась из единого центра, профессионалу это было очевидно.

Впрочем, совсем недавно Лютенс в этом же духе и по тому же принципу сам ориентировал руководителей независимых СМИ в России. Только там это не выглядело столь наглядно. За счет сравнительной малочисленности самой оппозиционной прессы и свойственной русским журналистам упертости в собственные так называемые принципы, даже невзирая на гигантские, по тамошним

меркам, гонорары согласившихся «работать на демократию» коллег.

Здесь все делалось ощутимо тупее, но зато основательнее. Вначале в достаточно массовых и считающихся солидными изданиях и телевизионных политобзорах появились как бы установочные статьи и выступления «зубров» политжурналистики и дипломатии.

В них взвешенно, без истерик, но с железобетонной тенденциозностью излагалась, так сказать, концепция текущей политической ситуации. Беззастенчиво использовался весь комплект антироссийских и антисоветских еще штампов, обоснований и доводов, разъясняющих пока еще способному самостоятельно мыслить читателю и зрителю, что Россия наконец пересекла «красную черту».

Даже в пятидесятые-шестидесятые годы, в разгар «холодной войны», эта противная всем «человеческим» нормам и принципам держава отнюдь не бросала Америке и всему «свободному миру» явного и нетерпимого вызова, негласно соглашаясь на роль как бы второстепенного «центра силы» и, соответственно, сохраняя пусть и относительную, но «договороспособность». А вот сейчас, находясь в несравненно худшем экономическом, геополитическом и военном положении, Россия вдруг громко заявляет о своем праве поступать на мировой арене абсолютно так, как признанные лидеры человечества, определенные на эту роль самим Богом и историей, что наглядно продемонстрировал недавно минувший двадцатый век, в своей последней четверти расставивший все по надлежащим местам.

Ничего особенно нового в этих откровениях не было, большинство американцев родились в такой атмосфере, многие на закате жизни ощутили бодрящий ветерок, пахнувший терпким духом Фултонской речи и маккартизма.¹ Сравнительно новым было то, что в большинстве материалов с разной степенью категоричности утверждалось, что нынешний демарш России — несомненное доказательство того, что, не имея никаких иных возможностей вернуть себе прежние, утраченные после распада СССР позиции и «капитуляции в "холодной войне"», она безоговорочно стала на путь военного решения всех своих проблем.

Геополитические гуру шли даже на то, что признавали (пожалуй, впервые в послевоенной истории), что объединенные силы Запада едва ли могут рассчитывать на победу в войне «классического типа». И приводили примеры, от Наполеона

¹ В 1946 г. в г. Фултон (США) У. Черчилль произнес речь, в которой объявил об угрозе, которую несет СССР всему миру, впервые употребил термин «железный занавес» и призвал страны «свободного мира» и прежде всего «англосаксонские народы» сплотиться для «отбрасывания коммунизма». Считается официальным объявлением «холодной войны».

Маккарти, Джозеф, сенатор США, патологический антикоммунист. В конце 40-х годов инициировал антикоммунистическую истерию в США. Автор закона «об антиамериканской деятельности». В ходе кампании было уволено и репрессировано более трех тысяч государственных служащих как «тайных коммунистов и гомосексуалистов(!)». Расправе подверглись также многие частные лица, писатели, актеры Голливуда и т.д. В том числе Ч. Чаплин, вынужденный покинуть США. Д. Маккарти умер от алкоголизма в 1957 г. Его единомышленник, военный министр США Д. Форрестал в 1949 г. покончил с собой, выбросившись с 16-го этажа госпиталя с криком: «Русские идут, я их вижу, они везде!»

до Гитлера, которые как раз и мобилизовывали на сокрушение «медведя на глиняных ногах» армии и ресурсы практически всех европейских стран. И, следовательно, решением проблемы может быть только внезапный, массированный «обезоруживающий удар» всеми имеющимися в распоряжении США и НАТО силами и средствами. Только таким образом можно избежать «ядерного удара возмездия» со стороны России, чреватого тем самым пресловутым «неприемлемым ущербом», о котором шли дискуссии все годы «холодной войны».

Тут же, как будто попутно, обыватель уверялся в том, что США и НАТО вполне способны нанести этот обезоруживающий удар, с полным эффектом, и Россия по своей нерасторопности, технической и моральной устарелости баллистических ракет «позапрошлого поколения» отразить превентивный (не агрессивный, а, скорее, «санитарный») удар не успеет. А возможно, и не захочет, поскольку людей, разделяющих идеи Президента в «Московии» ничтожно мало, а весь «креативный класс», да и большая часть генералитета и офицерского корпуса предпочтет немедленно «перейти на сторону свободы». Как это сделали генералы и офицеры Саддама Хусейна в две тысячи третьем году.

Прочитав это, Лютенс только криво усмехнулся и прищелкнул языком. Это даже не шапкозакидательство, это гораздо хуже. Сам он как раз на подобном и прокололся, поверив бесчисленным утверждениям собственных агентов в рядах оппозиции, причем занимающих весьма значительные посты в правительстве и близким к ним структу-

рам, что народ доведен до последней степени нищеты и отчаяния, он всей душой ненавидит власть и прямо-таки бредит и грезит «европейскими ценностями».

Казалось бы, профессиональный разведчик и вообще неглупый человек, Лерой Лютенс, прожив в России несколько лет, мог бы, не разбрасываясь десятками миллионов долларов на «продвижение демократии», эти деньги просто присвоить, а представление об истинном положении дел в стране составлять путем, как выражаются социологи, «включенного наблюдения». И разбогател бы, и заодно понял истинное положение вещей.

Но от него, как и от авторов нынешней антироссийской кампании, как раз здравомыслия и не требовалось.

Вообще, здесь кроется одна из величайших загадок человеческой психики, так сильно повлиявшая на ход мировой истории. Почему-то, играя в шахматы, преферанс или затеявая «нормальную», просто с целью пограбить, без всякой идеологии, войну, люди тщательно взвешивают свои возможности и шансы противника и, только все оценив и сопоставив, объявляют «мизер» или посылают в бой свои полки и батальоны.

Но если взять войны, так сказать, «идеологические» — тут здравый смысл как бы автоматически отключается. И опытные, захваленные сверх всякой меры немецкие генералы «прусской школы Шлиффена и Мольтке», планируя «Барбароссу», забывали заглянуть даже в учебники географии и истории для начальной школы. Фюрер сказал: «Россия — колосс на глиняных ногах и рухнет че-

рез две недели», значит, так тому и быть. Сразу вылетели из памяти километры расстояний, характер местности, метеорологические сводки за последние двадцать пять лет, ну и соотношение мобилизационных потенциалов тоже.

Лютенс получил некогда установку: «Власть в России слаба, армия развалена, население только и мечтает влиться в европейскую семью народов, оформить шенгенские визы и ездить на выходные пить баварское пиво». Значит, любые другие варианты не подлежат рассмотрению. Нужно найти или создать вождей оппозиции, хорошо им заплатить и в некий «Час Ч» получить на блюдечке с голубой каемочкой искомый результат. Тем более что в десятках аналогичных случаев именно так все и получалось. Что побеждали «цветные революции» в сильно не похожих на Россию странах, во внимание принимать не разрешалось.

К счастью Лероя, ум у него оказался лишь временно затуманен «стереотипами и прецедентами», а испытав на собственной шкуре некое своеобразие «страны пребывания», где пришлось работать, он почти мгновенно вспомнил, что разведчик и половой в трактире: «чего изволите, вашсиясь?», это несколько разные профессии.

Потому сейчас он, прекрасно понимая мотивацию госдеповских пропагандистов (а все шло именно оттуда, стиль своих коллег он хорошо знал), одновременно искренне удивлялся столь топорной, а главное — бессмысленной работе.

Ну, допустим, обывателя они возбуждают до последней крайности, и он, пылая энтузиазмом, готов будет рвать русских зубами и ногтями. Но на более-

то высоком уровне? Напугать русского Президента и его правительство до согласия на безоговорочную капитуляцию не удастся, это должно быть ясно каждому специалисту (об истерических дамочках из окружения Ойямы речи не идет). Хотя Наполеон, заняв Кремль, тоже на полном серьезе верил, что Александр Первый, сидящий в Петербурге, за семью сотнями верст осеннего, абсолютно непроходимого бездорожья, немедленно сдастся. Исключительно с перепугу.

Зачем же тогда подводить мир к самой грани очередной мировой войны, в которой победителей, скорее всего, не будет? Уж какие бы ни были старые у русских ракеты, но раз регулярно возят грузы и людей на Международную космическую станцию, до Нью-Йорка, Вашингтона и Сан-Франциско хоть десяток из двух тысяч долетит. И к чему тогда все?

Но по мере того как Лютенс вникал в следующие уровни пропагандистской войны, истина начинала постепенно приоткрываться. Русские тут, пожалуй, почти и ни при чем. Разумеется, нервы потрепать противнику всегда полезно, взбодрить собственное население и конгресс, выбить еще сотню миллиардов на неотложные военные нужды — святое дело. Но цель не в этом. От «налогоплательщиков» по-любому ничего не зависит, а с теми, кто что-то действительно решает, говорят с глазу на глаз и предметно.

После дежурной, за последние века отработанной артподготовки, столь же традиционной, как ход «Е-2—Е-4», и «мэтры и зубры» журналистики, и самые мелкие, «районные», можно сказать, газетенки как-то на удивление слаженно перекинули стрелки

вины за нынешний кризис уже на свои, американские власти. А конкретно — на президента Ойяму лично.

Мол, вот к чему привела бесхребетная, соглашательская, ориентированная только на сиюминутную выгоду политика «умиротворения агрессора». Ни разу, мол, не стукнул кулаком по столу, не объявил Россию «страной-изгоем», столь же заслуживающей наказания, вплоть до Гаагского трибунала, как Сербию, — и получил заслуженный ответ. Россия теперь, значит, сама будет определять, кто в этом мире прав, кто виноват. И поддакивать ей вот-вот кинутся десятки никчемных стран «третьего мира», как в советские времена. Врагов у Америки достаточно, и теперь они увидят, что снова появился «защитник» и «арбитр».

Чего же в таком случае можно ждать с учетом того, что позиции Америки в мире значительно ослабели, с учетом китайского и исламского факторов? И главное — кто в этом виноват?

Для непонятливых сразу были названы имена. Президентов, разумеется. Демократия, Конгресс, Сенат, широкая автономия штатов — это для оболванивания толпы и мирового общественного мнения в спокойные времена. А на самом деле все в стране решает президент. Для того и поставлен. Если президент правильный — он приказывает сбросить атомные бомбы, начать войну, объявляет, кого нужно, «Империей зла» и вообще защищает интересы страны любой ценой, ни на кого не оглядываясь. А если «неправильный» — так сами видите... Вот он, ему бы и ответить! Всегда так было. Одни отвечали головой, других подвергали им-

пичменту и с позором изгоняли. Пришла очередь и этого.

Таблоиды пожелтее и побульварнее сразу же начали публиковать слухи о личной жизни, причастности к коррупционным схемам, тайном антиамериканизме и даже возможной склонности к государственной измене.

«Четко, четко все организовано, — думал Лютенс, — очень даже неглупо. Только зачем бы это вообще?» Ни с чем подобным он в своей жизни не сталкивался. Читал, что такое было во времена Никсона — «Уотергейтское дело», но там вся компания крутилась вокруг незаконного подслушивания разговоров в предвыборном штабе соперников на президентских выборах. А здесь прямая калька с кампаний против «врагов народа» в сталинском СССР. Несколько дней или недель травли в печати авторитетных, высокопоставленных людей, а потом партийный пленум, арест, суд, расстрел.

Но ведь здесь не мрачная тоталитарная империя, здесь «самое демократичное и свободное в мире государство». Или — уже нет?

Чем так кому-то досадил мистер Ойяма, что прямой клеветой решили не брезговать, будто заведомо привлечения к суду не боятся? Вроде прошли те времена, когда посреди политической, да и физической биографии «первого лица» ставили свинцовую точку. Ему и осталось какие-то два года отсидеть в Белом доме, переизбираться не будет. Кроме всего прочего, имеется масса отработанных способов заставить президента делать и говорить что нужно тем кому нужно. Да и что от него истинным «хозяевам Америки» могло бы понадобиться?

Кеннеди убили за то, что собирался отменить налоговые льготы «на истощение недр» техасским нефтяным баронам. Линкольна — за разгром Конфедерации и освобождение негров. Этот, кажется, ни в чем подобном не замечен. Неужели действительно за то, что не хочет воевать с Россией? И сопротивляется навязываемой ему роли «бешеного пьяного ковбоя», который вел бы себя на мировой арене как в аризонском салуне позапрошлого века, паля в потолок из двух «кольтов» сразу и загоняя посетителей пинками под столики...

А кому такое может понадобиться? Уж едва ли крупному транснациональному капиталу. Там люди серьезные и понимают, что ядерная боеголовка, взорвавшаяся посередине Уолл-стрит, зачеркнет все предполагаемые выгоды от унижения России.

В любом случае кто-нибудь из власть имущих переговорил бы с Ойямой с глазу на глаз, изложил бы, что от него на очередном историческом этапе требуется. А тут — неспровоцированный, совершенно хамский «наезд» на первое лицо, как ни крути, верховного главнокомандующего и прочая... И сразу же, без паузы — такая вакханалия в прессе.

Значит, кто-то там, на самом-самом верху, действительно сошел с ума. Причем настолько значительный, что и возразить ему подходящих фигур не нашлось.

— По-хорошему, следовало бы с этой планетки поскорее сматываться. Только вот беда, некуда... — Лютенс с удивлением отметил, что последние слова произнес вслух, по русски, и даже получилось нечто рифмованно-ритмизированное, вроде поговорки или присловья.

Он подумал, что надо немедленно попросить у президента аудиенции и донести до него кое-какие пришедшие в голову мысли. Относительно этой вот самой кампании. И необходимости срочно принять контрмеры. Но прежде неплохо бы перед разговором с Ойямой посоветоваться с «куратором». Лерой, отправляясь сюда, еще не представлял, что дела зашли так далеко.

Может быть, Вадим Петрович знает, почему президент затворился в Кэмп-Дэвиде, как царь Иван Грозный в Александровской слободе, и демонстрирует какую-то буддийскую (или — синтоистскую) отстраненность от мира. Но, однако же, президент «курьера» держит при себе, чего-то выжидая. Был бы Лютенс ему не нужен — давно бы отправил... Куда — это другой вопрос.

К сожалению, Лерой сейчас ощущал себя словно в эпоху до изобретения Беллом первого телефона. Чистое средневековье — или подкупай стражника, чтобы записочку доставил по адресу, или почтового голубя отправляй. Увы, и то и другое невозможно. Стражники сейчас не те, что в давние века, у Лютенса просто наличных денег не хватит, чтобы нынешнего охранника с гарантией подкупить, а голубя — где ж его взять?

Очевидно, «профессор» Ляхов, кроме прочих способностей, мысли читать тоже умел. На любом расстоянии.

Экран телевизора мигнул и погас, прерывая на полуслове очередное ток-шоу на тему: «Такой ли президент нам нужен в это судьбоносное время?» По почти единодушному мнению неизвестно где

набранных «экспертов», отставных конгрессменов и «людей с улицы» выходило, что совсем не такой. А какой именно, дослушать не удалось. Но ясно было, что широко известный и весьма популярный ведущий гнет к тому, что даже импичмент в текущих обстоятельствах не годится. Чрезвычайно долгая и формализованная процедура. Куда лучше отстранить его от власти прямо завтра. По медицинским, например, показаниям...

Через секунду плазма снова засветилась, и на расстоянии трех метров Лютенс увидел облокотившегося о край обрамляющей экран рамки Вадима Петровича собственной персоной. Паранормальные явления продолжались, ибо каким иным образом мог проникнуть этот человек внутрь кабельной сети, предварительно преодолев в виде электрического сигнала несколько тысяч километров космической пустоты, из Москвы до спутника-ретранслятора и от него до сервера на ближайшей цифровой подстанции. А потом сюда по оптоволоконному кабелю.

— День добрый, Лерой, — вежливо улыбнулся «куратор». — Как здоровье? Рецидивов не было?

— Спасибо, вашими молитвами. Но как вы?..

— Опять за рыбу гроши! Пора бы и привыкнуть после возвращения с того света и всего, что вы уже узнали. Чтобы раз и навсегда перестать забивать себе голову никак не нужными сейчас вопросами, просто представьте, что вы культурный и образованный инженер из середины XIX века. И вдруг вам некие не менее культурные и образованные люди показали действующий телевизор или обычный сверхзвуковой истребитель. Вкратце могли и объ-

яснить, на каких принципах все это работает. У вас достаточно ума и здравомыслия, чтобы принять все увиденное как данность, не впадая в панику или религиозный экстаз. Но одновременно понять, что на профессиональном уровне вы никогда в этом не разберетесь. Остается успокоиться и жить дальше, извлекая из чудес техники пользу и удовольствие.

Как в принципе поступали всякого рода туземцы при встрече с европейским прогрессом. Сам без штанов сидит в бедуинской палатке у очага, в котором горит верблюжий помет, но одновременно смотрит портативный телевизор со спутниковой тарелкой...

Лютенс только хмыкнул, услышав такое сравнение.

— Вам тут не особенно досаждают излишним вниманием? — перешел Ляхов к прозе жизни.

— Вы о прослушках и видео? Я проверил, понимаю в этих делах кое-что. Вроде чисто. Меня обыскали, все неположенное изъяли, поэтому считают, что внутри помещения следить незачем, вот снаружи опекают плотно... Как вы думаете, долго меня здесь продержат? Карантин или?..

— Вы же телевизор смотрите? Значит, представляете, что за бортом творится. На самом деле, как вы правильно заметили в разговоре со своим послом в Москве, — это всего лишь пыль на верхушке айсберга. Тут процессы просто тектонические, каких Штаты не знали со времен Гражданской войны или «Нового курса» Рузвельта¹.

¹ «Новый курс» — обозначение экономических и политических реформ, проводимых Ф.Д. Рузвельтом, 32-м президентом США для вывода страны из «Великой депрессии» и за-

Вам бы еще европейской прессой поинтересоваться, там тоже такого... интересного найти можно, что я моментами и слов не нахожу. Хотя все же в Европах умные и просто неангажированные люди чаще попадаются. Например — проскакивают мысли насчет того, что нынешние и американская, и русская тактики всего лишь операция прикрытия какой-то стратегической цели, разгадать которую было бы чрезвычайно важно для интересов всего Старого Света. Глубокая мысль, вы не находите?

Лютенс немного подумал и ответил, что если автор этой идеи руководствуется «нормальной логикой», то тогда и паранойю можно объяснить с рациональных позиций. Например, предположив нечто вроде «сговора» двух великих держав. Или — вмешательство никому не известной «третьей силы»...

— Ну, если это ТАК на поверхности лежит, придется углубить, — задумчиво сказал Ляхов. — Впрочем, никакой разницы. Просто догадка одного умного человека никак на общий расклад повлиять не способна. Да хоть бы и тысячи... Я, собственно, зачем появился... Хочу предложить несколько идей для разговора с камрадом Ойямой. Тут, мне кажет-

хвата ею доминирующих позиций в мире путем отрицания политики «изоляционизма». Формально проводился с 1933 по 1939 г., но фактически — до самой смерти Ф.Р. в 1945 г. Включал в себя ограничение власти монополии банков и корпораций, внесение в жизнь страны элементов «социализма» и «тоталитаризма», агрессивную внешнюю политику, вплоть до провоцирования Японии на войну, объявления войны Германии вопреки мнению Конгресса, намерения поделить послевоенный мир между СССР и США (при доминировании последних), отстранив Англию, и т.п.

ся, нужно пойти на обострение, тем более что мы, похоже, на самих затейников вышли и догадываемся, как на них повлиять...

Лютенс понял, что имеет в виду «куратор». Те самые «круги», что вертели американскими президентами и большей частью мировой политической элиты, как им того хотелось, без малейшей оглядки на реальные интересы и судьбы что «своей» страны, что любой другой, и миллиардов населяющих Землю людей. Сбои у них случались до крайности редко, в двадцатом веке, пожалуй, только с Рузвельтом, Эйзенхауэром да кланом Кеннеди. Правда, после шестьдесят третьего года¹ «Система» самообучилась и начала пресекать подобные поползновения еще в процессе их вызревания у считающих себя слишком самостоятельными президентов, премьеров и даже диктаторов вроде Саддама Хусейна, Каддафи или, чуть раньше, иранского шаха.

¹ Ф. Рузвельт в тридцатые годы предпринял ряд экономических и политических мер, расходящихся с интересами транснационального финансового капитала, и тому пришлось срочно приводить к власти Гитлера для поддержания баланса. Д. Эйзенхауэр, главнокомандующий войсками союзников во Второй мировой на Западном фронте, став президентом, позволил себе ряд «недружественных» шагов по отношению к американскому и транснациональному ВПК, проводил независимую внешнюю политику, в том числе — в контакте с СССР твердо сдерживал агрессивную политику Великобритании, Франции и Израиля на Ближнем Востоке, начал «первую разрядку» в «холодной войне», наладив партнерские отношения с Н. Хрущевым. Д. Кеннеди после «карибского кризиса» занялся нормализацией отношений с СССР, серьезно ущемил интересы нефтяного бизнеса и «политических ястребов». Был убит в Далласе 22.11.63 г. Вслед за ним, в 1968 г. убит его брат Р. Кеннеди, баллотировавшийся в президенты и обещавший раскрыть тайну гибели брата и продолжить его политику.

Другое дело, что по «гамбургскому счету» лучшие аналитики «мировой закулисы» не тянули и на первый шахматный разряд, не умея предвидеть последствия своих действий даже на три хода вперед, отчего и глобальная ситуация в целом, и качество того питательного субстрата, на котором «Система» паразитировала, постоянно ухудшались. Вплоть до нынешнего кризиса.

— Обстановка таким образом слегка поменялась, и по факту нам уже и сам Ойяма не слишком нужен. Вопрос может быть решен, как мы, медики, выражаемся — радикально. Но сочтено полезным господина Ойяму в должности сохранить и всячески поддерживать. Просто в силу возникшей «зеркальности» на «мировой шахматной доске» теперь уже России невыгодна смута, могущая возникнуть на вашей вполне взрывоопасной территории в случае свержения законного президента и начавшейся дележки власти. С немедленной фашизацией Америки по лучшим немецким лекалам. А план такой существует, это я вам со всей ответственностью заявляю. И к чему это приведет...

При общей безбашенности и глубоко криминальном характере вашего общества факт наличия у Штатов ядерного оружия и военных баз по всему миру создает куда большую опасность, чем Россия начала девяностых... Сомали таких масштабов нам совсем не нужно.

Лютенс сначала хотел обидеться на столь жесткую и несправедливую характеристику своей страны, но, слегка задумавшись, воздержался. Если вспомнить про негритянскую, мексиканскую, мусульманскую, индейскую проблемы... Приплюсо-

вать сюда уровень общеуголовной преступности, число заключенных в тюрьмах, легальных и секретных, да еще учесть склонность вроде бы до идиотизма законопослушных граждан к вспышкам немотивированного насилия и тотальным грабежам во время самых незначительных природных или социальных катаклизмов (вроде внезапного отключения электричества в Нью-Йорке или наводнения в Нью-Орлеане), то Ляхов, пожалуй, прав.

Американское общество давно и тяжело больно вялотекущей паранойей. А вдобавок Лерой (разведчик все же, целый полковник) хорошо знал, что мало кто сравнится с американскими солдатами и офицерами в непрофессионализме, истеричности и готовности убивать направо и налево своих и чужих по любому поводу и без такового. Лишь только что-то померещится в темной комнате, условно говоря. Именно при контактах американских войск с союзниками родился термин «дружественный огонь»¹, которого не знала ни одна армия в мире, хотя, конечно, у всех всякое случалось. Но не как система.

— Если я правильно понял, вас больше устраивает превращение Ойямы в вашу марионетку при устранении его противников?

¹ Дружественный огонь, синоним — «фратрицид» — нанесение непреднамеренного ущерба собственным или союзническим войскам. Обычно происходит из-за незнания обстановки или вследствие плохой подготовки и неудовлетворительного морального состояния личного состава. По некоторым данным, во время военных кампаний последнего десятилетия потери вооруженных сил США и их союзников от «д.о.» составили до четверти всех безвозвратных и санитарных потерь. При этом практически не отмечено случаев, чтобы союзники «по ошибке» уничтожали американцев. Всегда наоборот.

— Пожалуй, это слишком грубо, — не слишком скрывая сарказма, улыбнулся Ляхов. — Зачем нам марионетка? Да и вам тоже. Всем нужен человек, реально представляющий смысл своей должности, подлинные интересы государства и народа, здраво оценивающий окружающую обстановку, видящий перспективы не в войне против всех, а во взаимовыгодном сотрудничестве...

— Ну, это уж вы чересчур хватили, Вадим Петрович, — ответил почти аналогичной усмешкой Лютенс. — Ангельские крылышки в комплект входят?

— Зря смеешься, товарищ Шеховцов, — назвал вдруг Лероя его российским шпионским псевдонимом Ляхов. — У нас процедура поиска нужных для любого конкретного дела идеальных исполнителей в свое время была довольно четко отработана. Особенно во время Отечественной войны. С каким составом полководцев начинали и с каким закончили? А как именно это делалось — книжки почитай. Наши, не американские. Уловил, что я хотел сказать?

— Очень даже уловил. Только из Ойямы Рокоссовский или Жуков не получится...

— Нам в Вашингтоне Жуковых и не надо. Адмиралов Ямамото тоже. Нужен просто здравомыслящий вменяемый человек. Слушай меня внимательно, мне особо недосуг, да и этот канал связи долго держать нельзя... Поэтому исходи вот из чего...

Ойяма пригласил к себе в кабинет Лютенса часа через два после того, как Ляхов закончил свой инструктаж. Лерой в очередной раз был удивлен чет-

костью и логической безупречностью приводимых «куратором» доводов и практических рекомендаций. Словно действительно выдающийся гроссмейстер разбирал отложенную на турнире претендентов партию и демонстрировал единственному слушателю весь веер вариантов и за черных, и за белых и тут же объяснял, какие из них следует отместить сразу, а какие обещают максимально прямой путь к победе или ничьей, смотря кто на что настроен.

Несколько раз Лютенс попробовал возражать, ссылаясь на объективную невозможность или вызывающую авантюризм предлагаемых решений, но Вадим Петрович немедленно приводил безупречные контрдоводы, основанные на реально случившихся в последние полвека почти аналогичных событиях.

— Я до сих пор пребываю в сомнении, — сказал президент, поглядывая на разложенные по столу бумаги, и доставленные Лютенсом, и какие-то другие, а также на экраны сразу двух включенных ноутбуков справа и слева от себя. — Считать ли вас просто курьером, выполняющим данное с непонятной пока что мне целью поручение? Данное неизвестно кем. Неизвестными людьми из несуществующей в нашей стране политической оппозиции? Или вы все же — перешедший на сторону врага двойной агент? А может быть, просто человек, введенный в заблуждение гораздо более опытным противником, находящимся внутри страны или за ее пределами? Или, наконец — истинный патриот, рискующий жизнью ради блага Америки. Видите, сколько почти равнозначных вариантов. Вы в состоянии развеять мои сомнения?

— *Dulce et decorum est pro patria mori*¹, — произнес Лерой, глядя в глаза президенту.

— Это вы, простите, к чему? — удивился Ойяма.

— Я читал, что именно эти слова произнес полковник Штауффенберг, когда его вывели на расстрел². Все же он мой соотечественник, не пожалевший жизни ради дела, которое считал справедливым. Я сейчас примерно в том же положении. Я понял, что ради сохранения мира на Земле и дальнейшего существования Америки, которой служу, следует рискнуть. Слава богу, что для этого не нужно никого убивать. По крайней мере — сейчас...

Последние слова прозвучали несколько двусмысленно, и президент вполне мог принять их на свой счет. Но, кажется, не стал этого делать. Просто прищурил глаза, отчего стал совсем похож на своего знаменитого предка. В конце-то концов, он сам (скорее повинувшись минутному порыву, а не длительным размышлениям) пришел к тому же выводу, что и этот прежде неизвестный ему лично офицер.³

¹ «Сладостно и почетно умереть за родину» (лат.).

² Клаус Шенк фон Штауффенберг, полковник вермахта, один из участников заговора против Гитлера, непосредственно осуществивший покушение 20 июля 1944 г. Расстрелян 21 июля.

³ Лютенс действительно армейский офицер, перешедший на службу в ЦРУ и продолжавший получать воинские звания уже в этой системе. Но последнее время в отечественных средствах массовой информации неизвестно откуда появилась мода называть «офицерами» рядовых американских «копов» (офицеры полиции опять избили и расстреляли черного подростка), хотя среди них и сержант достаточно редкий и высокий чин. А лейтенанты командуют районными и городскими отделами полиции, аналогично нашим полковникам.

— Вы таким образом оцениваете сложившуюся обстановку? — спросил президент. — И в полном объеме знакомы с доставленными вами документами?

— Да, так и оцениваю. С документами знаком. Перед тем как запечатать пакет на моих глазах, мне позволили их просмотреть. В любой нормальной стране этого было бы достаточно, чтобы арестовать всех упоминаемых там лиц, обвинить их в государственной измене и предать военному суду. Но у нас, что вы должны понимать не хуже меня, придется столкнуться с почти непреодолимыми препятствиями, и исход дела может оказаться совсем не в вашу пользу, господин президент.

У вас нет подчиняющихся лично вам силовых структур, пресса к вам явно недоброжелательна, что я с сожалением наблюдаю последние дни, а значит, и большинство американского народа завтра или послезавтра вполне искренне начнет считать вас исчадием ада. Конгресс и сенат тоже предпочтут вас, как выражаются русские, — сдать. С импичментом затруднений не будет, если те, кто контролирует эти органы народного представительства, сочтут данный шаг целесообразным. Но лично мне кажется, что вариант Рузвельта¹ больше соответствует нынешним нравам, чем вариант обоих Кеннеди. Тем более скоропостижную кончину тоже спишут на русских. Сейчас не то что полвека на-

¹ Президент Ф.Д. Рузвельт скоропостижно скончался якобы от инсульта 12.04.45 г. Вскрытие не производилось. В своих последних статьях и выступлениях Рузвельт последовательно проводил идею послевоенного устройства мира на принципах сотрудничества и мирного сосуществования СССР и США.

зад. Не потребуется даже предъявлять никаких доказательств. «Мы точно знаем, что это они!» — вот и вся доказательная база. «А кто не верит или возражает — тоже русский агент».

— Мне крайне неприятно с вами соглашаться, но в глубине души я чувствую, что вы правы. Но это значит, что никакой «великой американской демократии» больше не существует? — в голосе Ойямы прозвучали нотки, более подходящие ребенку, расстроенному тем, что ему вручили правильно сложенную конфетную бумажку без конфеты внутри.

«Эк тебя по мозгам шандарахнуло! — опять по-русски подумал Лютенс, эти переключения последнее время все чаще происходили у него автоматически, без участия сознания. Можно сказать — ситуативно. — И ведь всего лишь убедился, дядюшка, что в голом виде королева Демократия, которой ты поклонялся, страшна, кривобока, покрыта язвами и лишаями. Но главное — между делом приказала тебя, своего верного пажа и паладина, четвертовать. Так, на всякий случай. Обидно, понимаешь!»

Лютенс раньше не верил, что подобной глубины изменения убеждений немолодого, занимающего важный государственный пост человека могут происходить так быстро и, по видимости, достаточно легко. По крайней мере, следов душевных терзаний ни в словах, ни в поведении Ойямы не замечалось. Но напряженная работа мысли была видна, что называется, невооруженным глазом.

Ну а чего же он хотел? Чтобы Ойяма рвал на себе волосы, метался по кабинету и вздымал к не-

бесам руки, роняя с губ бессвязные слова, или с подъемом произносил художественно выверенный монолог в духе незабвенного принца Датского? Не те времена, или, точнее, в любые времена реальные люди, даже коренным образом меняя убеждения, делают это без внешних эффектов. А эффекты, монологи или «исторические фразы» придумывают за них историки и литераторы.

Сам ведь он тоже признал правоту Ляхова и, значит, фактически отрекся от всей своей прежней жизни на удивление легко. Правда, после пережитой клинической смерти. И еще — что ни говори, и он сам, и президент как бы не «стопроцентные американцы», оба несут в себе какой-то другой национальный код, пусть и старательно заваленный целыми горами стереотипов, идеологием, просто бытовых привычек страны пребывания.

Но разве мало известно случаев, когда пробуждается, например, внезапно некое чувство у глубоко ассимилированного европейского или русского еврея? Так остро пробуждается, что он бросает все, меняет данное ему от роду имя на совсем другое, ветхозаветное, и мчится в дикие края, чтобы «с винтовкой за плечами и рукоятками плуга в руках» возрождать «Эрец Исраэль»? По крайней мере, так случилось с сотнями тысяч людей меньше века назад. И прочел это Лютенс в случайно попавшемся на глаза жизнеописании Бен-Гуриона¹.

¹ Бен-Гурион, Давид (Давид Грин) (1886 — 1973) — фактический создатель «с нуля» государства Израиль, его первый премьер-министр и министр обороны, идеолог т.н. «практического сионизма».

Вот, очевидно, в момент политического и нравственного кризиса что у него, что у Ойямы на первое место тоже выдвинулись личностные качества тех народов, к которым они принадлежали генетически, а не в силу, так сказать, жизненных обстоятельств.

— Никакой демократии на самом деле не существует. Это просто удобное наименование того общественного устройства, которое в данный момент позволяет господствующему классу решать свои проблемы с минимальными, по сравнению с другими вариантами, затратами, — произнес Лютенс и сам удивился, какая изящная у него выстроилась фраза. А почему бы и нет? Маркс с Энгельсом, придумавшие так называемый «Исторический материализм», весь состоящий из подобных фраз, тоже ведь были немцами.

«Почему среди немцев так много философов? — тут же вспомнился старый анекдот. — А вы их женщин видели?» И перед глазами разведчика возник образ Рыси, как она запечатлелась на так и не стертых им фотографиях¹. Да уж, с такой о любой философии забудешь, при том, что она сама как раз почти «доктор философии». Вот ведь парадокс. А не оттого ли с ним произошел этот «душевный слом», что он просто-напросто по уши влюбился в «паранормальную девицу» и жизненный выбор сделал еще тогда, на улицах послепутчевой Москвы. И теперь его подсознание всего лишь старательно ищет наиболее удобный и надежный способ добиться от Рыси взаимности. А что — объяснение не хуже

¹ См. роман «Величья нашего зря». Т. 2.

прочих, более заумных. Антоний ради Клеопатры тоже от Рима отсекся.

— Разве не демократы в Афинах приговорили к смерти Сократа всего лишь за то, что говорил, что думает, «тем подавая молодежи пагубный пример»? И вас сейчас готовы ликвидировать примерно за это же. А между двумя событиями — двадцать пять веков развития «демократической теории и практики». Слава богу, ни на моей, ни на вашей, господин президент, исторической родине демократия и не ночевала до момента, пока и нас, и вас не оккупировали наши нынешние соотечественники. И двух поколений не прошло...

— Вы не слишком радикально решили менять лошадей на переправе? — пожевав губами, спросил Ойяма. Но осуждения в его голосе Лерой не услышал.

— Мне кажется, господин президент, это нас с вами решили поменять, — ответил Лютенс. — Не спросив нашего согласия. Вы, наверное, в курсе — я потратил почти полтора года, чтобы организовать свержение вашего русского коллеги, и очень много денег налогоплательщиков. Акция не удалась по очень простой причине — мы не учли, что желающих защитить своего Президента оказалось значительно больше, чем его противников. Вдобавок они оказались смелее и решительнее. Лидеры оппозиции клялись мне, что в нужный момент выведут на улицы Москвы миллионы протестующих, которые в одночасье сметут опостылевший режим. Как царский или «временный» в семнадцатом году. Каждый протестующий оценивался примерно в сто долларов. Для тех, кто должен был непосредствен-

но нейтрализовывать господина Президента, счет шел на десятки тысяч «зеленых спинок». Одновременно.

А сколько денег ушло на создание и поддержание должного уровня противостояния в российском обществе! И все напрасно. Я там был и все видел своими глазами. Теперь я должен ответить головой за то, что даже за пять миллиардов долларов русские не захотели сменить свой «всем ненавистный кровавый режим» на нашу оккупацию. Вы Достоевского читали? «Братья Карамазовы». Рассуждения Смердякова о том, что глупым русским нужно было сдаться умному Наполеону? Так вот — Смердяковых даже в либеральной Москве оказалось на удивление мало. И все денежки налогоплательщиков, потраченные на свержение режима, в итоге только укрепили его.

А теперь мы должны за все отвечать? Увольте! Я — фигура мелкая, «слон» или «конь», а вас, «короля», решили сменить потому, что не удалось так поступить с Президентом России. Дело не в том, что вы не то чтобы прямо отказываетесь повторить сценарий «кубинского кризиса», а в том, что зададите вопросы, на которые кто-то не хочет отвечать даже вам.

Подумайте, разве нормальный лидер нации, только что избегнувший уготованной ему участи и пользующийся поддержкой армии и большинства народа, поддастся на неуверенный шантаж? Он ведь действительно неуверенный, согласитесь. Нам нечем всерьез пригрозить русским. Разве только угрозой взаимного уничтожения. Какой в этом смысл? Я знаю, что ваш предок, выиграв войну

с русскими не так красиво, как ему бы хотелось, грубо говоря — с чудовищными бессмысленными жертвами, неоднократно просил императора позволить ему совершить обряд «сеппуку»...

— У вас неправильные сведения. Маршалу за победу над Россией пожалован титул князя и личного советника императора, — перебил Лютенса президент.

— Простите. Я не столь сведущ в истории Японии и вашего рода. Повторил, что слышал. Но это совсем неважно. Генерал Паттерсон ведь сказал, что Америка к настоящей войне не готова. И на подготовку уйдет не меньше года. Немцы, имея полноценную победоносную армию, уже покорив Европу, восемь месяцев расписывали по пунктам план «Барбаросса». Этого оказалось недостаточно и закончилось очень плохо. Беспилотниками и «Томагавками» войну не выиграть, потребуется несколько миллионов хорошо обученных и мотивированных солдат сухопутных войск. У нас их нет и не будет. Не сорок первый год на дворе, и люди в Америке живут совсем другие. Они в штыковую атаку не пойдут и не поведут в бой торпедоносцы без шанса на возвращение...¹ Значит, вас поставили перед ложным выбором. Неужели это вам не понятно?

¹ Реальные эпизоды боев на Тихоокеанском театре в 1941 — 1945 гг. Американские торпедоносцы и пикирующие бомбардировщики нередко атаковали японские авианосцы, неся практически стопроцентные потери. Из нескольких эскадрилий возвращались один-два самолета. Что характеризует мужество и боевой дух тогдашних американцев, после Кореи и Вьетнама полностью утерянный.

Ойяма промолчал, весь поглощенный раскуриванием очередной сигары. Он, нервничая, вчера и сегодня выкурил их больше, чем за предыдущий месяц, наверное.

— Знаете, первый канцлер Германской империи Отто фон Бисмарк при всей своей внешней неотесанности и грубости часто говорил умные вещи, достойные занесения в анналы. Вот одна из произнесенных им, не помню, по какому поводу, фраз: «Государственный деятель творить не может. Он может только дожидаться момента, когда раздастся эхо шагов Господних; вот тогда он должен сорваться с места и схватиться за край его одеяния». Мне кажется, сейчас как раз такой момент...

— Вы, вернее, ваши «консультанты» — и мои «друзья» предлагают совершить государственный переворот и превратить Штаты в тоталитарное государство? — по-прежнему без внешних эмоций спросил Ойяма, окутываясь клубами резко пахнущего дыма.

— Кто говорил о «тоталитарном»? Это уже плод ваших личных эмоций. — Лютенс явно дерзил человеку, стоящему неизмеримо выше его. Но сейчас его тон вполне отвечал ситуации. В случае неудачи общая участь их уравнивает. — Ни в коем случае, господин президент. О каком перевороте речь? Это ваши «оппоненты» УЖЕ спланировали переворот, и на смену вам придет настоящий диктатор. Латиноамериканского, скорее всего, типа. Те, от чьего имени я говорю, советуют всего лишь повторить действия своего русского «коллеги». Дождаться момента (очень близкого, кстати), когда переворот начнут другие, подавить его с максимальной быст-

ротой и жесткостью (я не говорю — жестокостью, хотя стоило бы), после чего начать реформы.

Еще один «Новый курс». Тут главное — не посягнуть ни на одно из прав и свобод «простого американца», «реднека»¹, напротив того — начать немедленное перераспределение большинства материальных благ «по справедливости», избавиться от мигрантов-паразитов, отменить всяческие велферы для собственных бездельников. «Кто не работает, тот да не ест».

— Начать строить социализм? — впервые за их долгий разговор усмехнулся президент.

— Последняя фраза — из Библии, прошу прощения. Не из программы большевиков. А американцы ведь чтут Библию?

— Смотря когда и в каком смысле. Новая Гражданская война нам не нужна. Да и не будет никакой войны. Нас уничтожат быстрее, чем мы начнем действовать. Вы не представляете, какие силы затеяли эту игру...

— А вот тут вы ошибаетесь, сэр. Эти силы — на самом деле мнимость! Они просто объявили себя «самыми крутыми парнями на раене», и все им поверили. Как говорил кто-то из моих русских приятелей — иногда достаточно хорошего удара прикладом в зубы, чтобы мозги встали на место.

При этих словах Ойяма поморщился, хотя с чего бы? Все его соотечественники последнюю тысячу лет считали именно такой довод самым убедитель-

¹ Дословно «красношей» (англ.). Аналог нашего слова «деревенщина», человек, работающий на земле своими руками.

ным. Долго им пользовались, а в последний раз сами стали объектом подобной процедуры.

— Очень может быть, что нам выпал редкостный шанс — немного исправить эту страну, — продолжал свою речь на грани «нейролингвистического программирования» Лютенс, — приблизить ее к тем идеалам, что декларировали (не берусь утверждать, что они были совершенно искренни) отцы-основатели. Вы же понимаете, должны были успеть понять, что сегодня в Штатах нет ни настоящего президента, ни сената, ни конгресса, ни независимых губернаторов, суда, прокуратуры. Ничего этого нет. Есть власть спрятавшихся в очень глубокую тень «денежных мешков», скорее даже морских контейнеров, набитых деньгами.

Хоть в одной стране мира — по-настоящему независимой, я имею в виду — возможен такой абсурд, как частная эмиссия денег? Я не слышал. Эти люди напечатали зеленых бумажек на сотню триллионов, и девяносто процентов их ничем не обеспечено. Вы как президент можете это прекратить и вернуть страну к нормальной финансовой системе?

Ойяма опять промолчал. В принципе Лютенс не говорил ничего такого, о чем он сам не размышлял бы постоянно, и не только в годы своей legislatury, намного, очень намного раньше. Только тогда воспринимал это как данность, как закон природы.

Америка — величайшее в мире государство, призванное руководить миром и человечеством. Для того чтобы выполнять эту миссию, она устроена таким именно образом. И власть, и финансовая система, и неизменная двести лет политика. Все

другие державы, некогда не менее великие, давно сошли с исторической арены — совсем как Австро-Венгрия — или превратились в третьеразрядные государства вроде Франции. Даже его Япония, по совести сказать, не более, чем пятьдесят первый штат, ничего собой, кроме относительно большого количества все той же черно-зеленой резаной бумаги на банковских счетах, не представляющая.

Но сейчас, в свете событий последних дней, все стало восприниматься совсем иначе. А если действительно решиться? Стать в один ряд с Вашингтоном, Линкольном, Рузвельтом? Превратить Америку в совсем другую страну. Большую, богатую, культурную, но обыкновенную! С настоящей демократией, настоящими правами человека (заслуживающего это звание), невмешательством в чужие дела. Если получится — подлинным, без «большой дубинки» в руке нравственным маяком остального человечества! Но...

Лютенс, казалось, за проведенное в обществе президента время научился легко читать его мысли. По почти незаметным сокращениям мимических мышц, скупым жестам, свистящему звуку втягиваемого сквозь зубы (по национальной привычке, от которой он вроде бы давным-давно избавился) воздуха. Но прежде всего, конечно, помогал проведенный Ляховым инструктаж. Не зря тот называл себя ясновидцем и специалистом по прочим мистическим процессам. Человек, умеющий ходить между мирами. Впрочем, Волович утверждал, что тоже может.

«Интересно, что с ним сделали после того, как Лерой сообщил «куратору» о его предательст-

ве?» — мелькнула не имеющая отношения к теперешним обстоятельствам мысль.

Вадим Петрович довольно подробно изложил, что должен говорить сам Лютенс и о чем, почти наверняка, будет спрашивать его Ойяма, какие доводы способен воспринять и чем приблизительно закончится сегодняшняя беседа. Имелись в запасе у Лероя и несколько эффектных трюков, способных подействовать на воображение человека, никак не подверженного легковерию.

— Вы наверняка хотите спросить меня, поскольку себе этот вопрос уже задали, — «Неужели желания одного человека достаточно, чтобы изменить двухвековую парадигму величайшей из сверхдержав, страны с населением в триста миллионов, но контролирующей еще три миллиарда людей на Земле?» И я вам отвечу — да. Это возможно. Более того, только так настоящие исторические повороты и совершаются.

Не будем говорить о нравственности или безнравственности того или иного исторического деятеля. Знак тут не важен, это дело вкуса. Линкольн сохранил единство Штатов ценой гибели нескольких миллионов человек, и он велик, хотя Конфедераты были совершенно в своем праве, не желая жить в одной стране с «янки». Гитлер почти без усилий превратил Веймарскую Германию в Третий Рейх. Просто знал «болевые точки» своих соотечественников. Ленин и Сталин свергли царя¹ и построили Красную державу, разгромившую Гитлера. То же самое можно сказать о Наполеоне,

¹ Это Лютенс так считает, а не автор.

Александре Македонском и прочих. Горбачев на наших с вами глазах сделал так, чтобы рассыпался в прах Советский Союз. Все остальное — парламенты, «экономические условия», «совокупная воля масс» — это уже вторично.

Главное — это вовремя услышать эхо шагов Господних. Даже мне кажется, что я их уже слышу.

— Вы опасный человек, Лютенс, и я снова не знаю, слушать ли вас дальше или вызвать охрану...

— Что вы выгадаете, сэр, и что рискуете потерять? Я сам по себе для вас опасности не представляю. Но мои слова вас пугают. Вы не привыкли думать в этом ключе. И я мало в чем могу вам помочь лично. Разве что умереть рядом, когда за вами придут... Как на днях приезжали за русским Президентом.

— А дальше? Вы явно сделали театральную паузу.

— Дальше? Я от имени людей, которые беседовали со мной так же, как мы сейчас говорим с вами, могу пообещать личную безопасность и полную поддержку во всех делах, которые вы сочтете полезными для Америки. Для себя эти люди не хотят ничего... Но это они сломали нашу игру в Москве и спасли русского Президента.

— Так не бывает. У каждого есть какой-то интерес. Большой или маленький, деревенский или глобальный. Один жаждет денег, другой власти, третий — славы! Чего хотят ваши «друзья»?

— Можете верить, можете нет — они на самом деле хотят мира на Земле и чтобы какая-то Америка не диктовала ни одному человеку, как ему жить, кого любить и во что верить.

— Идеалистический абсурд! — не сдержавшись, фыркнул Ойяма. — На самом деле, простыми словами, — они хотят, чтобы Россия заняла место США. Иначе просто не бывает. И вообще, кто, наконец, эти люди? Близкое окружение русского Президента или некое, теперь уже их «теневое правительство». «Двенадцать славянских мудрецов»?

— Иногда эти люди называют себя «Комитетом защиты реальности». И никакого отношения к властям России они не имеют. Я вообще сомневаюсь, имеют ли они отношение к этому миру. Но могущество их велико. Разве вы сами не убедились еще?

— Забавно, — едва слышно пробормотал Ойяма. Как там было написано в гексаграмме «Тай»? «Малое отходит, великое приходит. Городской вал опять обрушится в ров. Не действуй войском. В своем городе изъясляй свою волю! Упорство приведет к сожалению». — Вы говорите абсурдные вещи, Лерой. Однако отчего-то мне хочется вам верить. Возможно, потому, что Конфуций сказал почти то же самое. Но все же каким образом эти люди смогут мне... нам помочь, защитить нас и избежать при этом даже подобия гражданской смуты?

— От вас требуется только решительность на пути, который, я полагаю, вы уже избрали сами. Без моей подсказки. А пока вы будете идти по лезвию меча над пропастью, вас осторожно поддержат. И ничего больше. Ни клятв, написанных кровью, ни даже инструкций вроде тех, что наши послы раздают правителям союзных и дружественных нам государств. Просто помощь и защита от превратностей жизни. Еще раз прошу обратить вни-

вание, эти люди — сами по себе. Договариваться о чем-либо и заключать пакты вам придется с русским Президентом и его министрами. Если сохраните свой пост и голову, конечно.

Лютенс посмотрел на часы.

— О! Уже почти семь. Мне кажется, имеет смысл включить телевизор. Что еще интересного придумали ваши враги? Вдруг вы уже низложены?

— Ну и шутки у вас. Но я не против. Включайте.

Мелькнула заставка новостной программы, на экране появилась дикторша, обычно сравнительно миловидная для природной американки, но сейчас непонятно взъерошенная и даже перепуганная. Сразу было ясно — случилось нечто экстраординарное. Русские нанесли превентивный удар? Но тогда президенту доложили бы раньше...

— Страшная и необъяснимая катастрофа! — частила девица, сбиваясь и проглатывая отдельные слова. — Пятнадцать минут назад вертолет главы администрации президента США Кейтлин Мэйдэн взлетел из Вашингтона и, по дошедшей до нас информации, направился в Кэмп-Дэвид, где сейчас находится господин президент. Спустя четыре минуты, по словам очевидцев, он неожиданно изменил направление полета на прямо противоположное, теряя высоту прошел над набережной Потомака и врезался в опору Арлингтонского моста. После мощного взрыва обломки упали в воду реки. Данных о количестве жертв среди пассажиров проезжавших по мосту автомобилей пока нет, но, по словам очевидцев, вертолет полностью уничтожен взрывом. Вряд ли кто-нибудь мог в нем уцелеть

даже при огромном везении. Через несколько минут мы покажем первые снимки с места катастрофы. Официальных данных от полиции пока не поступало. Оставайтесь с нами...

Лютенс щелкнул кнопкой, вопреки просьбе дикторши выключая телевизор. Вот значит как. Получается, Ляхов за два с лишним часа знал о предстоящем? Или догадывался. Он ведь как сказал: «В девятнадцать часов включите новости. Может случиться нечто весьма неожиданное...» Именно так должны говорить ясновидящие, пифии, кассандры, дельфийские оракулы. «Может случиться». А может и не случиться. В любом случае едва ли «куратор» лично приложил к этому руку. По нормальным человеческим меркам подготовить теракт против одного из высших должностных лиц государства так быстро едва ли возможно. Надо было бы иметь своих людей в окружении именно Кейтлин, способных и готовых подложить бомбу и при этом самим остаться на земле. Простого авиатехника или охранника сагитировать на такое достаточно затруднительно, даже за хорошие деньги.

Впрочем... Ляхов и его сотрудники, умея дистанционно, за много тысяч километров, включаться в линии связи, могут, пожалуй, точно так же отключать системы управления самолетов и вертолетов. Но если да — то зачем им сейчас ЭТО?

— Что такое? — с побелевшим лицом повернулся Ойяма к Лютенсу.

— Понятия не имею, сэр. Но, кажется, она сказала, что «у вас нет трех дней»? Сработал принцип «Не рой другому яму»? Или вмешалась богиня Ама-терасу, защитив своего отдаленного потомка?

— Это не она, это Блэкентон... — машинально ответил Ойяма. — Кажется, ваши шутки сейчас не совсем уместны.

— А кто сказал, что это шутки? Ну, о мисс Блэкентон сообщений пока не поступало. Подождем. А разве вы приглашали Мэйдена сюда?

— Нет...

— В России говорят — незваный гость хуже татарина. А с татарами в старые времена в России происходили очень интересные вещи. Начиная с тринадцатого века по шестнадцатый... Я вам потом расскажу.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

олович почувствовал, что сознание возвращается к нему. Это было странное ощущение. Совсем не то что обычное пробуждение от сна, даже самого крепкого. Там все равно сохраняется некоторая связь с реальностью, пусть и искаженная. А сейчас он буквально выплыл из небытия, ничем не отличавшегося от смерти, как ее обычно описывают. Ничиль¹, и ничего больше.

И первое, что он ощутил из обычных человеческих чувств, — не стыд, а какую-то совершенно невыносимую досаду, обиду на весь окружающий мир, столь несправедливый к нему — только что посуливший новую прекрасную жизнь, а вместо этого... Вдруг всплыла в памяти фраза-команда из любимого с детства «Швейка»: «Бросьте его в сортир!»

Да, запах был тот самый...

Потом вдруг смутно увидел жесткое и презрительно-ненавидящее лицо Ляхова, cedящего страшные слова. Потому страшные, что раскрывалась в них истинная суть Михаила, и ни одно оспорить было невозможно.

¹ Nihil — ничто (лат.). Римская поговорка «Aut Caesar aut nihil» («Или Цезарь, или никто (ничего)», аналогична русской «Пан или пропал».

— Что ты дешевка и продажный писака, я с самого начала знал. Но девчонок, которые тебя выходили, кормили-поили — так спокойно, за три копейки, к смерти приговорить... Даже американцу, шпиону-церэушнику твое паскудство выдержать сил не хватило, сдал он тебя, не захотел грех на душу брать. Воры-законники таких, как ты, живьем в землю закапывают, турецкие султаны любили на тонкие колья сажать... Но я тебя убивать не буду. Слишком легко и просто. Я тебя в гости к товарищу Троцкому отправлю...

Волович слушал это, а чувствовал нечто похожее на то, что мог бы испытывать жених, удачно посва-тавшийся к дочке купца-миллионщика и уже после сговора пойманный будущим тестем при краже нескольких ассигнаций из небрежно оставленного на столе бумажника. Для очередной пьесы Островского сюжет.

Или можно иначе — он очень хорошо понимал в тот момент Шуру Балаганова, вместо уже почти наступившей «красивой жизни» влекомого милиционерами в ДОПР. Не будет у того пятидесяти тысяч рублей, и навсегда закрылись перед ним «врата великих возможностей». А ему, Михаилу Воловичу, почти миллиардеру и почти министру пропаганды Великой России, уготована еще более страшная участь. Хуже, чем пуля в затылок или долгая смерть на тонком; смазанном бараньим жиром колу.

Сразу вслед за этим он вспомнил, как его, публично обгадившегося уже и в буквальном смысле слова, две девушки, те самые, которых он предлагал господину Лютенсу ликвидировать, чтобы за-

владеть сокровищами столешниковской квартиры и открыть проход в «прекрасный новый мир», волокут, взяв под локти, по длинному коридору. Одна молча, а другая изобретательно матерясь по поводу необходимости таскать через весь дом семипудового засранца, да потом еще и выбрасывать ковры и дорожки, потому как «все-таки протекает».

И, наконец, вместе с магниевой вспышкой солнца, непонятно откуда возникшего в полутемном тупике коридора, Волович осознал полностью и окружавший его мир, и себя в нем. Такого, как есть, лежащего лицом вниз на грязной, поросшей короткой жесткой травой земле, со штанами, полными густой липкой массы, остывшей и отвратительным компрессом облепившей нежную кожу от поясицы и до колен.

В тот момент, когда с ним случилось это, немало объема кишечника был полон, что называется, под завязку. Вот «завязка» и не выдержала. Вдобавок спереди штаны тоже были мокрыми сверху до низу, хоть выжимай. И амбре вокруг распространялось прямо непереносимое вопреки известной поговорке, что свое не воняет.

Очевидно, когда приключается «медвежья болезнь», все отвечающие за аромат индолы и скатолы резко повышают свою концентрацию. Так и пот от смертельного страха сильно отличается запахом от того, что выступает у партнеров в процессе акта любви.

Все окончательно осознав и отрефлектировав, скрипя зубами и подвывая одновременно от злости, стыда и ненависти, он встал на четвереньки. В штанах бултыхнулось, и от приступа отвращения его

вдобавок вырвало. Раз, другой, третий, до горькой желчи.

Отдышавшись, Михаил увидел в нескольких шагах, под невысоким обрывом прозрачную речку с довольно быстрым течением. На другом, пологом песчаном берегу метрах в десяти от воды начинались кусты вроде бы орешника, переходящие в довольно густой смешанный лес. И тишина, только посвистывают в кронах невидимые птицы.

Не думая о том, что на дне могут быть коряги или иные опасные предметы (да и откуда им тут взяться?), Волович дополз до кромки обрыва, стянул с себя френч, видимо — инстинктивно, и всей тушей обрушился в воду. Речка оказалась очень холодной, несмотря на небольшую, метра полтора, глубину. Журналист от неожиданности пронзительно вскрикнул, но деваться было некуда. Стоя по грудь в воде, он стянул с себя туфли, штаны и то, что под ними. Опять судорожно сократился пищевод, хотя желудок был уже пуст, и он едва не отпустил свой изгаженный туалет в свободное плавание.

Долго отмывался, от пояса и до щиколоток, потом с песком стирал штаны, трусы, носки. И совсем ни о чем при этом не думал, вот совершенно, воспринимал мир конкретно, как какой-нибудь муравей, в пределах текущих секунд и данной точки пространства.

Только через полчаса или даже больше Волович начал включаться в новую реальность. Выстиранное барахло, только утром бывшее элегантным, с помощью неземных технологий изготовленным костюмом, а теперь потерявшее весь товарный вид,

сушилось, распыленное на ветках колючего куста. Михаил сидел голым задом на сложенной в несколько раз рубашке и грустно рассматривал превратившуюся в мокрый осклизлый комок пачку сигарет и бесполезную теперь зажигалку.

«Вот идиот, не догадался вытащить, когда пиджак снимал», — подумал он, и вот тут его разом, словно за обнаженный электропровод схватился, скрутило дикое отчаяние. Наконец, повторно и теперь уже на трезвую голову, он осознал, ЧТО на самом деле произошло. С фотографической точностью вспомнил минуты, предшествующие его появлению здесь, самые последние слова Герты. Они с Людмилой подтащили его, впавшего в полную проstration, к засветившейся в полутемной мастерской сиреневой рамке, за которой ярко сияла небесная голубизна.

— Ну, счастливого пути, засранец, — будто бы даже с участием произнесла валькирия, и вдруг он ощутил сильный, совсем не женский удар (аж позвоночник хрустнул) между лопатками, от которого головой вперед полетел в очерченный рамкой проем. — Удачи в новой жизни, да укоротит Аллах твои дни...

Вот же стерва, жаль, что не вышло Лютенса на нее натравить. Таких не просто убивать надо, таких, чтоб неповадно было, банде оголодавших в лесах моджахедов отдать на потеху...

Но мысль об изощренной мести мелькнула и ушла, вытесненная заботой о собственной судьбе. Что там приказал своим сучкам Ляхов — «выбросить на окраину Москвы, в двадцать седьмой год... В гости к Троцкому... Рабселькором... У нас не толь-

ко императорская Россия и «другая Америка», у нас и еще параллели имеются...»

Да что же это такое, на самом деле? Кто они такие, откуда все это узнали? Квартиру занимали «нехорошую», почище, чем у Булгакова, проходы разыскали в миры разные... Ну что он за идиот, в самом деле?! — Волович сжал голову руками и снова завыл, раскачиваясь, как хасид на молитве. Все ведь у него было! Даже когда переворот не удался, сумел отмазаться, в доверие, можно сказать, вошел, должность предложили. В самой середине тайн всяческих оказался. Денег вокруг немерено, если они даже не в сейфах, в обычных секретерах кубометрами лежали! Потерпел бы чуток, своим по-настоящему стал, законное право на переходы в иные миры получил...

Они все, и Ляхов, и девки его — быдло ведь тупое, доверчивое. Стоило покрутиться рядом с ними, поулыбаться, слова нужные произнести, ошибки кое-какие признать — вот и приняли за своего, министром пообещали назначить... Где им еще по-настоящему талантливых, креативных людей взять?

«Да нет, не так все!» — Волович вскинул голову, опять закрипел зубами, он умел это делать так (часто произвольно), что еще в студенческой компании особо нервные товарищи, кто посильнее его был, по шее давали. Уж больно громкий и противный звук получался, будто гвоздем по стеклу.

Он вовремя подслушал, что на самом деле Ляхов все про него понял и подруге своей рассказал, мол, мерзавец и подонок Миша Волович, сука, каких мало, предатель уроденный. Использовать

таких можно и нужно, по обстоятельствам, но относиться — как к гондону после употребления... Так и сказал, а Людмила, которой Михаил бы, позволь она, колени целовал, и выше все, хихикала при этих словах... И про фотокарточку Ляхов угадал (не мог же знать), что покопался Волович в ящиках письменного стола и нашел там конверт с фотографиями, на которых все их валькирии в разных видах были изображены, в том числе и совсем «ню».

Те самые фотографии, что делались в «оперативных целях» Майей по поручению Ларисы вскоре после прибытия валькирий на Землю и что Секонд передал Фесту, когда тот выбирал себе напарницу-связную. На одной из них Вяземская сидела на мраморном диване у бассейна в «термах баронессы Эймонт»¹ совсем голенькая, в позе андерсеновской русалочки на набережной Копенгагена.

Эту фотографию Волович, впад в вожделение, и украл, в расчете, что едва ли Ляхов просматривает свою коллекцию регулярно, да и пропажу одного снимка из полусотни психологически проще списать на что угодно другое, нежели похищение именно Воловичем за недолгое пребывание в квартире.

Да, угадал Фест. Оч-чень сильные чувства вызвала у Воловича девица, и рассматривал он ее фото почти каждую ночь, теша себя эротическими фантазиями. А если бы сейчас она попала ему в руки...

Но и эти мысли, на короткое время отвлекшие от ужаса текущего момента, тем же ужасом и были

¹ См. роман «Мальтийский крест».

смыты. Что толку мечтать о мести подлым девкам, если не представляешь, что с тобой самим тут сделают? Как бы не то же самое, хоть и в переносном смысле. А бросят в тюрьму, как шпиона, может случиться, что и в прямом. И о нравах троцкистских прихвостней и тогдашних тюрем он из литературы представление имел. Тем более из «мемориаловской» литературы, имевшей обычай многократно действительно творившиеся в Советской России ужасы преувеличивать. Мало им реально расстрелянного миллиона (а кто разбирался, сколько из них — за дело?), обязательно нужно сообщить, что двадцать, еще лучше — сорок!

Ну ничего, скоро Волович сам сможет убедить-ся, что там в тех книжках правда, а что за хорошее вознаграждение придумано. Тем более реальность все же параллельная, вместо Сталина — Троцкий и, как верно заметил Фест, — «все свои». Глядишь, и удастся как-нибудь договориться. Не дурак ведь Миша Волович, журналист от бога, и образование получше, чем у здешних «товарищей», пусть даже и Ильф среди них, и Петров, и Олеша с Катаевым, и Булгаков... Он про них все знает, они про него — ничего. Значит, фора есть. И профессиональная подготовка, плюс опыт целого века, очень непростого...

Главное, чтобы на уездном каком-нибудь уровне сразу в концлагерь не законопатили или к стенке не поставили. Да нет, не должны. Вид у него не тот. Любой, самый мелкий гэпзэшный начальник заинтересуется, что это за фрукт ему попался. И «наверх» доложит. А с теми, кто «наверху», он сумеет на нужном языке пообщаться.

Не то чтобы Михаил так уж повеселел, но врожденная приспособляемость сама собой включилась. Хоть на половину или даже на четвертушку, но он принадлежал к «избранному народу», а тому опыта выживания не занимать. Только в последнюю войну многим не повезло. Ну, здешние большевики все же «интернационалисты», в самом конкретном смысле этого слова, а не немцы и не поляки.

Весь его организм из всех сил перенастраивался на иную, научно выражаясь, парадигму¹: временно забыть обо всем, от низменно-желудочного до возвышенно-идеального (как Михаил вообще это «идеальное» понимал) ради единственной цели — выжить любой ценой. Не реагируя на возможные в будущем «тяготы и лишения», очередные сделки с совестью (кое-какие рудименты этой эфемериды сохранялись даже у него), заранее согласившись с необходимым и достаточным условием — «не останавливаться ни перед какими преступлениями, унижениями, лицедейством».

Прежде всего выжить, а там, мало-помалу, зависимо от обстоятельств, вернуться к привычному уровню потребления, а то превысить оный — бывали и такие случаи. Волович об этом хорошо знал по долгу профессии и врожденной любознательности. Те же самые «ленинские наркомы» («самое образованное в мире правительство», как писали в учебниках по истории партии, внаглую игнори-

¹ Парадигма (образец — др.-греч.) — исходная концептуальная схема чего-то, модель постановки проблем и их решения. Смена парадигмы в науке называется научной революцией.

руя тот факт, что там больше половины персонажей не имели за спиной даже полного курса гимназии), наголодавшись в ссылках и эмиграциях, попав на свои посты, первым делом приняли закон о собственном вещевом и продовольственном снабжении.

По десять золотых рублей в день только на прокорм, в раздираемой Гражданской войной стране, где на советизированных территориях полфунта сорного хлеба и половинка ржавой селедки считались «усиленным пайком». А товарищ Лариса Рейснер, комиссарша из «Оптимистической трагедии», генеральская дочь и любовница красного комфлота Раскольников, бывшего гардемарина, ванны из шампанского принимала. В кремлевской столовой черная икра и балыки подавались на столы пудами, особняки членов царской фамилии, богатейших купцов и промышленников, «деятелей культуры и искусства» вроде Кшесинской расхватывали в личную собственность, «для улучшений условий быта», как горячие пирожки с ливером на Хитровке, описанной Гиляровским.

Приводится в дневниках Константина Симонова такой случай из жизни «в разные дни войны». При Союзе писателей имелась очень хорошая парикмахерская, где трудился признанный мастер своего дела с дореволюционным стажем. Как-то собралась там небольшая очередь из уезжающих на фронт и вернувшихся с фронта корреспондентов. Разговоры велись, естественно, о том, кто где был, что видел и вообще исключительно на военные темы вплоть до стратегических. Тут парикмахер и спрашивает: «А как вы думаете, товарищи командиры, что на этой войне самое важное?» От-

веты посыпались самые разные: артиллерия, танки, авиация, боевой дух народа, гений товарища Сталина...

Мастер слушал, слушал, а потом и сказал, назидательно подняв палец: «Нет, товарищи. На этой войне главное — выжить!»

Много позже Константин Михайлович даже отразил этот эпизод в стихах: «Что самое главное — выжить на этой великой войне, // той шуточки бесстыжей не выжечь, как видно, из памяти мне. // Кто жил с ней и выжил, не буду за давностью лет называть... // Но шуточки самой не забуду, не стоит ее забывать»¹.

Последнего стихотворения Волович, конечно, не слышал и не читал. Когда он начал входить в сознательный возраст, Симонова, как и многих других, либеральная критика причислила практически к «врагам народа», в полном соответствии со словами Достоевского о том, что «либеральный террор хуже жандармского». Когда пришло их время, они просто поменяли имена в проскрипционных списках и начали преследовать инакомыслящих с гораздо большим азартом, чем агитпроп ЦК КПСС. Те функционеры делали порученное дело спустя рукава и часто — без всякого удовольствия. А наставники юного Миши, и вслед за ними вскоре и он сам, предались борьбе с «наследниками Сталина»² с азартом и целеустремленностью хомейнистских «стражей исламской революции».

¹ К. Симонов. «Зима сорок первого года». Сб. стихов «Война». «Разные дни войны». Дневник писателя.

² Название стихотворения Е. Евтушенко, написанного в 1961 г. по поводу изгнания тела тов. Сталина из Мавзолея.

Но о Симонове как человеке и писателе Волович знал достаточно, чтобы испытывать к нему не только злобу, но и зависть пополам с некоторым почтением. Все ж таки человек и две войны от звонка до звонка прошел, проявляя достойную мужчины храбрость, и шесть Сталинских премий имел (единственный из литераторов!), которые, как ни крути, зря не давались, а вдобавок несли с собой немыслимое, по сравнению с основной массой населения, благополучие. Пожалуй, тогдашние лауреаты жили даже получше нынешних московских «креаклов», именно по «разнице потенциалов» и самоощущениям. Многокомнатная квартира в центре Москвы, дачи в Переделкине и Гульрипше, личный автомобиль, длительные загранпоездки с хорошими валютными командировочными, ежедневные почти посиделки в «Дубовом зале» ресторана Союза писателей или в «Арагви»...

Все это на фоне прочего люда, жившего в перенаселенных коммуналках, что Высоцкий воспел, давившихся в трамваях, считавших копейки на ливерную колбасу в магазине и «макаронны по-флотски» в заводской столовой — куда круче, чем ставшие вдруг доступными Воловичу и его компании сибаритские утехы в каком-нибудь «Жан-Жаке». «Дешевка все это, милый Амвросий!» — как писал Михаил Афанасьевич Булгаков.

Ну, пусть не удалось ощутить себя истинным хозяином жизни (помешали в последний момент такие сволочи, как Ляхов и его шлюхи) там — попробуем здесь! Рабселькором меня захотели сделать — а вот хрен вам! Волович еще всех вас про-

даст, купит и снова продаст, но уже дороже. Он подумал именно так, не задумываясь, чьи слова повторяет.

На теплом ветерке и штаны, и прочее наконец достаточно высохли, только туфли никак не желали. Пришлось надевать как есть. Зато не скукожатся и не потеряют форму, даже наоборот.

Он снова ощупал карманы, одновременно озираясь по сторонам. Интересно, действительно поблизости Москва, или забросили его черт знает куда, в такое место, откуда хоть три года скачи, никуда не доскачешь. Тогда — «таки плохо», как говорил один одесский извозчик из дореволюционного еще анекдота¹.

В карманах ничего по-настоящему полезного не обнаружилось. Никчемная без сигарет зажигалка. Правда — настоящая «Зипо», недавно заправленная. Костер развести или поджечь что может пригодиться. Бумажник во внутреннем кармане с паспортом, водительскими правами, дюжиной кредитных и дисконтных карт. Умеренная сумма денег в российских рублях и нормальных американских долларах. Та самая роковая двадцатка из параллельных САСШ. Перочинный ножик, который он всегда носил с собой из-за наличия в нем маникюрных ножничек и пилочки. Расческа. И все.

¹ Разговаривают два извозчика, старый и молодой. Старый учит коллегу всяким премудростям профессии, как выходить из любого положения. Наконец молодой спрашивает: «А вот попали вы, скажем, в самую степь. За сто верст ни местечка, ни человека. Ось сломалась, а у вас ни топора, ни веревки, и деревьев вокруг нет. Тогда что делать? Научите». Старый почесал затылок, подумал и ответил: «Тогда таки плохо».

Да, еще золотые «Филип Патек» на золотом же браслете. Механические. Это, если сумеешь продать, — по здешним временам огромные деньги.

«Беретту» он выложил из кармана, когда вернулся домой с очередной прогулки. Да, может, и к лучшему. Фляжку для виски тоже оставил у себя в комнате. Собирался наполнить, да не успел. А жаль. Сейчас бы пара хороших глотков не помешала.

Так где он, все же? Непонятно. В «нормальное время» Москва обозначала себя бурым куполом смога днем и световым — ночью. Да и автострад, просто дорог, забитых автомобилями, вокруг было полно, и самолеты мелькали в небе, обозначая направление на любой из аэропортов.

А здесь — тишина, словно на краю света, за Уралом где-нибудь. Хотя вон там, вдалеке, виднеется что-то похожее на насыпь примитивной дороги. Как они здесь назывались — грейдеры¹, что ли? По таким дорогам Бендер совершал свой автопробег. И годы почти те же — в «Золотом теленке», кажется, тридцатый, здесь, как распорядился Ляхов, — двадцать седьмой. Почему, кстати? Не по ассоциации же со «Стульями»?

Волович в очередной раз тяжело вздохнул, словно прощаясь с прежней жизнью. А, хрен с ними со всеми! Голова на плечах уцелела — остальное приложится. И эти самые доллары — могут пригодиться, если сразу в тюрьму не законопатят. Он снял туфлю с левой ноги и спрятал в несколько раз сложенную купюру под стельку. Если очень тщательно

¹ Грейдер — профилированная и укатанная с помощью какой-либо техники грунтовая дорога, иногда с покрытием из гравия.

но станут обыскивать, с распарыванием швов и отвинчиванием каблучков — найдут, конечно, а при беглом досмотре — вряд ли.

Он обвел глазами окрестности и увидел над насыпью, слева, примерно в километре, отчетливый пыльный шлейф. Судя по скорости перемещения — автомобиль. Самые лихие тройки куда медленнее ездили, это только на картинах студии Грекова тачанки несутся с немыслимой скоростью, аж от земли отрываются. Бывало, наверное, и такое, но спринтерски, на дистанцию полуверсты или чуть больше. Лошадь — существо не слишком выносливое, ей силы на короткий рывок нужны, чтоб от прыжка подстерегающего хищника спастись, а в остальном степные скакуны шагом или неспешной рысцой миллионы лет предпочитали по пастбищам перемещаться.

А что за автомобиль? Кто на нем едет и, главное, куда? Если в Москву, так, может, подбросят? Правда, расплатиться ему нечем, не российскими же пятисотками и тысячами? Зажигалкой или ножиком можно, да жалко. Лишиться последнего, а тебя вдобавок в ближайшее отделение ГПУ привезут...

Волович замер в сомнении. Спрятаться под обрывом берега? А зачем? Дальше-то что? Он верно понимал, что легализоваться здесь, в эпоху НЭПа, судя по словам Ляхова, чекистского террора, да еще и троцкизма, ему не удастся. Способностями Остапа Ибрагимовича он не обладал, да и знания об особенностях данного времени, бытовой обстановке, манере держаться и говорить исчерпывались почерпнутым в книгах упомянутых уже Ильфа с Петровым, Зощенко и Булгакова. Ничего

серьезнее (в смысле практической пользы) читать не доводилось. И выдать себя за местного — шансов никаких. Лучше уж самому сдаться, грамотно и с расчетом, нежели быть арестованным как подозрительный бродяга. На шпиона он явно не тянет, но если райотделом ГПУ план именно по этой категории недовыполнен, сойдет и такой. Без суда и следствия. А выбирать все равно не из чего.

На самом деле представления о тех далеких годах у «демократического журналиста» были вполне банальные. В духе и на уровне «Детей Арбата» и рассказов Шаламова: «Половина страны сидит, половина сторожит». Интересно бы спросить автора этой чеканной формулы, кто в таком раскладе служил в армии, работал на заводах и в тех же колхозах, сидел не в зонах, а в очень неплохих ресторанах вроде булгаковского «Грибоедова», обслуживал «сидельцев», наполнял хоть какими-то товарами пресловутые «Торгсины» и в них отоваривался, писал книги, ставил спектакли и сочинял симфонии. Ну и так далее...

Михаил притопнул ногой, проверяя, плотно ли стала на место стелька, скрывающая его единственное сокровище, и трусцой побежал в сторону дороги, подбирая на бегу первые слова, с которыми обратится к аборигенам. Если, конечно, машина вообще остановится. И что будет потом? Какой из сюжетных вариантов: «Янки при дворе короля Артура»? «Попытка к бегству»? «Трудно быть богом» или «Эдем» лемовский?

Добежал до кювета на краю действительно открытого хорошо укатанным гравием, но узкого, едва двум машинам разъехаться, шоссе, остановил-

ся, одернул припахивающий, несмотря на стирку, отнюдь не «Шанелью» пожеванный костюм и стал ждать. Встречи с судьбой, литературно выражаясь. С Мойрами¹, если угодно.

Машина сильно походила на «Антилопу Гну» из фильма, но все же была посolidнее и поновее, матово-черного цвета, с двумя запасными колесами в нишах передних крыльев. Решетка радиатора у нее была хромированная, большущие каплевидные фары — тоже. Колеса с множеством блестящих спиц. «Не додумались еще сплошные диски штамповать», — мельком удивился Волович. Или — специально так сделано, для форсу. Что-то по здешним временам крутое, как бы не аналог позднейших «меринов» и «лексусов». В ней ехали трое — «шофер» в кожаной куртке, такой же фуражке-восьмиклинке со сдвинутыми на околыш противопыльными очками, именовавшимися «консервами» (отнюдь не в честь «Кильки в томате», а от латинского слова «охраняю»), и пассажиры, просторно разместившиеся на кожаном заднем сиденье. Один в штатском светло-сером плаще и нахлобученной на уши ворсистой кепке, другой в военной форме.

В тогдашних знаках различия Волович совсем не разбирался, но фуражка с малиновым околышем и васильковым верхом разу напомнила что-то виденное в фильмах, разоблачавших «эпоху большого террора». То самое ОГПУ? Или ГУГБ, черт его знает. Все как в русской поговорке: «Про серого речь,

¹ В греч. мифологии три дочери Зевса и Фемиды, богини судьбы. Клото прядет нить жизни, Лахесис распределяет судьбы, Атропос в назначенный час обрезает жизненную нить.

а серый навстречь». Да и кому тут разъезжать по бескрайним полям и лесам, «вдали от шума городского»? Не юным же нэпманским сынкам с подходящими по статусу подружками? Только начальству, партийному или чекистскому.

Автомобиль плавно остановился в пяти шагах от Воловича. Тот, что в форме, сделал повелительно-подзывающий жест рукой. Михаил подошел, стараясь держаться как можно более уверенно.

Военный (или чекист), у которого на таких же васильковых, как и тулья фуражки, петлицах помещались три рубиновых прямоугольника, с минуту держал паузу, будто ждал, что встреченный у дороги человек заговорит первым. Штатский в кепке начал закуривать, чиркая и одну за одной отбрасывая шипящие, но не вспыхивающие спички.

Волович выхватил из кармана «Зипо», щелкнул крышкой, поднес к папиросе высокий язычок пламени.

Человек затянулся, благодарственно кивнул.

— Не угостите ли? — как бы на равных спросил Михаил. Мол, я тебе одолжил, теперь ты...

Штатский протянул раскрытый портсигар. Волович взял толстую, явно дорогую папиросу (еще бы, станут пассажиры такой машины дрянь курить). Чекист (или военный) дождался, пока он тоже прикурит, потом движением пальцев показал, что зажигалку следует подать ему. Михаил подчинился.

И все это — без слов. Даже интересно.

Военный с тремя неизвестно что означающими геометрическими фигурами (странным для мужчины образом Волович милитаристской атрибутикой не интересовался. Современные ему знаки разли-

чия российской армии знал, и только) повертел зажигалку в пальцах, рассмотрел накладную эмблему «US NAVI», ничего ему, очевидно, не сказавшую, откинул крышку, понюхал фитиль, пожал плечами, закрыл и протянул Михаилу.

— У нас такие на Путиловском еще в Гражданскую делали. Только из латуни. Ну, что скажешь?

Волович жадно досасывал папиросу. Голова сразу закружилась, зато кулак, сжимавший сердце, вроде чуть ослабил хватку.

— Что скажу? Спасибо, если до Москвы довезете...

Это он пошел ва-банк. А если никакой Москвы на тысячу верст нет поблизости? Или она просто в другой стороне, и эти «из» едут, а не «в».

— Можем и довезти, места хватит, — радушно кивнул военный. И даже замок дверцы отщелкнул, повернув ручку. — Только на вопросик сначала ответьте — кем, собственно, будете и что вас сюда занесло?

Михаил чуть было не ответил, как привык в таких случаях: «Кем буду, только Господь Бог знает, а пока такой-то», но воздержался. Незачем обострять. В рассуждении ближайшего будущего.

— Да так, — неопределенно пожал он плечами. — Репортером недавно работал. Да вот заплутался по жизни, не пойму даже, куда и как попал...

— Пили сильно? — спросил штатский, слегка улыбнулся. — Дело знакомое. Запой на две недели, очнулся хрен знает где, чуть ли в не Усть-Сысольске¹, и карманы пустые и ничего не помнишь. Так?

¹ В наше время — Сыктывкар.

— Зажигалка вон сохранилась, — сказал военный. — И клифт совсем новый, пусть и пожмаканный до невозможности. В речку падал, в стогах ночевал?

— Всяко случалось, — не стал вдаваться в подробности Волович.

— Бывает, — сочувственно кивнул штатский. — Итак — имя свое хоть помните? И где работаете? Репортером...

Черт, ну и вопрос.

— Волович фамилия. Михаил... Иосифович. В «Актуальной газете», заведующий отделом...

— В «Актуальной», значит. Это где ж такая издается? В Берлине? Вместе с «Накануне»? Или в Югории где? В РСФСР точно нету. Даже подпольных... — Военный пристально посмотрел Михаилу в глаза. — Настолько плохо с головой? Шел в комнату, попал в другую. За полторы тысячи верст. Тоже не выходит. Пешком в таких башмачках не пройти, а на поезд без документов не сажают. Да и должны быть у шпионов документы, самые надежные. Хоть в «международный»¹ билет покупай...

— Нет, — как можно тверже ответил Волович. — Тут совсем другое. Мне нужно срочно попасть на прием к по-настоящему ответственному лицу из ОГПУ или ЦэКа партии... Имею крайне важную и секретную информацию...

¹ «Международный» — имевшее место в Советской России обозначение вагонов «повышенной комфортности», бывшие царские первого класса с одно- и двухместными купе увеличенной площади. Вместо второго нижнего места ставилось мягкое кресло.

— Вот как? Может быть, вам прямо к товарищу Менжинскому¹ надо? Или сразу к самому Троцкому?

— Это было бы лучше всего, — без смущения заявил Михаил, смутно помнивший, что Менжинский, кажется, сменил Дзержинского после его скоропостижной смерти. — Но, я понимаю, трудно сразу устроить. Поэтому согласен на встречу с любым человеком, имеющим право принимать самостоятельные решения и напрямую докладывать «наверх». Иначе крайне важная информация просто завязнет в бюрократических каналах.

— Грамотно выражаетесь, — похвалил штатский. — Видно, что образованный человек. И не с похмелья, прошу меня извинить. Как вы думаете — начальник отделения секретно-политического отдела центрального аппарата вас устроит? Сумеет разобраться в сути вашего дела?

Спрошено было без всякой иронии, явно заинтересованно. И сам штатский, и его напарник военный выглядели людьми серьезными и неглупыми. Явно приличнее тех чекистов, что он рисовал в своем воображении всю сознательную жизнь. Шаламов, Солженицын, Конквест² о таких не писали.

¹ Менжинский В.Р. — в описываемый период на ГИП и в «параллели» — председатель коллегии ОГПУ. В отличие от своего прототипа здесь носил звание «Генеральный комиссар ОГПУ». Троцкий ввел для отдельных категорий военнослужащих и сотрудников ОГПУ «персональные революционные звания» в 1922 г. в отличие от Сталина, сделавшего это только в 1935 г.

² Р. Конквест. Английский историк, автор весьма популярной в годы «перестройки» среди демократически настроенной части населения СССР книги «Большой террор», посвященной проблемам «сталинских репрессий».

— Сумеет или нет — это я угадать не могу, но если выслушает с вниманием и не станет сразу «Скорую психиатрическую помощь» вызывать — уже полдела.

Волович вдруг почувствовал себя на удивление спокойно. Совсем не по обстоятельствам. Видимо, от отчетливо проявившегося ощущения, что его здесь ни убивать, ни пытать не собираются, а, наоборот, возможны всякие благоприятные повороты сюжета. Случайно встреченные люди, оказавшиеся именно теми, кто ему был нужен, вполне их человеческий и даже человеческий облик, культурная речь... Слишком все это одно к одному, чтобы быть простым совпадением.

Не захотел брести пешком неизвестно куда — вот тебе тут же автомобиль. Упомянул про «ответственных людей» — случайно мимо проезжающие ими и оказались... Интересно как-то все складывается. Тут бы насторожиться? А смысл? С чего бы дальше должно быть хуже? Он перед нынешними властями ни в чем не повинен, а полезен может быть очень даже.

— Что я вам, гадалка? Я привык строгими фактами оперировать, в нашем деле без этого нельзя. И пустых обещаний раздавать не привык. Если б у вас гангрена на ноге оказалась — просто обязан был вас в больничку отправить, пусть и тюремную. То же и с душевными заболеваниями. Гангрена только самому больному опасна, а псих в нужной кондиции кучу людей заразить, а то и перебить может. Я понятно выразился? — завершил свою длинную, философическую, не лишенную литературной образности тираду чекист. — Так что са-

дитесь в машину. Я на переднее пересяду, а вы вот сюда, — указал он на свое место, рядом со штатским. — Кочура моя фамилия, Иван Стефанович. Про должность уже знаете. А это Соболевский Эдуард Сергеевич, тоже наш сотрудник, только из другого отдела...

Машина тронулась, Соболевский снова протянул Воловичу портсигар, и тот опять взял папиросу, поблагодарив кивком и улыбкой. Курить хотелось страшно, кажется, одну от одной бы прикуривал, как дежурный сантехник у них в редакции. Выпить бы еще! Он почему-то подозревал, что у вежливых товарищей нашлось бы, только Михаил постеснялся, что ему, в общем, было несвойственно. Просто раньше он всегда ставил себя заведомо выше собеседника, любого, а сейчас требовалось принять позу покорности. Вот доберутся до места, тогда можно будет спросить, в медицинских целях. Стресс, мол, совсем задавил...

— Может, сразу и начнете излагать? — предложил Соболевский, когда автомобиль набрал крейсерскую скорость около сорока километров в час и катился по грейдеру плавно, будто по новому асфальту на Тверской. Не зря предки на свои машины листовые эллиптические рессоры ставили, вместо амортизаторов, по здешним дорогам — самое то.

— Без протокола, — добавил через плечо Кочура. — Сразу обрисуется, чей вы клиент, наш или... — он неопределенно повертел над плечом правой рукой. — А может, вы пару глоточков принять согласитесь? Легче разговор пойдет...

И достал из «перчаточного ящика», бардачком в народе именуемого, флажку. Не какую-ни-

будь посеребренную, шагреновой кожей обтянутую, с инкрустациями и спецпробочкой-дозатором, а самую простую, армейскую, в сером шинельном чехле.

— Не побрезгуйте, коньячок армянский, пять звездочек, просто в стекле с собой возить неудобно, в дороге всякое бывает.

«Не отравят? — опасливо подумал Волович, — или химией какой угостят...» — и тут же вспомнил, что в двадцатые годы фармакохимия вроде до современных высот еще не поднялась. Да и сами хозяева выпьют, наверное.

— Чего же нет? Я после вас. Гостю первому невежливо...

Соболевский слева понимающе фыркнул, Кочура ничего не сказал, свинтил пробку и приложился как следует. Через плечо протянул Воловичу. Тот теперь чиниться не стал, тренированно заглотнул сразу грамм полтора, а то вдруг больше не предложат, благо через металл и чехол падение уровня напитка в посудине не видно.

Эдуард Сергеевич (из дворян, наверное, подумал Волович, имя-отчество такие, непролетарские) пить отказался. Не объясняя, просто сделал отстраняющий жест. Возвращая емкость Кочуре, Михаил словчился еще глотнуть. В желудке сразу запекло, а вкуса он, собственно, и не почувствовал. Зато голова поплыла должным образом. И настроение подскочило сразу делений на десять. Живем пока, а жизнь тут может оказаться еще поинтереснее, чем дома!

— Так мы ждем, Михаил Иосифович, — напомнил Соболевский.

Коньяк оказался более чем хорош и после всего пережитого ударил в голову не хуже тетрагиопентала или чего-то подобного. В смысле воздействия на речевые центры. Голова пока оставалась почти ясной, но язык распустился...

Впрочем, разговорчивость, сопряженная с некоторой развязностью, вроде как у Хлестакова, в минус человеку засчитывалась достаточно редко. Это Волович знал профессионально. Разве только претендент на серьезную должность в банковской сфере или там в административных структурах должен уметь демонстрировать сдержанность и, как говорится совсем в других кругах, «фильтровать базар». Поэтому он, не стесняясь многословия, начал излагать свою историю, должным образом препарированную и переформатированную. Он сразу признал, что попал в этот мир из будущего, причем параллельного (кратко обрисовав при этом теорию пространственно-временных континуумов, как представлял ее из популярных изданий).

Тут же пояснил, что о событиях вековой примерно, судя по автомобилю и употребляемой терминологии, давности представление имеет самое общее, школьный курс истории порядочно подзабыл, а специально послереволюционной эпохой не интересовался, поскольку все его интересы лежат во второй половине девятнадцатого века, да и то в основном в области литературы и прочих искусств.

Не стал упоминать о случившейся «дома» попытке государственного переворота, вообще постарался обойти тему государственного устройства

★ страны, из которой сюда попал. Сказал только, что мировой революции до сих пор не случилось и коммунизма тоже. Живем, одним словом, в условиях «конвергентного общества», где сочетаются элементы капитализма, социализма и иных формаций, научного обозначения не имеющих.

На это Соболевский со вздохом сказал, что ни к чему иному нынешняя половинчатая политика партии и не может привести, со всеми ее заигрываниями с частным капиталом и мелкособственническими инстинктами, махровыми цветами расцветшими при так называемом НЭПе. А также и с примиренчеством в отношении полумонархической, полудемократической Югории.

О том, что здесь такое запутанное внешне-и внутривластное положение, Волович не знал. Он слышал только, да и то больше между делом, без точной детализации, о параллельной Российской империи, откуда появлялись валькирии и кое-какие другие люди, но в подробности не вникал. Довлела днесь злоба его, то есть хватало повседневных забот, если перевести со старославянского. В самый последний момент заинтересовался возможностью сбежать вместе с Лютенсом на «ту» Землю, но — не сложилось.

А о том, что есть еще и другая реальность, такая вот, с троцкистской РСФСР, какой-то Югорией и Новой Экономической Политикой (накрепко связанной в его сознании с именами Ленина и Сталина), Михаил даже и не подозревал. Узнал в последние секунды своего пребывания в прежней жизни, да вот сейчас услышал от сотрудника карательной организации со знакомым названием.

Но собеседников Воловича гораздо больше заинтересовали не причины и поводы его попадания в их мир, а сам механизм процесса.

— Что, вот так просто можно взять и перейти на восемьдесят лет назад? — спросил Кочура, без большого, впрочем, удивления. Как о вещи, ему ранее неизвестной, но находящейся вполне в пределах технических и, так сказать, смысловых возможностей.

Это не слишком удивительно, ибо в стране, только что совершившей фазовый переход «из царства необходимости в царство свободы», живущей в условиях стремительного прогресса во всех областях (благодаря в том числе и всяческим новинкам, регулярно поступающим из Новороссии), грань между возможным и невозможным почти что и не ощущалась. Не зря Алексей Толстой начал свою «Аэлиту» с листочка объявления, посредством которого инженер Лось искал себе попутчика для полета на Марс. Первых читателей знаменитой повести сей литературный прием нисколько не удивил, время было такое — «больших ожиданий», как писал Паустовский. Не похожее на более позднее и забюрократизированное.

И песню не так просто придумали: «Мы покоряем пространство и время, мы — молодые хозяева Земли». Профессор Преображенский превращал дворянгу в товарища Шарикова, другой профессор, Богомолец, обещал Сталину вечную жизнь, за что был удостоен звания академика и собственного НИИ. Партийный деятель, писатель и по совместительству врач, Богданов подходил к проблеме бессмертия с другой стороны, возлагая надежды на

переливание крови. Циолковский пророчествовал о скором заселении космоса, философ Федоров вообще замахнулся на всеобщее воскрешение умерших. Такое было время...

Поэтому и вопрос был задан вполне практический, без неуместной ажиотации.

— Получается, что можно, — ответил Волович, — раз я здесь перед вами. Только едва ли я смогу объяснить, как это практически делается. Перед вами, как ни смешно звучит, — жертва несчастного случая и человеческой подлости в некотором смысле. Ну, чрезмерной доверчивости и ревности, как у известного Отелло, я допускаю, — слегка подправил оценку Михаил, увидев, как удивленно дернулась бровь чекиста при слове «подлость».

— Видите ли, я хорошо знаком с директором научного института, занимающегося всякими явлениями, либо отрицаемыми, либо недооцениваемыми официальной наукой. Теория параллельных пространств и связей между ними входит в круг их интересов. А я, как журналист, их деятельность от случая к случаю освещал... И вот надо же случиться, у этого господина Ляхова есть красавица невеста, которую он ко мне без всяких оснований приревновал...

Сидевший рядом Соболевский окинул взглядом непрезентабельно одетого и чрезмерно упитанного репортёра и не слишком вежливо хмыкнул, как бы соглашаясь с тезисом, что ревность в отношении «красавицы» была явно необоснованной.

Волович захотел обидеться еще и на него, но вовремя сообразил, что сейчас — неуместно. Просто пропустил междометие мимо ушей.

— Да, приревновал, и вместо того, чтобы выяснить все, как принято между воспитанными людьми, заманил меня в свою лабораторию и внезапно столкнул в некую дверь, ведущую, как оказалось, оттуда — сюда... Я свалился прямо в реку...

Соболевский снова, совершенно бесцеремонно и даже демонстративно втянул носом воздух и сказал, что, к сожалению, речки в Подмосковье не всегда отличаются чистотой. Некультурные селяне сваливают в них навоз и вообще всякую дрянь.

Это тоже можно было расценить как оскорбление, но... Не время, не время.

— То есть историческое, по всем признакам, эпохальное, можно сказать, событие так пошло переплетается с фарсом? — спросил Кочура, окончательно развернувшись на своем сиденье и, положив локти на его спинку, почти в упор разглядывая Воловича. Не боясь, что в столь неудобной позе на первом же приличном ухабе может опрокинуться назад и разбить себе голову о рамку ветрового стекла. — Как если бы Колумб в семейной ссоре получил от жены сковородкой по голове, обиделся, решил развеяться морской прогулкой и случайно открыл Америку?

— Знаете, хоть аналогия и хромает, но что-то в ней есть, — согласился Волович. — Несопоставимость причин и следствий...

А в голову его тем временем начало закрадываться подозрение, что не так все просто. В том числе и с чекистами. Ляхов же сказал, издеваясь, что попросит своих знакомых в этой параллели, видных чекистов и сталинских сатрапов, Агранова, Мехлиса и их куратора, какую-то Ларису, занять-

ся судьбой Воловича в этом мире. Что же за должность у этой Ларисы, если она может «курировать» таких увенчанных четырьмя ромбами¹ товарищей, как вышеупомянутые?

Впрочем, он вспомнил, что имя такое в разговорах между Ляховым и его подругами несколько раз упоминалось. Была она, кажется, женой одного из владельцев квартиры на Столешниковом, да и сама занимала какой-то важный пост в иерархии стоящих над Ляховым людей. С некоторыми из них он встречался, с Берестиным, например, с леди Спенсер, еще с кем-то, а эта самая Лариса ни разу не обозначилась, ни официально, ни в частном порядке. Впрочем, какое это имеет значение? Те люди работали в «имперской параллели», она, выходит, в этой. И еще другие есть, тоже со своими кураторами. Прочно пучок реальностей этим «Братством» схвачен, на самом деле полным идиотизмом было вообразить, что он что-то сможет им противопоставить. Нашли бы хоть на краю любого из доступных им «светов», никакой Лютенс и никакая личная охрана не помогли бы...

Хорошо, хоть жизнь оставили и в одиночку не посадили пожизненно. А так даже и необитаемый остров лучше пули в затылок или нескончаемой вони параши в сыром каменном мешке.

¹ Здесь у Воловича в мыслях некий анахронизм. Агранов в известной Михаилу истории хоть и носил спецзвание «Комиссар Госбезопасности первого ранга», но намного позже. Мехлис же получил звание «армейский комиссар» и четыре ромба только в 1938 г. при назначении начальником Политуправления РККА. В описываемое время Агранов — начальник ГУТБ ОГПУ РСФСР и «Комиссар госбезопасности» без ранга, Мехлис — вообще штатский, главный редактор «Правды».

Мысль о параше наваял, скорее всего, неистребимый запах от штанов. В бензине постирать бы, тогда, глядишь, выветрится. Доехать до места и выбросить все немедленно. А что за место и на что менять? Вдруг да на тюремную робу?

Почти ведь наверняка, думал он, эти люди посланы ему навстречу. Какая-то связь между мирами точно существует, иначе очень уж странным выглядит такое «совпадение» — два чекиста (подходящих специальностей, кстати) неизвестно зачем оказались именно там, куда вышвырнули обгадившегося (в обоих смыслах) Воловича. И совсем при встрече с ним не удивились. Ни обыска, ни проверки документов... И реакция на его появление из «параллельного мира» удивительно вялая.

— Но, знаете, вам всем придется поверить, что так оно и обстоит на самом деле, — продолжил Михаил. — Я в ваших разведке и контрразведке мало что понимаю, однако книг много читал, фильмов смотрел, умных и не очень. Азбука жанра — если агента забрасывают куда-то — его снабжают всем необходимым, и прежде всего надежной, способной выдержать доскональную проверку легендой. Разве не так?

— Так, так, — успокоил его Кочура. — Что еще скажете?

— Раз у меня нет ни легенды, ни снаряжения, ни даже самой примитивной информации о реалиях вашей жизни — какой же из меня шпион?

— Почему же обязательно шпион? — удивился Соболевский. — Бывали, знаете, случаи — преступников или просто нарушителей пиратских, скажем, законов сажали в шлюпку без всего и от-

★ талкивали от борта в видимости ненаселенных берегов. Выживешь — помучаешься, подохнешь — туда и дорога...

Волович давно чувствовал, что этот интеллигент в штатском настроен по отношению к нему куда негативнее, чем чекист в форме. Того ситуация, скорее, забавляла. Не принимал он ее близко к сердцу. Или — играют оба давно расписанные роли.

— Упускаете еще вариант, — сказал Кочура, — особо тонкий ход. Забрасывают такого, как вы сейчас есть, именно в расчете, что никто вас за шпиона не примет. Повозятся с вами для проформы и отпустят, как безвредного психа...

— Не выходит, — с сожалением и даже некоторым превосходством над не умеющим мыслить изящно чекистом сказал Волович. — Такой объект, — он ткнул пальцем себе в грудь, — из внимания никто не выпустит, на «вольные хлеба» не отправит. Какое же задание я смогу выполнять, если до конца, до моего конца, компетентные органы будут выяснять, что я и откуда. Даже если не шпион, а просто непонятный артефакт — все равно интересно. И дырку эту, через которую я к вам попал, — до пенсии искать станете. Или чтоб туда проникнуть, или чтобы отсюда законопатить надежно, если ксенофобией страдаете...

— Ксено... — это что? — не понял Кочура.

— Я потом объясню, — пообещал Соболевский. — Попросту — когда посторонних не любят...

— Да кто ж их любит? — согласился тот. — Значит, признаете, что поработать с вами придется плотно? — снова обратился Кочура к Воловичу. — А за исходное примем на веру слова, что попали

к нам случайно, без злого умысла... Что, конечно, ваше положение облегчает.

— Но не очень, — добавил Соболевский.

— Понятно, — обреченно вздохнул Михаил. — Дайте папиросу. Куда вы меня везете?

Хмель у него из головы выветрился почти совсем.

— И заодно уж — вы меня специально встречали?

Кочура усмехнулся и прищелкнул языком.

— В Москву везем, как и просили. Прямо в самый центр. Кое-какие формальности выполнить надо.

— Куда ж без них? — обреченно вздохнул Волович. — Не очень больно будет?

Соболевский от души расхохотался, Кочура сдержанно усмехнулся.

— Ну и представления у вас. ГПУ — организация правовая и гуманная, в пределах возможного. Тем более вы ведь сами требовали встречи с руководством. Вот и посмотрим, кто сейчас из руководства свободен и с вами встретиться изъявит желание. Ну а там — как сложится...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

 хали они ехали, а Москва все не начиналась. По сторонам дороги тянулись сосновые и березовые перелески, то и дело прерываемые полянами, на которых помещались деревни, мелкие, дворов на десять-пятнадцать и не особо зажиточные, судя по вразброс стоящим избам, крытым не то камышом, не то почерневшей от времени соломой. Правда, раз проехали через селение покрупнее, с церковью на холме и несколькими порядками уже не изб, а скорее домов, хоть и бревенчатых, но просторных, иногда и в два этажа, с мезонинами и мансардами, под темно-серой от времени и частых дождей дранкою или, по-местному, щепой. Имелись даже почтовое отделение, две лавки (типа сельпо) и «Чайная с подачей водки и пива». Скорость машины позволяла рассматривать мельчайшие подробности окружающего мира.

Такие точно деревни сохранились в Подмоскowie и в начале XXI века, попеременно с роскошными дворцами «новорусского стиля», где Воловичу доводилось бывать не раз и не два.

Крестьяне и крестьянки, попадавшие на глаза, удивляли своей, как бы это сказать, «дремучестью». Бороды и картузы мужиков, платки баб, остальная

одежда и обувь (даже лапти Волович увидел впервые в жизни) напоминали не просто о дореволюционном времени, а о прошлом и даже позапрошлом веке (относительно здешнего двадцать седьмого года). И лица были — словно бы даже и не русские, грубыми чертами и странным выражением наводящие на мысли о бесследно сгинувших мерянах, вогулах или «чуди белоглазой». Ни за что не скажешь, что эти люди уже десять лет живут в социалистическом, первом в мире государстве рабочих и крестьян. Не отражается на них эта высокая сопричастность.

Вот у его попутчиков лица вполне нормальные, и в современной Михаилу Москве на улицах в глаза бы не бросались.

Вообще здесь, по прикидкам Воловича, давно должен был уже начаться город, обжитые районы, докуда метро еще при Советской власти дотянулось — Речной вокзал, Водный стадион, Сокол. Сокол — это вообще уже центр. А они уже и Окружную дорогу пересекли, а вокруг все деревни да перелески. Первые приличные двух-трехэтажные дома появились только после Ходынки, то есть здесь — Центрального аэродрома, над которым в небе кружили два биплана. А за ними с набором высоты, натужно гудя моторами, на запад направился двухмоторный пассажирский самолет, размером немного больше древнего «Ан-2».

— «Юнкерс», — сообщил Кочура, провожая самолет взглядом. — На Берлин полетел.

— И долго ему туда лететь? — поинтересовался Волович.

— Часа четыре, кажется. Или пять.

- И туалета нет, наверное?
 - Чего?
 - По нужде сходить, если припрет?
- Чекист захохотал.

— Вот, слушай, не интересовался. И вправду, за пять часов прижать может. В ведро, что ли, облегчаться? Особенно дамочкам. Потеха. Приедем, обязательно у ребят из транспортного спрошу, как там это устроено...

— Кто билеты берет, предупреждают, чтоб с утра ничего не ели и не пили, — серьезным тоном сообщил Соболевский. — Дело вкуса, так сказать. Хочешь — сутки в поезде, хочешь — быстро, но терпи.

— Я б лучше в поезде. И поспать можно, и выпить-закусить, и снова поспать. А тут гудит, трясет, навернешься, не дай бог, в буквальном смысле костей не соберут. Ну его на... — махнул рукой Кочура.

За интересным разговором и не заметили, как все же въехали в настоящую Москву. Ленинградское мощенное булыжником шоссе вдруг превратилось в широкую, обсаженную липами магистраль. Справа мелькнул строящийся стадион «Динамо». Вспомнил Волович один из фельетонов Ильфа, где тот писал, как на этих двух километрах киношники «Мосфильма», собрав чуть не все автомобили столицы, снимали «уличное движение в Нью-Йорке».

Машина ехала невероятно медленно для Михаила, едва тридцать километров в час, зато можно было рассматривать жизнь в ее колоритных деталях.

Пересекли Беговую улицу, далеко справа мелькнули купола церкви на Ваганьковском кладбище (тоже тогда самая-самая окраина), впереди замаячили корпуса Белорусского, здесь пока — Брестского вокзала. Началась Тверская-Ямская, переходящая в просто Тверскую, будущую улицу Горького, потом снова ставшую Тверской же.

Михаил жадно смотрел по сторонам, забыв обо всем лично с ним случившемся. Интересно ведь, настоящее приключение! Вот как, оказывается, москвичи жили девяносто лет назад, пусть и не совсем в той, но почти неотличимой реальности. И это не старая поцарапанная кинолента, вроде какой-нибудь «Папиросницы из Моссельпрома», а самая что ни на есть реальность, со всеми ее звуками и не совсем приятными запахами.

Улица вдвое уже, чем в его время, кое-какие дома кажутся знакомыми, но большинство — совсем другие, довольно затрапезные, без сожаления снесенные при реконструкции. И мощение в основном булыжное, даже в центре, тротуары — узкие, как «сейчас» на Петровке или Кузнецком, только-только двоим разойтись, зато липы вдоль бордюров растут, высокие, с густыми и пышными кронами.

Вывесок очень много, над магазинами, лавчонками, питейными заведениями и столовыми. Все больше государственные, но есть и частные — НЭП как-никак. Примитивно все до предела. Просто название и вид занятий написаны масляной краской по загрунтованной жести или щиту фанеры. В витринах какие-то аляповатые муляжи, страховидные манекены. Круглые афишные тумбы на углах кварталов, с конусообразными навершиями из бурого

кровельного железа, для защиты «рекламы» от дождя. В каждом квартале синие и желтые фанерные киоски «Пиво-воды», «Папиросы-табаки», «Мороженое».

На улице людно, но и здесь обстановка, вызывающая странный душевный раздрай. Вроде все это видел Михаил в кино, на рисунках знаменитого не меньше писателя Зощенко художника Ротова. Но внутри ожившей карикатуры ощущения очень неуютные. Любопытство исчезло, опять охватила жуть при мысли, что вот тут, с этими придется сосуществовать. Жизнь прожить и умереть году к пятидесятому, дремуче-сталинскому, да и то, если войны не будет. Они считают себя живыми, спешат по каким-то своим делам, толпятся у ларьков и магазинов, гроздьями висят на подножках до невероятия переполненных трамваев, ползущих ровно со скоростью пешеходов. Но ведь никого из них давно уже нет на свете. Как, впрочем, и сидящих рядом «попутчиков».

Воловичу стало сильно не по себе, возможно, кроме межвременного перехода подействовал и выпитый на абсолютно пустой желудок коньяк. Без закуски.

Но он продолжал смотреть, жадно, как провинциал, в советское еще время чудом попавший на спектакль легендарной «Таганки», когда в ней играл Высоцкий.

Здесь тоже будто режиссер Любимов потрудился. И люди вокруг, на расстоянии вытянутой руки, странные, и одеты странно. Мужчины или в сапогах, или в парусиновых полуботинках, брюках узких и коротких, едва до щиколоток. Многие в «тол-

стовках» или рубашках, похожих на нижние, без воротничков. Все в головных уборах — кепках и картузах в основном. Кое-кто в шляпах и даже тюбетейках. Вроде как Горький на одной из фотографий. Женщины тоже не блещут разнообразием нарядов.

Обратил он внимание на уличный трафик. Легковых автомобилей встретилось всего три. Значит, и ему, если вообще жив останется, ездить вместо такси и иномарок премиум-класса в кособоких пролетках, запряженных лошадьё-доходягой с брезентовым фартуком под хвостом, чтоб «санитарию не нарушала»?

Да еще у них же здесь карточная система на все. Не зря Ляхов сказал: «До трех пудов похудеешь, доппаек выпишут...» А три пуда — это сорок восемь килограммов? Значит, на шестьдесят похудеть, да не в фитнес-клубе, под руководством специалиста, у которого сеанс голодания стоит вдвое дороже, чем ужин в хорошем ресторане, а от голода самого натурального, мучительного и безнадёжного...

Волович совершенно упустил из виду, что в РСФСР шесть лет уже проводится Новая Экономическая Политика, которую Троцкий придумал еще раньше, чем Ленин. То есть в буквальном смысле никто не голодает, просто количество и качество потребления различается в разы. Но это уж — «каждому по труду»!

При этом Лев Давыдович не собирался, как Сталин, все силы и средства бросать на индустриализацию. Это дело долгое и немедленных, ощутимых и съедобных плодов не сулит. Надо сделать так,

чтобы народ ощутил все прелести Советской власти немедленно. И возможности для этого есть. Тяжелой индустрией пусть займутся братья по классу, в промышленно развитых странах. Сам ведь Ильич писал: «Россия в силу тех-то и тех-то условий выступит локомотивом Мировой революции. Но после ее победы снова окажется наиболее отсталым в экономическом смысле, аграрным по преимуществу государством, не сравнимым с Германией, Англией, САСШ». А ей и не надо стремиться стать «передовой». Главное, чтобы она стала достаточно удобной для жизни большинства населения, а Москва и Петроград будут идеологическими центрами и резиденцией «Штаба Всемирной республики труда», откуда и будет изливаться на остальное человечество «свет истины».

Так что Троцкий в сложившихся условиях был совсем не тем человеком, что из него получился в условиях проигрыша борьбы за власть сначала в СССР, а потом и в Мировом коммунистическом движении. И совсем не тем, каким его изображала советская, да и постперестроечная пресса. Все было гораздо сложнее, взять хотя бы ту тонкую игру, что он вел с белогвардейской, но крайне полезной для существования РСФСР Югославией.

Впрочем, об этом Воловичу еще только предстояло узнать.

А пока лицо его настолько изменилось, что чуть-чуть разбиравшийся в тонких душевных движениях «клиентов» и «пациентов» Соболевский заботливо спросил:

— Вам, я вижу, у нас не понравилось? Вполне понимаю. Мне, наверное, в революционном Пари-

же тысяча семьсот девяносто третьего тоже было бы не по себе. Но успокойтесь. В центре — на Кузнецком, Петровке, в Столешниковом жизнь совсем другая. И люди побогаче одеты, и рестораны очень неплохие есть. Вас же это в основном зацепило?

С самым жалким видом Михаил кивнул. Он себя чувствовал сейчас как в очень далеком восьмидесят шестом году. Родители отправили его в пионерский лагерь на Истре. И так ему там сразу не понравилось, что он проплакал весь день, прижимаясь к воспитательнице, которая его старательно утешала. И пусть слова утешения ничего в его положении не меняли, так и пришлось отбыть весь срок, но на минутку все же становилось легче. Тогда, наверное, юный Миша и возненавидел социализм и все с ним связанное, в том числе и лагеря, хоть пионерские, хоть исправительно-трудовые, в которых ему, по счастливому стечению обстоятельств, побывать до сих пор не довелось. По мере взросления и соответствующего воспитания он оформился в «настоящего диссидента», ненависть к лагерному социализму перекинулась и на Россию в целом. Он помнил, что большинству его сверстников пионерская жизнь нравилась. А раз так — значит, Россия страна рабов, зэков и вертухаев, независимо от текущего политического устройства.

И еще больше настроение ему испортило случайное упоминание о Столешниковом с его «нехорошей квартирой». С нее все началось... А где и когда закончится?

— Рестораны, — горько сказал он. — Как будто кто-то меня в них пустит, и откуда у меня возьмут-

ся деньги? Вы же меня сейчас где-нибудь запрете и, боюсь, надолго. Разве не так? У вас тут времена суровые, посложнее наших. Классовая борьба и все такое... Сами же вы — «аппарат пролетарского принуждения и насилия». Это не я придумал, — тут же начал отрешиваться он от слов, могущих показаться чекистам обидными, — это то ли Владимир Ильич, то ли Феликс Эдмундович писали...

— Неужто почитывали? — заинтересовался Кочура и, чтобы поддержать гостя, снова протянул ему фляжку. — Не стесняйтесь. Вы нам нужны в бодром расположении духа и полной готовности к сотрудничеству без всякого принуждения, а тем более — насилия. Вот вы не поверите, а ГПУ — пожалуй, самая гуманная организация в РСФСР... — И в ответ на недоуменный взгляд Воловича продолжил: — Любой другой наркомат, а уж тем более — частный трест или синдикат заинтересован только и исключительно выполнении своих уставных обязанностей да извлечением прибыли. Хозрасчет, знаете ли... Мы же, будучи тем самым, что вы сказали, просто обязаны относиться к людям гораздо лучше того, как они о нас думают. Ни в коем случае не нарушать прав и законных интересов, ибо человек обиженный склонен преувеличивать степень собственных неурядиц и винить в них тех, кто, по его мнению, является их причиной...

Видно было, что Иван Стефанович цитирует наизусть и без запинки то ли речь какого-то вышестоящего товарища, то ли должностную инструкцию.

— Так, ребенок в кресле зубного врача ненавидит самого врача и бормашину в его руке, но

никак не себя, неумеренно потреблявшего сахар и конфеты...

Тут вступил и Соболевский:

— Знаете, рассказывают такую историю. Когда царь Николай Первый назначил Бенкендорфа шефом жандармов, тот спросил, каковы будут его главные и первоочередные обязанности...

Сделал паузу и хитро посмотрел на Воловича.

— Ну, угадайте...

Михаил растерялся. Надо же, большевики-чекисты, а Николая Палкина вспоминают.

— Я как-то даже и не знаю... Ну, крамолу искоренять, декабристов новых вовремя выявлять... Чем еще жандарму заниматься. О! — вспомнил он читанные на филфаке литературоведческие труды: — За Пушкиным и Лермонтовым, вообще интеллигенцией следить... Чтоб за рамки не выходили.

Соболевский довольно растянул губы в улыбке.

— Не угадали. Николай Павлович извлек из кармана белоснежный платок и протянул Бенкендорфу: «Возьми. Первым делом утри слезы всем униженным и оскорбленным...»

— Про униженных — это, скорее, Достоевский, — не сдержал своего ехидного нрава Волович.

— Значит — у него Достоевский это и позаимствовал, но не суть важно. Главное, вы поняли, в чем высший смысл нашей деятельности.

— Так где Бенкендорф и где ВЧК-ГПУ?

— А никакой разницы, — ответил Кочура, отбирая у Воловича фляжку, к которой тот приложился уже второй раз. — Страна одна, люди одни, значит, и инструмент похожий. Вчера «третье отделение», сегодня ГПУ, завтра...

— МГБ, — снова ляпнул Михаил.

— Как-как?

— Министерство государственной безопасности...

— Тоже нормально, — одобрил Кочура. — Главное, что доску всегда строгают рубанком, хоть в розовый цвет его покрасьте и бантики привяжите... Да мы уже и приехали.

Еще несколько кварталов — и водитель резко крутанул руль. Машина, чуть не зацепив какой-то тарантас, проскочила в устье Кузнецкого моста. Тот почти не изменился. Те же самые дома по сторонам, та же брусчатка. Люди здесь и вправду одеты получше, движутся не спеша и с достоинством. Витрины сияют хорошо вымытыми хрустальными стеклами. Как у Маяковского: «От мух кисея, сыры не засижены. Лампы сияют, цены — снижены!»¹

Только на углу Большой Лубянки вместо серой восьмиэтажной громады «нового», построенного в начале восьмидесятых корпуса КГБ — длинный желто-бурый дом с окнами первого этажа почти на уровне тротуара и темными зевами туннелей-подворотен. По книгам «Мемориала» Волович помнил, что здесь помещалась зловещая «приемная НКВД», возле которой тысячи (!) несчастных людей сутками стояли на морозе, чтобы узнать о судьбах своих невинно арестованных близких.

Волович, при всех своих недостатках, моментами умел размышлять здраво и логически правильно. Поэтому и подумал, что расхожая, нужная

¹ См. В. Маяковский. «Хорошо!»

в пропагандистских целях «страшилка» скорее всего тоже вызванное эмоциями и аберрацией памяти преувеличение. Даже в самый разгар «Большого террора», в тридцать седьмом — тридцать восьмом годах едва ли каждую ночь арестовывали «врагов народа» тысячами. Во всех тогдашних московских тюрьмах столько мест нет, да учитывая уже сидевших там уголовников. Если считать, что за три, допустим, года было арестовано полтора-два миллиона человек по всей стране, это, выходит, не больше тысячи в день, от Минска до Владивостока. Население Москвы — процента три от населения СССР, значит, пропорционально возьмем... Полсотни выйдет, с самой большой натяжкой. Да и оперсостава на большее число попробуй найди.

Все эти расчеты он произвел в уме мгновенно, в очередной раз убедившись, что вся его и его друзей «правозащитная» и «антиправительственная» деятельность — то самое, что Розенберг, по-другому, впрочем, поводу, назвал — «Миф двадцатого века»¹. Начатая предшественниками, может, и из благих побуждений, но все равно под влиянием антисоветской и антироссийской пропаганды, эта «идеология» быстро превратилась в способ зарабатывания легких и больших забугорных денег.

Особенно сейчас. При Советской власти диссидентов хоть сажали иногда, а ныне нужно со-

¹ «Миф XX века» — второй по значимости теоретический труд в нацистской Германии. Автор — А. Розенберг, зам. Гитлера по идеологии. В 1946 г. повешен по приговору Нюрнбергского трибунала. В этой книге Розенберг разъясняет суть и смысл расовой теории, отвергает основные догматы христианства и европейской культуры.

вершить нечто из рук вон (за что в «колыбели демократии» пожизненное дают), чтобы присесть на годик-другой, и скорее всего — условно.

А когда наконец хозяева попросили безмерно отваливаемые денежки слегка отработать — Президента всего-навсего свергнуть, — не сумели. Дикие арабы своих пачками пускали в распыл, а «самые креативные» — облажались. Сколько-то реальных боевиков убитыми и арестованными потеряли, остальные по щелям расползлись, ожидать, когда за ними придут. А его самого аж вон куда закинуло!

Действительно, не начитался бы в свое время всяких книжонок, начиная с огоньковских статей, не слушал круглосуточного нытья родителей по поводу вечного дефицита и бесконечно длящегося сталинизма и антисемитизма, жил бы себе и жил. Не так, может, богато и увлекательно, без грантов и командировок во все концы света «за счет принимающей стороны», так все же в своей Москве, а не в этой...

Автомобиль прогудел многотональным пневматическим сигналом, глухие железные ворота раскрылись, и Волович оказался внутри этого легендарного здания, мимо которого большую часть «сознательной» жизни ходил со злобой, ненавистью и страхом. Иногда — инстинктивно втягивая голову в плечи. Обычно — когда что-то демонстративно-вызывающее против властей учинял. А его эскапад словно бы и не замечали. Что еще больше раздражало.

Соболевский, не прощаясь, вдруг куда-то исчез, растворившись в лабиринтах огромного зда-

ния, а Кочура через несколько постов сопровождал Воловича до высоких двустворчатых дверей в самом конце коридора пятого этажа, обитых вишневой натуральной кожей. («Невинных жертв», промелькнула привычно-ерническая мысль, но здесь как-то самому от такого черного юмора тошно стало). Никакой таблички с фамилией и должностью на дверях не имелось, но судя по тому, что от ближайшей, вдвое меньшей двери с овальным бронзовым номерком «514» эту отделяло не меньше тридцати метров глухой стены, начальник здесь сидел не маленький.

Воловича поразила неподвижная, давящая тишина, царившая внутри «Большого дома», а ведь его кабинеты вроде бы заполняли тысячи людей. И в самих коридорах было пусто и несколько сумрачно, невзирая на яркий солнечный день. Самое простое объяснение — коридоры — это так, элемент декора, а сотрудники перемещаются и водят арестованных по внутренним переходам и потайным лестницам, как в средневековых замках. Иначе рушилось очередное, с детства усвоенное представление о «Доме на Лубянке» как о круглосуточно работающем аналоге пресловутых «чикагских боен», куда с одной стороны бесконечным потоком гонят крупный рогатый скот, а с другой таким же бесконечным потоком грузовиков вывозят «готовую продукцию». Предприятие непрерывного цикла.

Михаилу раньше просто не приходило в забитую стереотипами голову, что сотрудники центрального аппарата обычно лично допросов не проводят и крайне малый процент «политиче-

ских преступников» удостоивается чести попасть в «святая святых». Отделы и управления наркомата решают принципиальные вопросы управленческого характера, пишут отчеты и составляют аналитические записки. А если какому-то «следователю по особо важным делам» и требуется побеседовать с подозреваемым или обвиняемым, на то есть специальные помещения при следственных изоляторах.

Это, может, людей высоких рангов вроде Бориса Савинкова или бывшего жандармского генерала Джунковского в знак особого уважения доставляли на беседу с начальством сравнимого уровня, а с прочими не церемонились.

На самом деле — если не безответственно болтать языком, а наглядно представить себе семь этажей дома бывшего страхового общества «Россия»¹, днем и ночью переполненных тысячами арестованных, сопровождаемых вдвое-втрое большим количеством конвоиров! Сборный пункт губернского воинского присутствия в разгар всеобщей мобилизации показался бы в сравнении с этим бедламом пансионом для благородных глухонемых девиц. А во что превратились бы через полгода навощенный паркет и весьма по тем временам дорогие ковровые дорожки? Не заставишь же каждого арестованного при входе в здание тщательно очищать обувь от весенней и осенней грязи или переобуваться в войлочные тапочки. Не говоря уже о том, что из сотен выходящих на улицу и площадь окон

¹ Из анекдота двадцатых годов XX же века: «Раньше здесь находился "Госстрах", а теперь "Госужас"».

должны были бы круглосуточно нестись крики и стоны беспощадно пытаемых людей.

Воловичу тут же пришло в голову образное сравнение, вполне пригодное для помещения в какой-нибудь очерк или художественный текст: «Утверждать, что дом ГУГБ ОГПУ — это аналог пыточных подвалов Приказа Тайных дел — почти то же самое, что, бия себя в грудь доказывать, будто в кабинетах наркомата путей сообщения ремонтируют паровозы, а в наркомпроде рознично торгуют мукой и ситцем».

В общем и целом первые же минуты, проведенные Воловичем в цитадели садизма и массовых нарушений социалистической законности, в очередной раз ввергли его в столь любимый представителями креативного класса когнитивный диссонанс, или, проще говоря, шок от несоответствия воображаемого и действительности. Заставили его, как Владимира Ильича перед смертью: «Полностью пересмотреть свои взгляды на социализм»¹.

Кочура без стука распахнул дверь, за которой оказалась довольно просторная, освещенная ярким солнцем приемная с кремовыми прозрачными шторами на высоких, нараспашку открытых окнах. За одним столом миловидная барышня всеми десятью пальцами что-то печатала слепым методом² на здо-

¹ См. надиктованные В. Лениным в 1922–1923 гг. статьи, составляющие его так называемое «Политическое завещание» — «О кооперации», «О нашей революции», «Лучше меньше, да лучше», «Как нам реорганизовать Рабкрин».

² Техника работы на пишущей машинке или телетайпе не глядя на клавиатуру.

ровенном, как строгальный станок, «Ундервуде», попыхивая при этом длинной папирсой, зажатой в сильно покрашенных губах. За другим, в углу, полускрытый буро-коричневым титаническим сейфом, перебирал бумаги сотрудник с двумя квадратами на петлицах и при «нагане» в ярко-желтой кожаной кобуре.

— Яков Савельевич у себя? — спросил Кочура, и Волович не сразу сообразил, что речь идет о том самом, знаменитом, а также пресловутом Агранове, известном в кругах современной Михаилу либеральной интеллигенции тем, что якобы лично курировал всю литературу и все искусства в Советской России. По слухам, был близким другом Лили Брик и ее «основного» мужа¹. Недоброжелатели уже в конце XX века почти в открытую «намекали», что он не просто занимался политической цензурой, а чуть ли не своими руками задушил Есенина и застрелил Маяковского. Бабея, правда, не успел, самого расстреляли раньше. Но это в «той» реальности, а здесь он пока что процветал и, для большего соответствия, сменил отчество.

¹ Брик Л.Ю. (1891 — 1978), девич. фамилия Каган — российский литератор, художница, критикесса, актриса, «муза» В. Маяковского. Сотрудничала с ГПУ-НКВД, отличалась общительностью и любвеобильностью. Знаменита прежде всего «браком втроем» с законным мужем О. Бриком и В. Маяковским. До последних дней жизни являлась единственной распорядительницей творческого наследия Маяковского и его «наследницей», несмотря на имевшееся завещание В.М. в пользу матери и сестер и отсутствие у самой Брик каких-либо юридических оформленных отношений с поэтом. Покончила с собой на даче в Переделкино в возрасте 87 лет.

— У себя, сейчас доложу, — ответил вестовой (на адъютанта не тянул малостью чина) и снял трубку.

— Присаживайтесь, присаживайтесь, — радушно встретил гостя Агранов, даже вышел из-за стола и сделал три шага навстречу. Руки, впрочем, не подал, просто указал на глубокое кресло у приставного столика и сам сел напротив. Кочура остался у дверей.

Волович, сильно нервничая — сейчас ведь решится его судьба, возможно, на годы вперед, — пристально рассматривал своего визави. Вполне себе симпатичный мужчина, подтянутый, стройный, лицо без особых семитских признаков. Ни крючковатого носа, ни пейсов. Кипы тоже не носит. На свирепость и садизм ничто не намекает. Лицо отчетливо демонстрирует готовность в следующую секунду изобразить улыбку. Ломброзо отдыхает, как принято говорить. Да и на самом деле — кто из творческой интеллигенции изъявлял бы желание близко общаться с криминальным или просто хамоватым на вид человеком, и откровенничать с ним, тем более.

На таких же, как у Кочуры, васильковых петлицах три рубиновых ромба. На обоих рукавах выше локтя — овальные нашивки с вертикальным красным мечом на фоне серебристого щита. Над левым клапаном гимнастерки из тончайшей, голубоватой с сиреневым оттенком чесучи (для жаркой погоды ничего лучше не придумаешь) — орден Красного Знамени, над правым — почти такого же размера массивный знак из серебра с золотом, повторяю-

щий нарукавную эмблему, только еще и в лавровом венке, с крупной рубиновой римской «Х» у нижнего края¹. На широком поясном ремне — пистолетная кобура, не большая и не слишком маленькая, в самый раз по его росту и чину.

Импозантный мужчина, ничего не скажешь.

Агранов ни о чем не спросил Кочуру, только коротко кивнул, выслушав доклад. Тот вскинул руку к козырьку и бесшумно вылетел из кабинета, как его тут и не было. Уметь, между прочим, надо — когда они шли по коридорам, кожаные каблуки сапог чекиста стучали по паркету громко и уверенно.

— Итак, значит, Михаил Иосифович, собственный и специальный корреспондент «Актуальной газеты» и еще многих изданий, в том числе и зарубежных. Я правильно осведомлен?

«Откуда это он успел? — поразился Волович. — Из машины ему никто не звонил, да и нет здесь такой техники, значит, что же, сам Ляхов и сообщил, прямо оттуда — сюда? Связь, значит, отлажена? А почему и нет, если проход имеется. И обещанная судьба голодного рабселькора мне вряд ли грозит, если и встретили, и к столь высокому чину привезли. Нужен я им...»

Михаил снова повеселел. Сколько уже у него сегодня таких скачков настроения было? Глядишь, в циклотимию, сиречь маниакально-депрессивный психоз, залететь можно. На фоне белой горячки...

— Правильно. Только я ведь не здесь работал. Какие у Советской власти ко мне могут быть

¹ Знак «Почетный чекист», учрежден в ознаменование десятилетия существования ВЧК-ОГПУ. На ГИП большинство первых его кавалеров расстреляно в 1937 — 1939 гг.

претензии? И даже границу я нарушил, если это можно так назвать, не по своей воле. Депортирован, как в наше время выражаются. Причем — незаконно...

— Исключительно по воле пославшей мя жены... — усмехнулся Агранов и закурил, подвинув коробку явно высокосортных папирос «Дюбек» и Воловичу.

«Да, — подумал Михаил, — здесь такой ерундой, как борьба с курением, не заморачиваются. Здесь борьба исключительно классовая — на другую времени не остается».

Он вспомнил архивные фотографии, где делегаты какого-то партийного съезда курят прямо в зале Большого театра во время заседания. И в президиуме, на расстоянии вытянутой руки от самого Ленина! И ничего...

При чем здесь «здоровый образ жизни», если в любую минуту каждый может от белогвардейской или кулацкой пули погибнуть.

«А вот откуда у Агранова эта фразочка? «Стулья» только зимой печататься начнут, если здесь точно по-нашему история развивается. А это не так, раз нет ни Ленина, ни Сталина, а только Троцкий один во всех лицах...»

— Неужели читали, Яков Савельевич? — спросил Волович. — Уже издано?

— Вы тоже знаете? Прелестно, — искренне обрадовался Агранов. — Интересно бы сравнить варианты. У вас кто это произносит?

— Как кто? Отец Федор...

— Странно, у нас он Варсонофий. А слова те же... Надо, надо бы и ваш вариант просмотреть.

Наверняка найдутся разночтения куда более существенные. А книга еще не напечатана и даже не окончена, это соавторы черновичок вечерами по главам читают, то у меня на даче, то в писательском клубе...

— Значит, вам все про меня известно, — взял быка за рога Волович. — Тогда и остальное скажите. Вам сообщили о моем прибытии, вы отправили «комитет по встрече», доставили сюда. Дальше что? Какие в отношении меня инструкции? Сразу говорю — согласен на любое предложение: в моем положении гимназистку из себя изображать бессмысленно.

— Верная мысль. Хорошо, если бы ею раньше начали руководствоваться. А так верно — выбирать не из чего. У нас, я вам доложу, уголовное право упрощено до предела. До разумного предела, ибо является выдумкой эксплуататорских классов, начиная с рабовладельческой эпохи. Теперь так — суды руководствуются не пудами томов «Уложения о наказании», а революционным правосознанием и принципами социальной справедливости. Что очень верно, по-моему. У нас нет даже сроков для тюремного или каторжного заключения. Исправительные работы по месту постоянной трудовой деятельности и проживания, или, по усмотрению суда, — там, где «исправляющийся» принесет наибольшую пользу. До тех пор пока назначенная работа не будет выполнена или гражданин не будет признан «исправившимся». В более тяжелых случаях — смертная казнь или изгнание за пределы РСФСР.

— Тоже мне, наказание, — едва не фыркнул Волович, вспомнив Солженицына и его роман «В круге первом».

— Не скажите. Не все так просто. Смотря как, куда и на каких условиях изгонять. Вас вот тоже — «изгнали». И как? Не выглядите вы счастливым. А окажись, случаем, на берегу не Сходни, а Енисея? Но мы отвлеклись. Я действительно в курсе ваших «приключений», и не думайте, что они вызвали у меня одобрение. Мерзавец и предатель всегда остается таковым, независимо от заявленных политических убеждений и общественного строя, который он предает. Вот если бы, допустим, путем долгих и мучительных терзаний вы осознали бессмысленность и обреченность капиталистического способа производства, как сделали это капиталист товарищ Энгельс и много не менее достойных людей, от всей души и не щадя сил включились бы в построение социализма — это одно. Если же вы предаете из соображений личной выгоды — это совсем другое и оценивается по другой шкале. Знаете, Цельсий, Фаренгейт, Реомюр...

Волович совсем не обиделся на Агранова с его «мерзавцем и предателем». Дошел, значит, до того самого края, когда человек полностью теряет самоуважение и то, что принято называть «гонором». Если единственным условием выживания является очевидная противнику «поза подчинения» — значит, надо ее принять. В животном мире точно так все устроено. А кто мы есть, как ни несколько приподнявшиеся над остальными в ходе эволюции высшие млекопитающие? Но раз высшие — долж-

ны лучше прочих в окружающем мире ориентироваться.

Попробовал Миша раз в жизни сыграть по-крупному, «да зашел он в пику, а не в черву». Что теперь сделаешь? Слава богу, не пристрелил его Ляхов и не бросил в какой-нибудь тамошний «зиндан». Кое-какой шанс оставил. А для чего? Выходит, что есть у него на Воловича планы. А какие — это постепенно надо разбираться, а пока что — изображать полную раздавленность и соглашаться на любые предложения. Само собой — прежде всего надо бы понять, что собой на самом деле представляет это «царство рабочих и крестьян». Как здесь вообще жизнь устроена?

Волович помнил сакраментальную формулу из только что упомянутой книги, вернее, ее продолжения, которое здесь то ли будет написано, то ли нет: «Если в стране бродят хоть какие-то денежные знаки, должны же быть люди, у которых их много». Наверняка и здесь то же самое. Не говоря даже о таких типажах, как Корейко и сам Остап, самые обычные писатели, художники, актеры, адвокаты (нет, адвокаты вряд ли, судя по тому что Агранов сказал об их правовой системе, адвокату здесь не прокормиться) живут вполне прилично. Раз не разбежались за десять лет по заграницам и в эту загадочную белую Югорию не эмигрировали. Для кого-то ведь сияют своими вывесками рестораны? И строятся дачные поселки вроде Переделкино, когда «широкие народные массы» обитают в подвалах и коммуналах.

Как там у Булгакова в «Мастере»? «Бескудников, искусственно зевнув, вышел из комнаты. — Один

в пяти комнатах в Перелыгине, — вслед ему сказал Глухарев. — Лаврович один в шести, — вскричал Денискин, — и столовая дубом обшита!»

А написано то про двадцать пятый год. Значит, жить здесь очень даже можно, если сумеешь устроиться, и в «Грибоедове» каждый день ужинать.

Проехав всего по двум здешним центральным улицам, Волович успел заметить вывески не менее пяти ресторанов сравнимого с описанным Михаилом Афанасьевичем уровня. Вполне приличная пропорция. Весь вопрос в том, как оказаться в числе их постоянных посетителей. Даже если поначалу придется, как выражался Салтыков-Щедрин, — «погодить». И даже — «претерпеть». Лишь бы не слишком много и не слишком долго.

— Я не знаю, что там вам обо мне известно, — как можно более спокойно и рассудительно начал Михаил, — судя по вашим довольно оскорбительным словам в мой адрес, информация к вам поступила крайне негативная. И стоило бы разобраться, заслуживаю ли я подобной оценки...

Какое-то время Агранов смотрел на сидящего перед ним человека с веселым изумлением. Нахален братец-то до последней степени. Сам Яков Саулович, то есть теперь Савельевич, не отличался рафинированной дворянской честью и высокими моральными принципами, но с тех пор, как его перевербовали...

Нет, не так — не «перевербовали», а убедили в правильности своих позиций и взглядов Шульгин и Новиков. С этого момента он прекратил всякие психологические и политические метания, честно работал на отведенном ему участке. Способство-

вал совмещению интересов Советской власти и ведомства, в котором служил, с той геополитической конструкцией, что выстраивали представители всемогущего «Братства». Истинной силы и целей этой организации он даже не пытался постичь, считая, что достаточно и того, в чем он осведомлен. Предателем он себя не считал по очевидной причине — некого и нечего было предавать. Цель революции — создание самого справедливого на Земле общества с его помощью успешно решалась. Никакого ущерба государству рабочих и крестьян он не наносил, напротив. Именно под его руководством успешно ликвидировались все возникающие для РСФСР угрозы, а благодаря существованию Югославии, контролировавшейся тем же «Братством», система «Русский мир» приобрела устойчивость, сравнимую прочностью с кристаллической решеткой алмаза.

Инструкции от «вышестоящих товарищей» Агранов получал крайне редко, и были они достаточно общего характера, обрисовывающие только очередную цель, но пути ее достижения оставляя на усмотрение...

Но вот сейчас, вернее — ранним утром сегодняшнего дня прозвенел звонок на вид самого обычного телефона, одного из полудюжины, стоявших на его столе, но связывавшего только с представителями «Братства». Без всякой конспирации диск телефона был украшен двуглавым орлом. Иногда с ним говорили люди из посольства Югославии, расположенного буквально в двух кварталах от Лубянки, на Цветном бульваре, иногда — из Коминтерна. Изредка, бывало, всего раз в два или три

месяца удостаивала разговором сама Лариса Юрьевна Левашова, легальный представитель нескольких международных благотворительных, культурно-просветительных и отстаивающих интересы женщин организаций. Милейшая дама, чрезвычайно красивая, остроумная и компетентная, при «специальном» взгляде светло-карих глаз которой Агранова непроизвольно охватывали замешательство и слабость в конечностях. Она и была полномочным, действительно чрезвычайным полпредом «Братства» или, как оно именовалось в секретных документах, — «Союза пяти». Кого «пяти» — государств, конфессий, материков или планет Солнечной системы — нигде не уточнялось.

На этот раз звонили из совсем другой России, о существовании которой Агранов, как и большинство руководителей «партии и правительства», знал, но точного представления не имел. Говорить об этом вслух даже между «своими» не полагалось, как, например, в Ватикане рассуждать о сущности Бога не как метафизической структуры, а конкретного административного лица, расположенного всего на одну ступеньку иерархической лестницы выше ежедневно мелькающего в помещениях своего дворца Папы, в данный момент — Пия за номером одиннадцать.

Один из высших должностных лиц «Братства», Вадим Петрович Ляхов, с которым Агранов до сих пор лично не встречался, но по телефону несколько раз беседовал, сообщил, что на территорию РСФСР, в такое-то место (с точностью до полукилометра), переправлено некое лицо без гражданства, Волович М.И.

Далее следовала объективная, но крайне негативная даже с точки зрения закоренелого чекиста характеристика. На взгляд Якова, такого человека следовало бы просто расстрелять, не затевая каких-то малопонятных игр. Впрочем, не ему судить, иезуиты в подобных случаях все сводили к универсальной формуле: «Ad maiorem dei gloriam»¹.

Надо — значит надо. И не такими проблемами приходилось заниматься. А тут ничего сложного — встретить, побеседовать, составить собственное мнение, после чего использовать по усмотрению. Но сохранить живым и работоспособным на случай, если вдруг потребуется его возвращение. А если нет — «он в полной вашей, Яков Савлович, власти». «Савельевичем» Агранов Ляхов почему-то никогда не называл.

И вот сейчас засланец (но не ссыльный, так Агранов решил) пытается посеять у Агранова сомнения в правоте слов существа, как ни крути — высшего. Яков хорошо помнил собственные ощущения, имевшие место во время непосредственных контактов с Шульгиным и Новиковым. Неприятные, нужно сказать, ощущения², но зато результат! Только благодаря согласию на сотрудничество Агранов достиг нынешнего положения и уровня благосостояния, уверенности в завтрашнем дне, что самое главное. Никакие чистки и по-

¹ «К вящей славе Божьей» — девиз ордена иезуитов. Данная формула объясняла и оправдывала любое действие, предпринимаемое членами ордена, и не требовала правовых и иных обоснований.

² См. романы «Разведка боем», «Вихри Валгаллы».

литические пертурбации его не коснутся, пока он работает на «Братство». Два масштабных выступления сначала «правых», а потом «левых» уклонистов были успешно подавлены, в партии и советских структурах проведены тщательные «чистки», кстати, опять же с помощью «Братства» и Югославии. Троцкий окончательно понял, что только соблюдение «трехстороннего пакта» гарантирует ему личную выживаемость, а делу Мировой революции — перспективу.

Уяснил Лев Давыдович и то, что в кадровых вопросах он волен лишь до определенного предела: людей, поставленных не им, — не ему и смещать. А Агранов был как раз из выдвиженцев. Должность он, с согласия Новикова и Шульгина, выбрал себе сам, и она его устраивала полностью — ни выше, ни «вбок» ему не хочется. Несменяемый начальник ГУГБ ОГПУ — чего еще желать человеку с мозгами, волей и амбициями? И совершенно сказочным «окладом денежного содержания» плюс «промтоварным пайком в натуре» от «Братства», включающим такие, например, забавные вещицы, как электрограммофон с барабаном на двадцать «долгоиграющих» пластинок¹. Была, правда, у Агранова идея — выделиться из «Объединенного Госполитуправления» и стать наравне с Менжинским «Генеральным», но — «Госбезопасности», как суверенного наркомата. Но с этим — не горит.

¹ Обычные грампластинки для патефонов изготавливались из шеллака, проигрывались на скорости 78 об./мин. длительность записи 2 — 3 мин. В начале 50-х гг. появились «долгоиграющие» пластинки из винила для скорости 33 об./мин. Время звучания 15 мин. на одной стороне.

В суть его работы никто не лезет, да никто и не имеет права, кроме самого Менжинского, а Вячеслав Рудольфович — большой сибарит, тайный алкоголик и нимфоман, ему тонкости разведки и контрразведки глубоко до фонаря. Система крутится сама собой, Председателю коллегии ОГПУ нужно только на еженедельных совещаниях у товарища Троцкого зачитывать справку о состоянии текущих дел и получать очередные директивы в самом общем виде, каковые доводить до начальников управлений «в части, касающейся...».

Агранов тоже давно переложил черновую работу на двенадцать заместителей и начальников управлений, а сам занимался тем, что ему только и нравится, — контролем в сфере идеологии и культуры, которые есть самая суть государственной политики. Если с культурой (в широком смысле) все в порядке — людей очень легко убедить жить как предписано, делать что сказано и при этом быть счастливыми оттого, что живут в самом передовом и гуманном обществе за всю человеческую историю.

А культурой (литературой, театром, кино, живописью, цирком даже) руководить удобнее и приятнее через личные контакты. Пусть профильный наркомат во главе с товарищем Луначарским, управление агитации и политпропаганды ЦК РКП (б) думают, что они владеют обстановкой и направляют процессы — все отнюдь не так. Конечно, библиотеки там, клубы открывать, книгоизданием и книготорговлей ведать, кружки политграмоты и «ленинский университет миллионов» в каждой артели и при квартальном комитете на-

саждать — нужно и полезно. Только это ведь все ремесло. Как бревна топором тесать, начиная постройку очередного храма, но храм-то храмом станет, когда отделают все, иконы развешат, утварь по местам в алтаре расставят и правильного попа на амвон выведут!

Директивы директивами, но ты поговори по душам с каждым литератором, режиссером, композитором, дай ему дачу, квартиру, автомобиль и «сверхударный паек» — они тебе «Петра Первого» и «Поднятую целину» напишут. Коньячку в приятной компании пригласи выпить, в запасниках Оружейной палаты позволь порыться, сувенирчик на память взять — «Тамбовские крестьяне», «Путевку в жизнь», «Троцкий в Октябре» и «Незабываемый девятьсот двадцатый» в цвете снимут, «Оптимистическую трагедию» и «Свадьбу в Малиновке» на театре поставят.

А впитав в себя и внешнюю канву, и тайные смыслы, в этих шедеврах содержащиеся, простой (да и не очень простой) трудящийся абсолютно искренне, без всякого насилия над личностью уверует, что нет на свете ничего лучше Советской Социалистической Федерации. И сам он — свободнейший из свободных, ибо свобода — это осознанная необходимость, и «я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек». И что хоть живут в белогвардейской Югославии побогаче (пока!), но кроме как за покупками в Харьков съездить, на отдых в Крым или Кисловодск (нет теплых краев в РСФСР, куда денешься?!) — делать там классово-ориентированному и идейно подкованному гражданину совершенно нечего.

Конечно, творческие люди тоже ведь разные, с амбициями и «понятиями», с собственными идеями, наконец. Кому-то вроде Демьяна Бедного можно прямое партийное поручение дать — отобрази-ка в поэме радость единоличного крестьянского труда на собственной земле, с апелляцией к древнерусским истокам! С другим — иначе. Тоже в дружеском разговоре разъясни, что негоже такому романтику и талантищу немереному в скучной Москве прозябать, неплохо бы в персональном салон-вагоне в Сибирь, на Дальний Восток прокатиться, воспеть героические будни строителей Турксиба, Байкало-Амурской магистрали, владивостокского судоремонтного завода или золотодобытчиков Колымы. Да так воспеть, чтобы молодежь десятками тысяч в добровольцы записываться кинулась...

Вот где высший пилотаж работы с деятелями культуры и искусства, народом самоуверенным, себялюбивым и капризным! Одного вон еле отговорил вешаться, в творческую командировку в Нью-Йорк послал, ужасы империализма описывать в чеканных стихах. Другому намекнул, что роман про Мефистофеля в современной Москве, который он «в стол» пишет (ГосЛИТО и Главреперткомом¹ запуганный), очень сейчас к месту придется. И народу интересно будет, и идеологическую кам-

¹ ГосЛИТО — комитет по охране государственных тайн в печати, организация, аналогичная дореволюционному Цензурному ведомству, но с гораздо большими правами и кругом обязанностей. Т.н. «литированию» подлежало любое (!) печатное издание в стране, включая обертки для мыла и плакаты, посвященные районным Дням урожая и Празд-

панику по борьбе с РАППом¹ к этому делу подверстать можно.

Помогли референты Агранова писателю с прежней женой развестись и на новой жениться, четырехкомнатную квартиру на Волхонке дали, в Швейцарию на три месяца подлечиться отправили, гарантированные сто тысяч тиража с последующими переизданиями пообещали.

И попутно, ненавязчиво предложил вот здесь, здесь и здесь вставочки пространные сделать, вроде как лирические отступления. И — тезисы готовые извольте получить. Вы же с этими моментиками согласны? Вот и отлично, только обработайте их с присущим вам блеском.

никам песни. На ГИП существовал с начала двадцатых годов XX века, в описываемой реальности тоже, но в несколько смягченном виде.

Главрепертком — аналог ЛИТО в области театра, кино, цирка и иных зрелищных учреждений. Интересно, что пропущенные цензурой в качестве печатных изданий пьесы, киносценарии, интермедии, скетчи часто запрещались на стадии генеральных репетиций в театре и «просмотров» уже отснятых фильмов. Даже при полном текстуальном совпадении. Из-за «аллюзий и ассоциаций», возникавших у самих членов художсоветов.

¹ РАПП — Российская ассоциация пролетарских писателей. Массовая литорганизация, на ГИП — существовала в 1925 — 1932 гг., в этой реальности — только что распущена и заменена Союзом писателей РСФСР. Стремилась к руководству всем литпроцессом в стране с левацких позиций, рапповская критика характеризовалась грубой агрессивностью, «проработочным» стилем. Рапповцы яростно преследовали наиболее талантливых совписателей, в т.ч. Маяковского, Есенина, Булгакова и мн. др. В «Мастере и Маргарите» Булгаков изобразил как раз рапповских критиков, написавших только на «Дни Турбинных» больше двухсот разгромных статей.

А главное ведь — не только польза делу, самому очень приятно себя меценатом чувствовать, вершителем судеб и людей, и страны в некотором роде. Люди, в свою очередь, Якова Савельевича боготворят. Ни один сексот не доложил, что в творческих кругах об Агранове плохо отзываются. Был как-то один случай, сильно умный (и действительно талантливый) товарищ высказался по пьяному делу в узком кругу, что уж больно хитер чекист и что лучше б от него подальше держаться, пока души дьяволу окончательно не продали. И что, наказал его глава всех разведок и контрразведок, хоть намеком дал понять, что в курсе фрондерства глупого? Никак нет. Немедленно товарищу орден Трудового Красного за прежние заслуги и — в секретари Союза писателей кооптировать¹. Посмотрим, что он дальше петь будет... А что теперь пить возможностей куда больше представится, а писать — наоборот, так это уже издержки новой должности.

Столь несвойственная должности деятельность начальника ГУГБ уже вызвала косые взгляды наркома культуры и прямые обращения профильного секретаря ЦК к товарищу Троцкому с жалобами на несанкционированную узурпацию Аграновым чужих prerogatives. Но Лев Давыдович, вникнув в суть вопроса, одобрительно посверкал стеклышками пенсне и велел впредь товарищу не мешать, поскольку тот гораздо лучше проводит «линию партии», во избежание «оргвыводов» по отношению к тем, кто этого не понимает.

¹ Кооптация — пополнение какого-либо выборного органа новым членом без выборов, административным распоряжением вышестоящего руководства.

До Якова это «мнение» немедленно довели, и он счел, что отныне руки у него развязаны. А секретарю ЦК по идеологии, товарищу с незаконченным средним образованием, при случае намекнул «горячим утюгом в грудь», что в Стране Советов неприкасаемых нет, и границы между просто глупостью и сознательным вредительством определяют как раз «органы пролетарской диктатуры», на то поставленные... Дошло моментально до товарища, за три шага первый здоровается, только что шапку не ломает.

И сейчас Агранов, не спеша попыхивая папирсой, держал «МХАТовскую» паузу, разглядывая лицо визави, как цыган лошадь на ярмарке, и прикидывал, насколько впредь «гражданин Волович» может полезным оказаться. Что подл и беспринципен — не беда, главное, против кого и для чего эти свойства использовать. Поесть и выпить любит — тоже плюс. Алексею Толстому компанию составит. Пером бойким отличается — нам такие нужны, косноязычных журналистов пока больше, чем дорошевичей и гиляровских. А писать будет что скажем — хрен ему, а не «свобода слова». В общем, используем ценного кадра из будущего на всю катушку, пока не отзовут. Успеет наших товарищей своим приемчикам обучить, да и сам, глядишь, чем-то необычным порадует.

Агранов хорошо понимал, сколь ценный подарок он получил от «старших товарищей». Это примерно то же, как если бы перед войной с Наполеоном царю Александру предоставить несколько репортеров центральных газет из будущего, с опытом иде-

ологического освещения Мировой и Гражданской войн. Не говоря о методах и приемах прямой пропаганды, они ведь и уровень стилистики поднимают. Как Пушкин и Лермонтов — уровень художественной прозы и поэзии в сравнении с восемнадцатым веком. «А тогда, при Державине и раньше, проза вообще была?» — вдруг задумался Агранов. Не помнил он что-то. Надо будет заглянуть в Брокгауза с Ефроном.

— Что вы там сейчас сказали? — вскинул голову Агранов, настолько погрузившийся в собственные мысли (с ним это нередко случалось, даже Троцкий как-то замечание сделал), что совсем выпустил из внимания последние слова Воловича, на поток ассоциаций с аллюзиями его и натолкнувшие.

— Я сказал, что характеристики, которые вы на меня, видимо, получили, могут и не соответствовать действительности в силу своей субъективности. Знаете, когда в дело замешана женщина, даже очень умные и порядочные люди способны терять объективность...

— Хорошо излагаете, коллега, — с тонкой, понимающей улыбкой сказал Агранов. — Ваш профессионализм подтверждается. Но что касается остального... Женщины, они, конечно... Сколько блестящих биографий испортили, карьер сломали... У вас, случайно, фотографии с собой не имеется? Многие имеют привычку поближе к сердцу держать. А если вдруг об этом становится известно... гм, сопернику... Тогда действительно коллизии могут образоваться.

Фотография Вяземской у Михаила с собой действительно была. Присвоив, он не рискнул держать

ее в ящике стола или вообще где-то в отведенной ему комнате, опасаясь обыска в свое отсутствие. Не мог он поверить, что ему действительно оказывают подобающее статусу доверие. И ошибался — все эти дни Фесту было не до того, чтобы еще и шмобы журналисту устраивать. Да и не считал он нужным этим заниматься. Не его уровень, в отличие от самого Воловича, обожавшего подсматривать, подслушивать, рыться в ящиках сотрудников и особенно сотрудниц, вскрывать пароли их компьютеров.

Фотокарточку он слегка обрезал по краям, чтобы поместилась, и спрятал под слегка отпоротой подкладкой бумажника из кожи кобры. Сверху располагались кляссеры для визиток, кредитных карточек и прочего, так что случайно на его «сокровище» наткнуться было невозможно, тем более что бумажник он всегда носил при себе.

Сейчас Михаил заколебался. Сказать «нет» — а вдруг ему еще предстоит полный обыск с досмотром даже и внутренних полостей тела, что чекисты до наших дней практикуют при малейших подозрениях? Тогда его положение еще ухудшится, хотя куда уж... А ему надо любой ценой заручиться доверием и поддержкой этого наверняка очень могущественного человека.

Что ж, будем откровенными, даже чрезмерно.

Волович, делая вид, что крайне смущается, вытащил бумажник, оттянул подкладку и достал фотографию. Протянул Агранову, сбивчиво говоря при этом:

— Так, знаете, получилось... Девушка подарила мне фотографию, а господин Ляхов, он ее начальник, директор научного института, парапсихолог

и ясновидец, как-то об этом узнал. Очень может быть, и допросил с пристрастием. Он оказался жутко ревнив... Вот и поступил со мной таким вот образом... Не представляю даже, что он мог вам наговорить обо мне... Я понимаю, вам, возможно, трудно поверить, вы о Вадиме Петровиче, наверное, совсем другого мнения, но вот что есть, то есть... Да сами посмотрите... Из-за такой девушки можно голову потерять и пойти на... Ну, Отелло, и все такое, вы понимаете... Я же не виноват, что так получилось...

Агранов внимательно рассматривал фотокарточку. Вдобавок еще и цветную, изумительного качества. Черно-белых картинок такого типа и в этом времени сколько угодно, и просто «ню», и таких, что тертых жизнью бандерш в краску вгонят, этим Якова не удивишь. Но вот девица на самом деле была чудо как хороша. Агранову еще не отказывала во внимании ни одна женщина, хоть замужняя, хоть народная артистка, и танцы на столе ему целые кордебалеты Большого и Мариинки устраивали...

Но таких, как эта, — ни разу не видел (на самом деле одну видел — Ларису Левашову, тоже отсюда. Но сейчас и о ней не вспомнил, настолько девушка с фото была эффектнее), ни живьем, ни на картинках. Что значит целый почти что век эволюции. И типаж совсем другой, и пропорции фигуры... А лицо! А прическа! Глаза какие выразительные, прямо сияют. А изящные груди с торчащими вверх розовенькими сосками! Ни у одной из его подруг ничего подобного не имелось, обязательно мягкие, рыхлые, отвисшие... И ноги у всех короткие в сравнении с этими, икры толстые... А! Что тут говорить...

Агранов почувствовал сильное, даже чрезмерное возбуждение. Примерно такое, что он испытал лет в четырнадцать, подсмотрев, как гостивший у соседей по даче студент торопливо задирает в зарослях сирени подол сарафана молодой жене хозяина, известного присяжного поверенного Рухимовича, на двадцать лет ее старше. Он даже не успел увидеть самого «процесса», хватило и того, что на Ольге Тимофеевне не было панталон и по глазам ударила белизна чуть округлого живота и большой темный треугольник ниже, между пока еще сжатыми бедрами. Яша увидел это, зажмурился, закрыл лицо руками и побежал, боясь и не желая видеть того, что сейчас начнется. Он с прошлого года был страстно влюблен в соседку и мечтал подсмотреть, как она раздевается в купальне. Даже дырку в заборе почти провертел. И вдруг — увидеть, как ее...

Он тогда упал лицом вниз на лужайку возле крокетной площадки, несколько раз содрогнулся, как раньше бывало только во сне, в трусах стало горячо и мокро, и тут же Яша разрыдался от обиды и разочарования в своем кумире. Такой эмоциональный был ребенок.

Сейчас, глядя на эту бесстыжую девицу — дарить такие фотографии хотя бы даже и любовнику... Между прочим, на любовника для «такой» гражданин Волович явно не тянет. Даже за большие деньги. Разве что по тамошним понятиям мадемуазель совсем и не красавица, а так, вполне средненькая... Серая мышка.

Он так и спросил Воловича — «королева ли это красоты» или рядовая гражданка из третьего тысячелетия.

★ Михаил вздохнул и ответил, что одна из красивейших, в Москве, как минимум.

— И как зовут?

— Людмила. Вяземская.

— Из князей?

— Точно не знаю. Зато — жандармский поручик, по-вашему...

— О как! — удивился Агранов. — У меня бабы тоже служат, но все как на подбор страхолюдные. Не хотят красивые нашим делом заниматься. И чем же ты, жирная морда, мог такую прелесть покорить? Ни за что не поверю. Фото точно спер и приставал небось внаглую. По пьяни, скорее всего. По-трезвому к жандармке лезть побоялся бы... В общем, хватит.

Швырнул фотографию через стол, хотя мелькнула мысль оставить себе. Для приобщения к делу.

Нет уж, не в свои вопросы лучше не лезть. Даже в таком вроде бы невинном смысле. Не удержишься ведь, начнешь каждые полчаса на нее пялиться. Потом с обычными ничего не получится. Да и вообще кто там их знает, «Братство», парапсихология, прыжки во времени, еще какое колдовство. Приворотит его к этой девке... Ну его на...

Он нажал кнопку звонка. На пороге тут же возник порученец.

— Вызови конвой, Пальцев. В одиночку его, в пятнадцатый номер. Пусть посидит. Потом решу, что с ним делать. Режим стандартный. Книги и курить разрешаю. Передачи тоже. Хотя кто ему их здесь принесет?

Порученец пожал плечами, развел руки и поднял глаза к потолку.

На слова начальника, даже и риторические, следует реагировать. Хотя бы и таким образом.

Стул под Воловичем ощутимо покачнулся. Голова закружилась, и тошнота накатила. Не ждал он такого. Разговор вроде нормальный, деловой пошел, и вдруг — «в одиночку»!

Агранов вскочил, сильной рукой ухватил за грудки, удерживая от падения. Дважды хлестнул по щекам, потом плеснул в лицо водой из стакана.

— А ну, не распускаться тут! Скажи спасибо, что здесь и в одиночку. В Бутырке, в камере на сотню мест куда как веселее...

За спиной Волович уловил движение, обернулся. У двери уже стояли два чекиста с голыми петлицами.

Агранов подтолкнул к ним Михаила.

— Арестованный, руки за спину, — скомандовал один из конвоиров. — Голову не поднимать, по сторонам не смотреть. Шаг вправо, шаг влево считается побегом. Марш...

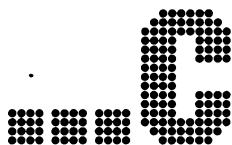
Ну вот, наконец и прозвучали те самые сакральные слова!

Волович глубоко со всхлипом вздохнул и шагнул навстречу неизвестности.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Из записок Андрея Новикова

самого момента возвращения не в первый уже раз я обращал внимание, как изменилось восприятие окружающего родного мира после двухмесячного всего лишь пребывания на слишком своеобразной Второй Земле. Вроде бы там почти все то же самое, но нет. Не только солнечная радиация другая, но еще что-то, ощутимо влияющее на психику. От этого, наверное, все отличия дуггуров от нас и причина столь резкой разницы в направленности эволюции.

За счет другого содержания кислорода в воздухе (не говоря об эманациях и радиациях чего угодно) там возможно существование гигантских насекомых, которые на нашей Земле вымерли еще в Меловом или Юрском периоде. Этим же и иные тамошние чудеса и прелести объяснить можно.

Мне сразу вспомнился депрессивный удар, полученный от дуггуров на Валгалле. И к концу нашего в «Дуггурляндии» пребывания я ощущал почти то же самое, только в значительно смягченной форме. Начал уже сам подумывать о возвращении, во избежание «острого рецидива», но с помощью Скуратова и Надежды все само собой решилось.

Выскочили оттуда — и как из зимнего заполярного Норильска — на Гавайские острова. Хотя сравнение вроде бы выглядит бессмысленным: это на той Земле буйство тропической природы, аква-мариновые моря и невероятной синевы небо, отражающиеся друг в друге. На вид — абсолютный рай земной. Но по ощущениям — как раз тот самый Норильск. Пусть и объяснить словами тому, кто там не был, это почти что и невозможно. Ну, если совсем попросту — сильнейшее давление совершенно чуждой ноосферы и не под нас выстроенного биогеоценоза. Просто я за счет перенесенной психической травмы это раньше почувствовал.

Вот и сейчас сидел я перед открытым панорамным окном каюты за своим письменным столом, с обычной чернильной авторучкой над своей тетрадью, записывал кое-что, а больше любовался бескрайним океанским простором, бликами солнечных лучей в ложбинках между увенчанными белыми барашками волнами. Какая красота все-таки! Может, действительно отключиться от всего и прокатиться вместе с Воронцовым вокруг «шарика»? Да не в нашем, оказавшемся довольно неприглядным двадцать первом веке, а в мире Басманова. Какой там у них сейчас год, двадцать седьмой, кажется? Причем — двадцать седьмой в улучшенном варианте, с куда более спокойной международной обстановкой и ощутимо продвинувшимся в сравнении с ГИП прогрессом. Бытовым по преимуществу.

Или на «Призраке» сделать еще одну попытку исполнить юношескую мечту. Прошлый раз курортная кругосветка не удалась по независящим от нас причинам, пришлось вместо отдыха ввязывать-

ся в проблемы потомков из две тысячи пятьдесят шестого года, Ростокина с его Аллой из лап оживших покойников и алчных миллиардеров, жаждущих бессмертия, спасти.¹

Конечно, гораздо романтичнее, если бы сейчас передо мной был иллюминатор в надраенной бронзовой или медной раме, но ради моей прихоти Воронцов не стал бы портить стильную архитектуру «Валгаллы». Иллюминаторы здесь только в помещениях, расположенных в корпусе, — а в надстройке — квадратные и прямоугольные окна, и тем они больше, чем выше расположена палуба и, соответственно, класс кают.

Иллюзию, впрочем, с помощью подобия лемовских «фантоматов», я хоть сейчас могу создать любую. Есть у меня в каюте еще один, имитационный, так сказать, кабинет, копирующий настоящий профессорский в старой московской квартире, и там за нормальным окном — зимняя улица Горького конца пятидесятых годов. Но имитация и есть имитация, годится под настроение, а натуральный вид и свежий морской ветер, шевелящий бумаги на столе, — это совсем другое.

Тут прозвенел звонок, кто-то просил впустить его в каюту. Я посмотрел на телеэкранчик, передающий изображение с видеокамеры над дверью. Этаким аналог прежнего «глазка», очередное свидетельство прогресса. Когда Воронцов «строил» пароход, мы, ребята первой половины восьмидесятых годов, о таких изысках не задумывались. Да их, по моему, видеокамер размером с винтовочный па-

¹ См. романы «Время игры», «Андреевское братство».

трон, еще и в природе не было. У аггров и форзейлей имелись, конечно, но нам тогда просто в голову не приходило такими «девайсами», как сейчас на Большой Земле говорят, заморачиваться.

А теперь есть, и это довольно удобно. Как и многое другое из техники двадцать первого века.

В коридоре стоял Сашка, одетый в подходящие к погоде и ситуации голубые шорты и белую рубашку с короткими рукавами. Вроде как форменная одежда корабельного комсостава для тропиков. С нашивкой «Валгаллы» на рукаве, только без погон. И верно — что же ему, генерал-лейтенантские погоны ВСЮР цеплять? Чересчур манерно, и все роботы и люди из экипажа парохода должны будут каждый раз, увидев его, «во фрунт» становиться? А заслуженные при Советской власти погоны медицинского старлейта — тоже смешно.

Он зашел в кабинет, развалился в кресле, немедленно закурил и жестом показал, чтобы я подал ему из бара-холодильника бутылочку пива. Мне вроде как ближе, могу дотянуться не вставая.

— Творишь? — поинтересовался он, кивая на раскрытую тетрадь. К моим записям еще с юношеских лет Сашка относится благосклонно, всегда оказывается в числе первых читателей и часто дает ценные, хотя и ядовитые советы по совершенствованию стилистики и сюжетосложения. При том, что сам не в состоянии ничего литературного изобразить, кроме поздравительной открытки к Новому году и дню рождения (когда их еще писали и посылали).

— Так, помаленьку. Не забыть, чтобы...

— Как будто ты когда-нибудь что-то забываешь, — польстил мне Сашка. Значит, что-то ему от

меня нужно. Как минимум — моральная поддержка, неизвестно пока, в чем именно.

— Еще как, — не согласился я. — Канву, хронологию, реперные точки — помню, конечно. А вот нюансы... Если б не записывал по горячим следам, вспомнилось бы сейчас детально, как шли мы (по календарю — полвека назад) вниз по утренней улице Интернациональной в Ессентуках? С утренней электрички в семь двадцать, кажется. Совсем недавно, перед рассветом, прошел короткий дождь, асфальт был еще мокрый, и прибитой пылью пахло, а за оградой Курортного парка птицы свистели и рулады выводили, как на конкурсе имени Чайковского... И ты, помнится, размышлял вслух, удастся ли тебе ту молодую докторшу, с какой мы накануне познакомились, соблазнить, или нет.

— Да, было, — вздохнул Сашка. — Самый разгар «застоя», как потом стали писать, а хорошо было... Не передать.

— Не разгар, а только преддверие. Излет «оттепели». Как Фунт говорил: «еще до угара НЭПа». Ты что-то интересное придумал? Слушаю, — резко сменил я тему.

— Да чего там интересного! Так, поразмышлял немного. Мне представляется, что пока Фест с Лютенсом и Ойямой разбираться будет, ему наша помощь не потребуется, — сказал Шульгин, пружинисто поднялся из кресла, подошел к окну. В отличие от большинства остальных пассажирских палуб, окруженных прогулочными галереями, эта располагалась на два уровня, на шесть с лишним метров выше «Променад-дека», и в окно никто не мог заглянуть походя. И «несанкционированно проник-

нуть» извне, конечно. Немаловажное преимущество. Моя врожденная латентная паранойя вообще не переносит никаких нарушений «прайвеси», сиречь личного жизненного пространства. Терпеть не могу сидеть спиной к двери. В читальном зале заниматься не мог, если позади меня кто-нибудь пристраивался, сопел и шелестел страницами. Ночью в степи у костра отвратительно себя чувствую. А уж поселиться на низком первом этаже с окнами на людную улицу — лучше одиночная камера в башне замка Иф. И чтоб тюремщик заглядывал в глазок не чаще чем раз в сутки...

— Думаю, не меньше пары суток им будет чем заняться. Пусть пока с привлечением всех заинтересованных сторон выясняют, сама мисс Мэйден грохнулась или ей помогли. И что остальные «слуги демократии» по этому поводу делать будут. Я Фесту предложил подкинуть аэробэшникам и прессе прилично выглядящую информацию в пользу хотя бы трех взаимоисключающих версий. И невредно бы еще один «эксиденс» организовать, зеркальный, так сказать. С кем-нибудь из враждебного этой «банде четырех»¹ лагеря... Вполне такой необъяснимо случайный...

¹ Так Шульгин называет группу, противостоящую президенту Ойяме — директора АНБ Прайс, вице-президента Келли, главу администрации Мэйден, госсекретаря Блэкентон. По ассоциации с группировкой ближайших соратников Мао Цзэдуна, после его смерти в 1976 г. обвиненных в попытке узурпации власти в КНР и приговоренных к смертной казни. В нее входили: жена Мао — Цзян Цин, секретари ЦК КПК Чжан Чуньцяо, Яо Вэньюань, Ван Хунвэнь и «примкнувший к ним» министр обороны маршал Линь Бяо. Несколько похоже на события в СССР после смерти И. Сталина.

— Идея хорошая, но есть у меня коррективы, — ответил я. — А прямо сейчас стоит перебросить Лютенсу для поддержки тройку роботов. Мало ли. Вдруг оппоненты решатся на немедленный «острый вариант»? Тут наши ребята и вмешаются. На первый случай больше едва ли потребуется. Только под кого бы их оформить? — сразу подхватил я Сашкину идею. — И чтоб вопросов не возникло, и максимум оперативной свободы...

Шульгин задумался. Действительно, в каком качестве могут появиться в близком окружении президента США и цэрзушного полковника три посторонних человека, чтобы не вызвали подозрения и могли делать практически все, что могут потребовать обстоятельства?

— Не заморачивайся, — тут же сказал я. — Фест твой сильно умный, мировую политику вершить замахнулся, вот пусть и думает. А мы посмотрим. Можешь подсказать — пусть с Лютенсом свяжется, тот свою кухню лучше нас представляет.

— Что, напрямую спросить? — удивился Сашка. — Так, мол, и так, товарищ агент, у меня тут вам для помощи обнаружилось несколько Терминаторов, в каком виде их получить желаете?

— Придуряешься или тормозить стал, как эстонец? — удивился я. — Честертона давно читал? Пусть патера Брауна изобразит. Скажет Ойяме без нажима, что есть у него данные из личных источников о непосредственной угрозе жизни президента, и одновременно — поблизости находятся несколько «паранормальных специалистов». Покруче Рыси, что его самого «сделала». Вот и нужно, мол, сэр, ваше разрешение, при необходимости в игру

их ввести. Поскольку иным способом ни президента, ни его самого гарантированно защитить не удастся. Нынешняя охрана Кэмп-Дэвида — кто знает, на чью сторону перейдет в случае чего. Лютенсу дать понять, не драматизируя — мы тоже не все-сильны. А наш «шпиен» пусть сам соображает, как «помощников» для президентской службы безопасности залегендировать...

— А что, нормально. Так, может, в натуре именно под валькирий роботов замаскировать? Только опять тот же вопрос — что им там делать?

— Пусть думает, — повторил я. — Потом ему зачет или незачет поставишь, в рамках внезапной инспекторской проверки.

— Зачет или незачет ему пулей в затылок поставят, если не повезет. А в остальном согласен. Его партия, ему и играть, — кивнул Шульгин. — А нам с тобой развеяться пора...

— Не нагулялся еще? — осведомился я, выбирая на подставке одну из полусотни коллекционных трубок, на два года забытых и заброшенных. Надо теперь постепенно заново их обкуривать. Начну, пожалуй, вот с этого «Петерсена». Я взял длинную прямую трубку с серебряным кольцом из настоящего шиллинга восемнадцатого века, одну из первых моих настоящих трубок, а не изделий московской фабрики «Ява», с каких мы начинали. — Анна тебе бубны не выбила за предыдущее?

— А что такого? — сделал удивленные глаза Сашка. — Жена авантюриста и землепроходимца должна быть всегда готова к внезапным разлукам. Вон прежние наши коллеги на самом деле в трехлетние кругосветки ходили, на Аляску или Антар-

ктиду открывать, и без всяких телефонов-телеграфов, заметить, а жены и невесты их ждали.

Он снова опустился в кресло, закинул ногу на ногу.

— Для нее меня всего два с половиной месяца не было. Они с прочими девицами то на Валгалле, то в гостях у Лихарева с женой, то у Воронцова на пароходе кантовались, время и пролетело незаметно. Так что я по ней как по бабе сильнее соскучился, чем она по мне. Сделал что мог, удовлетворил ее в меру моральных и физических возможностей, теперь можно и снова в поход...

С Анной, конечно, у Сашки получилось так же, как со всеми предыдущими подругами, включая первую законную жену. Меня это, признаться, с самого начала не просто удивляло, а моментами просто бесило. Умнейший вроде бы человек, психиатр, между прочим, сексопатолог в частности, а с собственной гормональной системой ничего не мог поделать. С определенной регулярностью у него на эротической почве едва ли не крышу срывало. Охватывала его вдруг страстная до неприличия в кого ни попадя влюбленность. При том, что гораздо более приличные, на мой взгляд, «объекты» и так ему в абсолютной благосклонности не отказывали. В один из таких приступов он и женился на до крайности стервозной бабе.

Влюбленность прошла до окончания «медового месяца», а злобенькая и весьма распутная супруга осталась. Хорошо, аггры помогли от нее сбежать «с концами».

С Анной получилось почти то же самое. Другое дело, что как человек она неизмеримо лучше

и выше его «бывшей». Но это никак не объясняет всего остального. А итог его второго брака закономерен — Аня ему просто приелась. Живет он с ней (в обоих смыслах) не чаще, чем месяц в году. Вот и сейчас — не виделся с «девушкой» (в двадцать первом веке так без тени смущения называют даже очень сильно беременных дам) то ли три месяца, то ли два года, за несколько дней и ночей компенсировал себе (ну и ей тоже) все неотреагированные эмоции, и она опять, похоже, не слишком отличается для него от прочих «боевых подруг».

И ведь что интересно, ничуть на этих его свойствах не отразилась трехкратная смена физических оболочек. Переходы в эфирную сущность и обратно.

— В поход, значит, — кивнул я. — А куда именно? Что-то мне в голову никакой достойный пункт назначения не приходит. Разве что в двадцать седьмой год, к Басманову. Или в Англию к Сильвии — нового монарха не престол сажать и всю последующую англо-российскую конфронтацию в утиль сдать. «Русский с британцем — братья навек», — пропел я на мотив популярной в моем раннем детстве песни «Москва — Пекин»: — «Сталин и Мао слушают нас...» и так далее. Так планы вроде другие имелись, кабинетные, я бы сказал.

— Ну, насчет похода я малость загнул, не поход, так, прогулочка...

— Тоже было. Коротенькая прогулочка на Валгаллу чем кончилась? Да и пресловутый наш Одиссей тоже собирался из похода на Трою вернуться «до осеннего листопада». Подумаешь, делов-то — украденную девку у соблазнителя отобрать,

законному мужу вернуть да острастку на вассалов навести...¹ Так куда?

— Ты не нервничай, — успокоил меня Сашка. — Никаких новых авантюр. Все чисто в плане уже намеченного. Просто что-то мне страх как захотелось с господами Арчибальдом и Сарториусом увидеться. Просто познакомиться для начала, а то про одного много слышали, про другого — чуть-чуть, но он оказался как раз тем, кого мы так долго искали. «Недостающее звено», можно сказать... Очень, знаешь ли, интересно увидеть человека, который столько лет из всех нас дураков делал.

— Вот тут я с тобой согласен. Ежели готовы проблему радикально решать, вплоть до ампутации, без добровольной помощи и дружеского сотрудничества господина Сарториуса ничего не получится. Помнишь же, что лошадь к воде подвести можно, а заставить пить... — я развел руками.

¹ Согласно «Илиаде» и «Одиссее» Гомера, сын царя Трои Парис похитил жену царя Спарты Менелая Прекрасную Елену. Царь Микен Агамемнон по просьбе Менелая собрал ополчение греческих полисов и отправился отнимать Елену. Во всей этой истории самую активную роль играл царь Итаки Одиссей. Но конфликт из короткой набеговой операции превратился в десятилетнюю Троянскую войну. После ее завершения Одиссей якобы еще десять лет добирался на родную Итаку, испытывая всевозможные приключения, в том числе эротического плана, сражался или вел психологические игры с силами природы а также всякими фантастическими существами, в т.ч. и негуманоидами. Раскопки подтверждают, что в XIII в. до н.э. на территории тогдашней Трои действительно велись масштабные боевые действия. Все прочие населенные пункты и исторические фигуры также существовали, в чем автор убедился лично. Но достоверность приключений Одиссея подтверждается только честным словом Гомера.

На остров к Сарториусу мы переправились обычным способом, почти не опасаясь очередных парадоксов. Дуггуры, судя по нашим договоренностям, вмешаться не должны, «Ткань времени» здесь, на ГИП, гораздо прочнее, чем в параллелях, и на пробой реагирует куда спокойнее, чем на линиях, значительно удаленных от «оси» или вообще химерических. Хотя подсознательный страх все равно где-то таился — все же полная разборка на атомы в момент перемещения и мгновенная же обратная сборка наводила на мысль, что с каждым удачным случаем возрастает вероятность сбоя. И неизвестно ведь, на миллионную долю процента или сразу на вполне значимую величину.

Левашов, правда, утверждал, что механизм в его принципе совмещения используется совсем другой: непосредственная стыковка времен и пространств, мгновенная и без зазора, так что организм перемещается в своем подлинном виде, отнюдь не пакетом нейтрино или аналогичных, еще неизвестных науке частиц. Что до сих пор в общем и целом подтверждалось.

Удолин, кстати, в одной из научных дискуссий высказал совсем уже оригинальную идею: субъект, мол, всегда остается сам собой и на одном и том же месте, а как раз реальность смещается и охватывает его, как сапог ногу при примерке. Нога одна и та же, а сапог — бесконечное количество в мастерской у Демиурга. И в твоей воле выбрать тот или другой, посмотреть, прикинуть, остаться ли в нем или попробовать новый, красивее или удобней, в зависимости от настроения или привходящих обстоятельств.

Посмеялись тогда не над самой идеей, а лишь над приемом популяризатора, поскольку ни подтвердить, ни опровергнуть любую из гипотез было решительно нечем. Даже Антон не смог или не захотел добиться от Замка ответа. Сообщил только, что Замок манипулирует пространственно-временными соотношениями, используя несколько другую методику. В чем Воронцов первым, а после него и другие имели возможность убедиться.

Да и какая нам, в сущности, разница, если элементарные частицы, из которых мы состоим, рекомбинировались уже сотни раз, при наших выходах в астрал и иных-прочих взаимодействиях с субстанциями, лежащими вне принципов «материалистического понимания природы»? Если рука и нога поменяются местами — это заметно и неудобно, а если мезоны, глюоны и прочие гравитоны (из которых и состоит весь воспринимаемый нами мир) в любом случае существуют от нескольких секунд до миллионных долей их же, а потом заменяются на другие, неизвестно откуда возникающие на том же месте, то какая нам разница, претерпим ли мы очередную реинкарнацию в следующую минуту или через сто полноценных лет?

Отправляясь навестить затворника, мы в отличие от предыдущих экспедиций никак специально не снаряжались. Арчибальд, судя по всему, снова превратился в послушный инструмент коммуникации с личностью Замка, а также универсального биоробота высшей категории, поэтому готов выполнять любые указания людей — Воронцова и нас с Сашкой — в приоритетном порядке. Так сложилось с самых первых дней контакта, когда и само-

го Арчибальда в физическом воплощении еще не было, существовала только его идея, проявлявшаяся в ходе нашего общения с Замком через Антона или непосредственно.

А такого качества робот, каким создал себя Арчибальд, в случае необходимости без всяких вспомогательных инструментов мог действовать не хуже пресловутого Шварценеггера в известном фильме. Наверняка даже лучше, поскольку воображение режиссера и сценариста сковывалось многими стереотипами и правилами жанра, робот же, точнее, создавший его Замок, был от подобных ограничений свободен.

Если биороботы «Валгаллы» поражали воображение неподготовленного человека своими способностями и возможностями, как боевыми, так и интеллектуальными, то Арчибальд превосходил их в любом отношении. И на самом деле представлял нешуточную опасность для всего человечества, что успел продемонстрировать неоднократно. Страшилка пятидесятих годов насчет неизбежного «бунта роботов» и захвата ими власти над людьми почти что осуществилась. Но вот именно что «почти». Человеческий (и не только) разум продемонстрировал в очередной раз свое превосходство над «мертвой материей». Неважно, что в данном случае люди имели дело и не с материей вовсе, и отнюдь не с мертвой.

Таким образом, имея в своем распоряжении послушного Арчибальда, никаких превратностей судьбы мы могли не опасаться. Кроме всего прочего, робот умел открывать проходы и между реальностями, и непосредственно в Замок.

Кстати, нужно проверить, вдруг из-за наших с ним манипуляций и «насилия над личностью» он утратил свои сверхъестественные свойства и стал просто универсальной машиной ограниченного применения?

Но оружие мы с собой все-таки взяли, скорее по укоренившейся привычке, чем по действительной необходимости. Потому как оружие, хоть холодное, хоть огнестрельное, неременный признак статуса свободного человека. Ну и, само собой, при прочих равных условиях, какими бы они ни были, дает дополнительный шанс, пусть даже только в моральном плане. Как в знаменитом афоризме Аль-Капоне про доброе слово и пистолет.

Вот пистолеты мы с собой и прихватили. Я — старый добрый «ТТ», модернизированный в соответствии с моими личными вкусами в области эргономики и дизайна и избавленный от врожденных конструктивных недостатков. Ну и бывшие «маузеровские» патроны были переделаны в сторону усиления как останавливающего действия, так и бронебойности. Как раз на случай, если придется стрелять по людям в бронежилетах и не-людям тоже.

Сашка ограничился «Береттой», бывшей «девятью второй», но тоже претерпевшей некоторые изменения и дополнения в конструкцию с помощью имевшейся у него моделирующей приставки к обычному дубликатору. Ее он заказал, еще когда работал в оружейной мастерской Замка, и она позволяла перед тем, как скопировать изделие, все, что нужно в нем подправить. Например, заменить материал ствола, пружин, рамки, усовершенство-

вать принцип автоматики и тому подобное. На эту мысль Шульгина подтолкнул, в частности, и прокол, что мы допустили, снабжая дублированным оружием югоросскую армию.

Тогда англичане сумели заметить, что попавшие к ним в руки пулеметы «РПК» абсолютно идентичны, вплоть до забоин и раковин в недоступных эксплуатационным повреждениям местах. Тогда у британских экспертов не хватило воображения для завершающего «гипотезу исследования» вывода, но, чтобы подобные промахи не повторялись, теперь дубликаторы можно было настраивать на внесение в продукцию изменений. С регулируемым шагом процесса — в каждом втором, сотом или тысячном изделии что-то будет другое, от номера до марки стали ствольной коробки.

Это «изобретение» имело и побочный эффект, к слову сказать. С его помощью можно было дублировать бумажные деньги по потребности, не беспокоясь о главной беде плохих фальшивомонетчиков — одинаковых номерах и сериях. Что открывало неограниченные возможности и в чисто финансовой и политических сферах.

Пистолеты разместили «в гражданском варианте» — в наплечных открытых кобурах, по несколько запасных магазинов в патронташах на поясном ремне, сверху, для маскировки — легкие пиджаки из немнущегося и почти невесомого «тропикаля».

Привыкли мы с Сашкой со старых еще времен в нормальных обстоятельствах появляться в людных местах именно в костюмах, иногда и при галстуках. Такой вид всегда внушает окружающим подсознательное уважение, особенно если костюм

хорошо сшит и цвет подобран правильно. Кроме того — карманов в пиджаке достаточно и в них много чего можно разместить, не привлекая излишнего внимания, в отличие от всяких жилетов-разгрузок и «тактических» штанов, где те же карманы, рассеянные в беспорядке от щиколоток до плеч, первым делом фиксируют на себе взгляд. Волей-неволей заставляют что противника, что союзника думать — а что же там спрятано и зачем. Иногда подобные мысли полезны: отвлекая от более продуктивных. А моментами и вредны — могут спровоцировать на необдуманные превентивные действия.

Классический костюм в этом смысле выигрышнее, он заставляет смотрящего на тебя человека мыслить стереотипами и штампами вроде того — где он сшит или за сколько куплен, что невредно бы и себе приобрести нечто подобное, или даже — «чего ради эти придурки вырядились именно так, когда все нормальные люди носят шорты и гавайки?».

Столь пространные лирические отступления я себе позволяю тоже из соображений рациональных — перечитывая такого рода мемуарные записи очень легко восстановить не только атмосферу времени и конкретного момента, но и сохранить для потомков и последователей кое-какие драгоценные практические истины, хоть и простые, но для многих неожиданные именно тем, что далеко не все затрудняют себя самыми обычными рефлексиями.

Кстати, именно поэтому увлекательно и полезно бывает читать писателей прошлого из так на-

зываемого «второго ряда». Если признанные гении поглощены исключительно мировоззренческими проблемами высших порядков, то такие «жизнеописатели», как Гиляровский, Зайцев, Боборыкин или Крестовский, рассыпают по своим текстам множество подробностей (вроде цены на папиросы или пирожки с визигой в Москве в тысяча восемьсот восемьдесят первом году) навсегда ушедших дней, «истинно великим» попросту неинтересных, а нам сегодня весьма полезных как в эмоциональном, так и познавательном плане.

Робот-оператор в синем рабочем кителе советского образца, но с погонами старшего лейтенанта-инженера Российского Императорского флота (на нагрудном трафарете обозначено имя — Фарадей) провел нас в надежно спрятанный в недрах корабля отсек. Корабельная установка СПВ была, по капризу Воронцова, оформлена в дизайне пятидесятых, а то и конца сороковых годов. Производила, нужно отметить, ностальгическое впечатление обилием крупных рифленых верньеров цвета слоновой кости, блестящих тумблеров, остекленных горизонтальных, вертикальных и круглых шкал, динамиками, затянутыми узорчатой тканью крупного плетения. Ящики процессоров были отделаны «шпоном ценных пород дерева». Никакого сравнения с той примитивной конструкцией, что представлял собой первый опытный образец. То же самое, что «Чайка» пятьдесят девятого года в сравнении с «Фордом-Т» тысяча девятьсот восьмого.

Подозреваю, что две трети «элементов управления» и «контрольных приборов» были декоратив-

ными, но какая разница, если функции успешно выполняются и при этом создается полезный для психики эмоциональный фон? Многие годы, проводимые внутри «острова плавающей стали», только такими приятными мелочами и могут компенсироваться, не доводя людей до мизантропии и нервных срывов.

Наверное, в старые времена психика у людей была все же крепче. По крайней мере, у любимого мною Станюковича. В «Вокруг света на корвете "Коршун"» не отмечается никаких следов депрессии среди экипажа и непосредственно у главного героя, восемнадцатилетнего гардемарина. А ведь они служили на кораблях, лишенных каких бы то ни было бытовых удобств, даже электрического освещения.

Палуба шестьдесят метров в длину и восемь в миделе, загроможденная шлюпками, рубками, вентиляционными раструбами, лебедками, масса рангоута, стоячего и бегучего такелажа — тут тебе и рабочее место, и простор для прогулок между вахтами. Четырехместные, вечно сырые офицерские каюты, освещаемые «безопасной» керосиновой лампой, и матросский кубрик с подвесными койками, в любые морозы обогреваемый подобием печки-буржуйки. В тропическую жару — никаких кондиционеров. Кормежка — солонина да волглые сухари. Затхлая вода из бочек.

Вся медицина — в лучшем случае фельдшер с десятком порошков и мазей в шкафчике. Вокруг — безбрежный океан с волнами, порой вздымающимися выше мачт. И нет профессионально-

го психолога в штате, взамен — старший офицер и боцман с богатым лексиконом.

А нам, вишь ты, непременно благоприятный эмоциональный фон подавай и возможные удобства жизни!

Минута на разогревание ламп (если они имелись в недрах установки), знакомое каждому радиолюбителю древних лет потрескивание и шорохи в динамиках, ни с чем не сравнимый «электрический» запах, которым потянуло из вентиляционных решеток. И раскрылось большое, три на два метра окно. Сквозь него с высоты птичьего, как говорится, полета стал виден остров, буроватый и изрезанный ложбинами и трещинами сверху вниз, как гигантский перевернутый кекс. Сверху он был покрыт густой шапкой непроницаемой для невооруженного глаза зелени, снизу окантован воротником кипящей на рифах белоснежной пены. Красивое, признаться, зрелище.

Левашов, сразу после первого выхода на Валгаллу (где мы увидели следы пребывания поблизости крупного суперкота), ввел непреложное правило. Сначала через одностороннее (чтобы вредная атмосфера или какая-нибудь тварь не ворвалась, воспользовавшись преимуществом в реакции и элементом внезапности) окно осмотреться как следует, а потом уже действовать по обстановке. И коротенький, из семи всего пунктов свод правил безопасности имелся на панели, взятый в рамочку. Каковому своду робот следовал неукоснительно.

— Так, давай снижайся, — распорядился Сашка.

Мы, словно на пикирующем бомбардировщике, провалились вниз. Вершина острова приближалась с такой примерно скоростью.

— Стоп...

С расстояния в полсотни метров стала видна полузатененная ветвями деревьев и прочей растительности обширная трехэтажная вилла, построенная в стиле «органической архитектуры» Фрэнка Ллойда Райта¹... Лужайка перед ней, пересеченная крест-накрест разноцветными дорожками, бирюзовая чаша большого, неправильной формы бассейна. На лужайке, возле классической гранитной балюстрады, отделяющей ее от бездны, — столик под камуфляжным, в цвет островной растительности тентом.

Наблюдения с воздуха хозяин опасается, что ли? Так с пролетающего на одиннадцати километрах «Боинга» не разглядишь, хоть камуфляж, хоть цвета мексиканского флага, а вертолет с авианосца, допустим, или беспилотник с подводной лодки любому рассмотрит, что ему нужно.

Я, кстати, в этот момент забыл, что мы уже в другой реальности и свойственные нашему веку опасности и технические достижения здесь не существуют, следовательно, безопасность владельца острова возрастает еще на несколько порядков. Нет здесь никаких спутников-шпионов и вообще никаких заатмосферных аппаратов, и не исчерчено небо регулярными трассами пассажирских суперлай-

¹ Райт Ф.Л. (1867 — 1959) — один из знаменитейших архитекторов первой половины XX века, автор многих, ставших классическими, строений, в том числе вилл и загородных домов.

неров. Раза три в неделю, кажется, пролетает над этим районом (но все равно на две-три сотни миль восточнее) турбовинтовой «Суперконстеллейшн» из Новой Зеландии на Гавайи, и все, кажется. Японо-Австралийская линия пролегает гораздо западнее. Да и авианосцев в мире слишком мало, чтобы без смысла болтаться в Южных морях. Прелесть! Живи и радуйся.

За столиком сидят и, кажется, играют в шахматы два человека.

— Развернись за правый фас виллы. Мы там выйдем, — продолжал командовать Сашка.

Рамка замерла в нужной точке, мы еще раз осмотрели окрестности, не дай бог, инициативный охранник из-за кустов пальнет сдуру из «слонобоя» какого-нибудь картечью. В голову удачно попадет — и гомеостат помочь не успеет.

«Окно» переключили в режим «двери» и чуть не задохнулись от хлынувших в отсек запахов тропической растительности и свежего «прибойного» ветра. Этот самый ветер у берегов, где мощный прибой, очень отличается от того, что дует над океаническими просторами. Ежесекундно многие тонны воды, обрушиваясь на рифы и скалы, разбиваются на мириады мельчайших брызг, возносимых восходящими воздушными течениями к вершине... Получается этакий природный аэратор, весьма полезный для здоровья. Таким образом лечили чахоточных больных в те времена, когда отсутствовало адекватное тяжести диагноза медикаментозное лечение. Бывало, что и помогало.

Здесь пахло столь густо, что едва не закружилась голова от перегрузки фитонцидами, эфирными маслами и прочими прелестями дикой тропической природы. А снизу доносился неумолчный грохот прибоя, не слишком смягчаемый многосотметровой вертикалью, отделяющей вершину от уровня моря.

Но, по всей видимости, через несколько проведенных здесь дней пушечные удары разгулявшихся волн о базальт будут исключены мозгом из списка значимых звуков и перестанут восприниматься, разве что за исключением моментов внезапной смены громкости и интенсивности.

— Теперь жди и наблюдай, — предусмотрительно сказал Сашка оператору, — зависимо, как у нас с хозяином разговор пойдет, скомандуем, отключаться или что. Матрос пусть автомат на изготовку держит, — кивнул Шульгин на вестового, замершего у противоположной переборки. По уставу полагалась на посту вооруженная охрана.

Оператор, подобно нормальному офицеру-специалисту, занятому своим делом, не стал выкрикивать положенных при общении с генералами уставных фраз, просто изобразил нечто среднее между «есть» и «угу». Мол, понял вас, все сделаю, как надо.

Высочайшая все же степень антропоморфности. Заложенная изначально или отработанная в процессе службы под началом Воронцова? Тот и зайца научит спички зажигать.

Мы ступили на гладкие, разноцветные, в хорошо продуманном беспорядке выложенные керамо-гранитные плитки, и я жестом приказал «стар-

шему лейтенанту» закрыть проем, снова оставив проницаемую лишь с его стороны «одностороннюю дверь». Переглянулись, поправили прически и неспешным шагом вышли из-за угла виллы.

Арчибальд при нашем появлении с достоинством, но быстро встал, расправил плечи, как на строевом смотре, чуть заметно поклонился, но ничего не сказал, не получив вводную на стиль поведения и ролевую установку.

Зато господин Сарториус удивление изъяснил. Даже некоторую оторопь. Но скорее не фактом нашего внезапного появления, а — сменой действующих лиц. С Воронцовым и Фестом он как-то уже освоился, а мы ему, видимо, чем-то «не показались». Или, наоборот, он имел удовольствие с нашими портретами и подробными досье познакомиться еще в его первую попытку захвата власти над миром.

Но в руки он взял себя достаточно быстро. Все ж таки один из тайных «повелителей», а у тех вся жизнь — нескончаемая партия в покер, где нужно и соображать быстро и нестандартно, и уметь лицо держать. То самое, покерное.

— Чем обязан вашему визиту, господа? — осведомился он, тоже вставая, но не так отчетливо, как Арчибальд. Тонковатые для левантийского типажа губы растянулись в слишком принужденной улыбке. Катранджи в подобных случаях умел демонстрировать куда большую естественность и радушие. — Господа Воронцов и Ляхов отпустили мне целый месяц на... размышления и принятие единственно верного решения. А господин Боулнойз — я привык называть его именно так — оставлен со

мной, чтобы скрасить мое одиночество и компенсировать ощущение некоей... несправедливости всего происходящего.

— Это интересно, — оживился Сашка, подвигая к себе ногой стул и нацелившись взглядом на хьюмидор с сигарами, стоящий посередине стола. — Я давний поклонник Сократа и взявшего на себя труд записать его «диалоги» Платона. Впрочем, возможно, никакого Сократа вообще не было, и Платон сам все придумал. Как тот английский граф, Рэтленд, кажется, и жена его Елизавета...

— Шекспироведением изволите увлекаться? — оживился господин Сарториус. Известная психологическая деталь — человек охотно отвлекается от сути дела и подхватывает постороннюю, знакомую и интересную тему. В расчете, естественно, на то, что выиграет тем самым время для анализа и оценки ситуации, заработает какие-то дополнительные очки в глазах партнера (оппонента). На самом же деле, как в данном, например, случае — просто глотает тщательно подобранную наживку. Заболтавшегося, его потом куда проще сдернуть в нужную колею. В самый неподходящий для него момент.

Не зря же мы с Сашкой, осматривая внутренние помещения его виллы через «окно», сразу же обратили внимание на несколько изданий Шекспира на полках в библиотеке, включая даже «прижизненные», и много научной и околонаучной литературы. Что ж, вполне достойное увлечение, характеризующее нашего визави как интеллектуала без всяких кавычек. Я, например, постигал Великого Страдфордца только в виде фильмов

и нескольких спектаклей: «Гамлет», само собой, со Смоктуновским, «Двенадцатую ночь» в раннем детстве¹, «Макбета» еще. Ну и «Отелло», тоже давнишний фильм. На прочее не хватило времени и усидчивости. Или чего-то еще, гораздо более важного.

— Не то чтобы так уж увлекаемся, — ответил Шульгин, садясь без приглашения и без позволения же беря длинную и наверняка самую лучшую и дорогую из имеющихся в этой реальности (а может, и в нескольких соседних) сигару.

— Трофей, — счел он нужным пояснить хозяину, на лице которого дернулась какая-то жилка при виде подобной бесцеремонности. — Все имущество здесь — наши трофеи. Остров и все на нем находящееся — завоеванная территория, а вы, естественно, пленник. Это я к тому, чтобы не возникало впредь вопросов о правовых статусах и юридической форме наших взаимоотношений...

Я тоже присел на соседний стул, взял и себе сигару, тщательно осмотрел и понюхал перед тем, как обрезать и закурить.

— Распорядитесь насчет чего-нибудь прохладительного, — сказал я Арчибальду тоном, средним между просьбой и приказанием.

— Но не в буквальном смысле, — тут же вставил Сашка.

Арчибальд, включивший программу дворецкого, изобразил на лице легкое недоумение. К шульгинской манере выражаться требуется привычка.

¹ Советская экранизация 1955 г. Было еще несколько иностранных. «Отелло» — тоже советский, 1955 г.

— Господин имеет в виду холодное пиво, — пояснил я.

— Холодное сухое вино тоже не возбраняется, а также и виски со льдом. Американский генерал Грант, победитель в войне Севера против Юга и будущий президент, именно и называл виски со льдом «прохладительным». Разговор будет долгим, так что несите все, а мы уже по обстоятельствам... — подвел черту под заказом Сашка. И одновременно сделал Сарториусу разрешающий жест. По-римски, опущенным большим пальцем указав на стул. Слов никаких сказано не было, но общий смысл мизансцены в поясняющих ремарках и не нуждался.

Похоже, Сарториусу разговора с Фестом и Воронцовым было мало. Точнее, он принадлежал к типу людей, настолько всерьез воспринимающих свое могущество и высокое служебное положение, что информация, полученная от нижестоящих, достоверной не считалась.

Этот, слава богу, нас, похоже, считал за равных себе. Что это не совсем так, придется уточнить специально.

— Не пойму, на каком основании вы столь бесцеремонно объявляете меня пленником, а принадлежащее мне на совершенно законных основаниях имущество — своими трофеями. Священного права частной собственности никто не отменял, и лишить меня права владения и распоряжения может только высокий суд, юрисдикцию которого я признаю...

И гордо вскинул подбородок. Шея господина Сарториуса подводила. Вообще он мог бы выда-

вать себя за мужчину лет около шестидесяти, вполне бравого и крепкого, но шея своими складками и выступающими жилами и сухожилиями прямо-таки кричала, что хозяину под восемьдесят. Если не «за».

— Вы бы все же сели, милостивый государь. Экий конек-горбунок, — усмехнулся Сашка, не заботясь, что собеседник уловит смысл сравнения. — Только пламени из ноздрей не хватает... Свои филиппики¹ оставьте для клуба пикейных жилетов в славном городе Черноморске. Здесь ваши понты не катят... — Благодаря Сильвии Шульгин владел английским со всеми его тонкостями и диалектами, не уступая известному профессору Хиггинсу², поэтому сумел довольно адекватно передать не только смысл самих слов, но и уровень своего отношения к «партнеру». — Это ведь народ, на языке которого мы говорим, придумал пословицу: «Кто взял, тот и прав»? Не знаю вашей подлинной национальности, не знаю даже, есть ли она у вас вообще, но у русских имеется подходящий аналог: «Кто первый встал, того и валенки». Поэтому я бы посоветовал впредь поостеречься апеллировать к Римскому и какому угодно праву, поскольку мы с вами давно вышли за пределы любого правового поля. Нэ-с па? — с французским у Сашки было похуже, но Сарториус понял и это.

¹ Филиппика (греч.) — гневная, обличительная речь. Первоначально так именовались регулярные выступления Демосфена против македонского царя Филиппа.

² Хиггинс — персонаж пьесы Б. Шоу «Пигмалион» и фильма «Моя прекрасная леди», профессор, знаток английской филологии.

— Не могу согласиться, — достаточно твердо ответил он. — На праве и незыблемости частной собственности покоится все здание современной цивилизации. И какие бы эксцессы исполнителя ни случались, к нашему глубокому сожалению, они не могут поколебать...

— Хватит баланду травить, а? — по-прежнему крайне вежливо предложил Шульгин. — Ты (по-английски тоже можно назвать человека на «ты», причем в довольно грубой форме) можешь сейчас же доказать, что все твои деяния последних лет являлись совершенно безупречными с правовой точки зрения?

— Разумеется, я отвечу «да». И все принадлежащие мне адвокатские конторы подтвердят полную прозрачность и юридическую безупречность всех осуществлявшихся мной и моими представителями, а также контрагентами, сделок.

— А мы ведь не о сделках сейчас говорим, пан Шнейдер, — сказал я, переведя латинизированную фамилию визави на более удобный для моих целей идиш, — как вас там, Магнус Теофил? А если проще — Моня, Мотя? — Я не был уверен в том, что Сарториус принадлежит именно к ашкеназской ветви великого народа. Но что семитские корни в нем присутствуют, наряду с десятком других генотипов, это мы выяснить успели.

Он пропустил мой неполиткорректный выпад мимо ушей, зато зацепился за первую фразу и опять принялся доказывать недоказуемое, что ни один из его поступков мы не можем поставить ему в вину, именно — ни один, поскольку в одних слу-

чаях происходившее нас не касалось потому, что мы не являемся гражданами Соединенных Штатов и его отношения с президентом и синклитом не задевают нас даже косвенно, во втором случае — мы точно так же не являемся подданными Британской короны, в третьем — вообще обитатели другой реальности и наши претензии столь же смешны, как иск об изнасиловании со стороны дамы, с которой эта неприятность случилась внутри сна, и даже не ее, а вашего...

— Кстати, интересно, — вмешался Шульгин, — а какой состав тяжелее, если в ее сне или в моем?

Сарториус сразу не нашелся что ответить, а Сашка тут же продолжил развивать успех.

— Прежде всего — твои деяния подпадают под решения Нюрнбергского трибунала, приготовление к агрессии, совершение самой агрессии, преступления против человечности и так далее. Опять же — принадлежность к преступным организациям и активная работа в них...

— Это какие — преступные? — вскинулся Сарториус, рассчитывая зацепиться хоть за этот крючок.

— «Хантер-клуб» — раз. «Общество озабоченных гуманистов», «Клуб искателей Странного», «Система», «Черный интернационал»... — загибал Сашка пальцы. «Интернационал» он припел до кучи, просто предполагая, что такая личность не могла, хотя бы косвенно, не отметиться в делах подобной структуры...

— Это вполне уважаемые, ни в чем противозаконном...

— Молчи, — перебил его я. — Документов, разоблачающих эти «крыши», у нас вагон и маленькая тележка. И свидетели. Вот — Боулнойз!

Арчибальд как раз вернулся в сопровождении двух лакеев, принесших подносы с напитками и подходящей к ним закуской, хотя мы ее и не просили.

Услышав мои слова, он дисциплинированно сдвинул каблуки и по-прусски резко наклонил голову. Жаль, что не набриолиненную. Ему бы пошлó.

— Так точно, Андрей Дмитриевич. Все как есть, доложу под присягой. И архивные документы предоставляю в полном комплекте.

— Это — раз! — снова загнул палец Шульгин. — Твое участие в покушении на тогда еще Великого князя, а ныне Императора Всероссийского, Олега мы тоже докажем. И организацию вторжения на территорию Москвы банд чеченских террористов, украинских бандеровцев и наемников Иностранного легиона — тоже. Все случившиеся при этом человеческие жертвы на тебя повесим, как и материальный ущерб... Кстати, если не ошибаюсь, мы сейчас как раз в реальности, где расположена Российская Империя самодержца Олега Первого. И при возможности он с явным удовольствием предаст тебя суду, причем — военно-полевому. Оснований — хватит. Решимости — тем более.

Сарториус какое-то время молчал, стараясь сохранять бесстрастное выражение лица. Потом движением головы указал одному из своих лакеев, так и стоявших в трех метрах от стола, руки по швам,

на бутылку виски. Тот неуловимым движением плеснул в четыре стакана грамм по тридцать.

— Не валяй дурака, лей до половины, — прикрикнул на него Сашка и серебряными щипчиками бросил в свою посудину три кубика льда.

Сарториус выпил, не дожидаясь нас, пожевал тонкими губами, закусывать не стал.

— Но вы, кажется, уже взяли на себя функции трибунала, являясь лицами, безусловно, заинтересованными... — с почти искренним интересом осведомился он. Взял из хьюмидора сигару, формально уже ему не принадлежащую. — И правомочность...

— Какая тебе правомочность? — от всей души удивился Шульгин. — Трибунал учреждает победитель. Дело слушается без участия сторон. Апелляции и просьбы о помиловании не рассматриваются. Приговор приводится в исполнение немедленно...

Похоже, Сарториуса Сашкины слова не слишком испугали.

— И какая вам от этого польза? — спокойно спросил он. — Я достаточно старый человек. Смерть — процесс естественный. Чуть раньше, чуть позже... Смертью меня не испугаешь. А вот вы рискуете потерять слишком многое. Даже не номера банковских счетов и прочие активы...

— Не объясняйте, — сказал я, опять переходя на «вы» и добавляя в голос не то чтобы сочувствие, но — намек на возможное взаимопонимание. — Дальше пойдет речь о ваших связях, контактах, возможности лично влиять на те или иные процессы. О том, что никто, кроме вас, не заставит под-

контрольные вам структуры работать уже на нас, а не на кого-то еще... Так?

— Именно так, и против этого вам возразить нечего...

Я от души рассмеялся.

— Как говорил один мой старый знакомый: «Вы совершенно правы, но не в этом вопросе».

Мы не зря с Сашкой готовились к встрече с «почти что Властелином» двух миров. «Почти что» — потому, что он действительно был очень близок к цели, и ближайшей, и той, что рисовалась ему в перспективе. Только вот мы опять вмешались. Ошибка Сарториусом была допущена уже тогда, когда он чересчур нагло вторгся в сферу наших жизненных интересов (как в дело и не в дело любят повторять американцы). Другое дело, что, поглощенные конфликтом с дуггурами и прочими «нечеловеческими» заботами, мы просто не заметили, что в игру вмешался одушевленный кусок синтетики и чего-то еще, заменяющего электронные мозги и компьютерные микросхемы. Арчибальд то есть. А посредством него и Замок, решивший устранить с игрового поля нас и поставить на центральную позицию этого вот сморчка — Сарториуса.

Нет, Замок как таковой, пожалуй, что и ни при чем. Он для этого слишком велик и всеобъемлющ. В любую конкретную секунду человеческими, вообще земными делами занят исчезающе малый сегмент его личности. И вот однажды этот сегмент, создавший для себя оболочку и внутренний мир почти человеческой особи под именем Арчи-

бальд (для нас — Арчибальд, так ему захотелось, такое у него прорезалось чувство юмора), вообразил, что он ничуть не хуже, чем приставленный к Замку (или получивший определенную часть мощностей Замка во временное пользование, для выполнения конкретной задачи) форзейль Антон. Даже — значительно лучше, ибо создан из несравненно более совершенных материалов, со значительно превосходящими гуманоида мыслительными способностями и быстродействием. И потому имеющий право занять его место в Замке, а заодно и на всей Земле.

Очень может быть, что Арчибальд существует столько же, сколько здесь служит Антон, только Антону о нем не было ничего известно. Замку было, но он ничего об этом не сообщал своему... Не знаю, как правильно назвать роль Антона при Замке. Скорее всего, Замку было просто интересно. Если Замок — это как раз и есть Игрок, которого мы представляли чем-то весьма посторонним и высшим по отношению к Гиперсети и всему, что происходит в наших «ячейках», то очень многое, ранее нам абсолютно непонятное, теперь объясняется довольно легко.

Вся эта конструкция как-то сама собой, почти одномоментно сложилась у меня в голове.

Значит, Арчибальд решил заменить в роли мифических Держателей нас с Антоном на Сарториуса с его кодлой. Или кагалом. А Замку это показалось интересным, и он до поры решил не препятствовать упражнениям своего «эффектора». А теперь снова перешел на нашу сторону? Или

я чего-то недопонял? Или это — всего лишь очередной круг розыгрыша? Замок сдавал карты и по дружбе подкинул нам обоих джокеров. Чтобы посмотреть, как мы ими распорядимся.

— Понимаете, Шнейдер... Кстати, со мной в школе учился парень по фамилии Шнейдерман... В чем разница, не подскажете?

— Не подскажу. Уже семь поколений моих предков носят фамилию Сарториус, и мне неинтересны ваши ономастические изыскания...

. — Ну, на нет и суда нет. Есть Особое совещание. Вот, посмотрите, — я вытащил из кармана флеш-карту и приказал лакею: — Ноутбук принеси, быстро.

Пока тот бегал, мы с Сашкой не спеша выпили, до этого все недосуг было. Задымили очередными сигарами.

— Тысячу долларов стоит? — спросил я, рисуя дымом в воздухе знак вопроса.

— Не интересовался, — ответил Сарториус. — Это вам пока интересны такие вещи, а я мыслю иными категориями. Деньги — на три уровня ниже...

— Что ж, взгляд довольно варварский, но верный. Смотрите сюда...

Я повернул к магнату экран ноутбука, по которому не очень быстро бежали колонки цифр.

— Это все, вы вздумайте — абсолютно все номера счетов, на которых лежат подконтрольные вам деньги. Вам и вашим клевретам. То есть с сего момента вы уже нищий, Сарториус. Полностью и абсолютно. Если мы сейчас вышвырнем вас отсюда,

предварительно еще и вывернув карманы, чтобы какая золотая или платиновая кредитка не завалась — вы сдохнете под забором. В том городе, куда мы вас выбросим, потому что уехать в другой будет не на что. Да и куда ехать? Для вас на Земле теперь что Патагония, что Нарьян-Мар или Синцзян-Уйгурский автономный округ. Разница только в климате... Ну, если повезет, в приют для престарелых заберут, только нужно будет костюм потщательнее порвать и испачкать...

Раньше мне не приходилось видеть, только читал, что человек может постареть прямо на глазах. Сейчас убедился в реальности этой метафоры. Вот буквально только что перед нами сидел уверенный в себе крепкий мужчина без возраста и вдруг стал сдуваться, подобно резиновой кукле. Опустились плечи, за несколько минут лицо покрыли морщины, глаза подернулись пленкой. Он, похоже, начал даже сползать со стула, ноги не держали, и задница потеряла сцепление с сиденьем.

— Саш, а ну нацепи ему гомеостат минут на десять, а то еще загнетса, упаси бог, — сказал я. Сарториус нам был еще очень и очень нужен. Гораздо в большей степени, чем сам он об этом подозревал, при всем своем самомнении.

Да, деньги — тлен, он правильно сказал. Когда контролируешь печатные станки Штатов и Евросоюза, несколько триллионов на счетах и в ценных бумагах, бог знает на какую сумму реальных ценностей — можно не думать о цене сигар и даже судьбах целых государств с сотнями миллионов населения. А когда вдруг оказывается, что с сего мо-

мента не на что гамбургер купить и за самую поганую ночлежку заплатить, взгляд на мир ощутимо меняется.

Хорошо, что его тяжелый инсульт в первую же секунду осознания этой основополагающей истины не расшиб. Возни бы куда больше было. Дело в том, что в первую секунду он элементарно не проникся — в какую бездонную пропасть рушится. Как и в случае, когда человек ночью выпадает за борт быстро идущего судна. Я уже где-то такое писал.

Сарториуса, пожалуй, спасли заторможенность и самоуверенность — даже они иногда могут оказаться полезными свойствами.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

пыта финансиста, феноменальной памяти и объема внимания Сарториусу хватило, чтобы за несколько секунд охватить взглядом и идентифицировать несколько сотен строчек, пробежавших снизу вверх по экрану ноутбука. Может быть, там было и не все, какие-то номера и пароли не попали в этот «проскрипционный список», но и того, что Магнус Теофил увидел, ему было достаточно. Девяносто процентов контролируемых «Системой» активов уже фактически принадлежали «гостям». Или — никому, что ничуть не лучше. Неважно, остаются ли они пока что на своих местах или, подчиняясь банковским поручениям, именно сейчас меняют свое местоположение и принадлежность. Достаточно нескольких щелчков кнопками ноутбука или компьютера, и миллиардные суммы по всему миру придут в движение.

Любому специалисту понятно, что невозможно перевести на другие счета все суммы сразу, вдобавок имеются еще пакеты акций, не только консолидированные, но и разбросанные по портфелям сотен миноритарных акционеров, суммы, рассованные по нескольким тысячам хеджевых фондов, складированные в известных местах в виде золотых, платиновых, палладиевых слитков и так далее.

Но главное господа Шульгин и Новиков ухватили правильно — несколько триллионов «дутых» долларов и евро, внезапно обналиченные, выдернутые с тщательно определенных им мест в мировом финансовом обороте и перемещенные к иным владельцам и с другими целями, неконтролируемый сброс акций на всех существующих рынках одновременно мгновенно приведут мировую экономику в хаотическое состояние. Настолько разрушат тщательно выстраиваемую со времен отмены Бреттон-Вудской системы «деривативную»¹ финансовую конструкцию, что мир перейдет в чаемое Сарториусом Средневековье не путем тщательно управляемой эволюции, а мгновенно. И, как выражаются эти русские — «мало никому не покажется». В том числе и им самим. А там — кто его знает. Если они располагают достаточными объемами реальных ценностей и монетарного золота, вполне могут за короткий срок оседлать неизбежный Мегакризис.

Только что Сарториус ощущал себя буквально на грани смерти — настоящей, физической, а не финансовой и политической, что кое-как можно было пережить. А вот ее — не переживешь. Сердце

¹ Д е р и в а т и в — производный финансовый документ, по которому стороны получают право и берут на себя обязанность совершать некоторые действия (купля, продажа, поставка, залог) в отношении «базового актива». Особенность деривативов в том, что суммарное количество обязательств по ним не связано с реальным количеством «базового актива», т.е. сумма «вторичных ценных бумаг» под акции действующего предприятия и количество операций с ними может в неограниченное число раз превышать стоимость и акций, и самого предприятия. Значение имеет только разница в цене, возникающая при операциях с деривативами.

стиснуло ледяной костлявой рукой, так что кровь почти перестала двигаться по сосудам, в ушах зазвенело, и яркий солнечный мир начал подергиваться коричневатой кисеей, вдоль которой вверх и вниз мелькали черные расплывчатые мушки.

Рука потянулась к карману рубашки, где он всегда носил специально для него и узкого круга «директоров» разработанные и изготовленные таблетки, способные даже при массивном инфаркте или инсульте поддержать жизнедеятельность организма вплоть до момента, когда пациент попадет в специальный реанимационный блок, где особо подготовленные врачи — лучшие из лучших — сотворят очередное чудо воскрешения.

Говорят, что ни за какие деньги нельзя купить бессмертие и даже растянуть на десятилетия здоровую полноценную старость, но при наличии **ОЧЕНЬ БОЛЬШИХ** денег и это постепенно становится возможным. Штат врачей-реаниматоров и геронтологов, настоящих врачей, не шарлатанов, сеть развернутых по всем цивилизованным странам клиник (с таким расчетом, чтобы до одной из них можно было долететь с «места происхождения» не более чем за полчаса), плюс специальные фармацевтические лаборатории стоили дороже, чем вся система здравоохранения такой страны, как Франция, например, или даже Германия. Но, во-первых, на собственную жизнь деньги жалеть глупо, а во-вторых — это тоже инвестиции, и они окупаются, как любое грамотное вложение капитала.

Только вот сейчас вся эта тщательно отработанная система оказывалась бесполезной. Даже если он сумеет проглотить чудо-таблетку и трое врачей «Скорой помощи», постоянно проживавших на

острове, сделают все, что от них зависит, до специализированной клиники он не доживет. С инфарктом или инсультом не перенести перегрузки, с которыми придется стартовать комфортабельному реактивному самолету, свободно разгоняющемуся до двух звуковых скоростей. Никуда не денешься — нормальной взлетной полосы на острове нет, а ускорение катапультного старта с трудом переносят даже двадцатипятилетние тренированные пилоты.

Об этом Сарториус в свое время не подумал. Вернее, он думал и об этом, но больше полагался на мистера Боулнойза, который по телефонному звонку должен был организовать ему обыкновенную телепортацию в нужное место. И был уверен, что настолько нужен Боулнойзу, что тот не подведет.

«Значит, вот так и приходит смерть? — подумал Сарториус. — Совсем не страшно. Только бессмысленно. Стоило ли вообще жить, если так банально все кончается?»

Он почувствовал, что его руку перехватили возле кармана, не дав достать целебный пенальчик, и запястье охватывает что-то вроде браслета. Его устроили в кресле поудобнее, под ноги подставили другое, получился ипровизированный диван. Сквозь многослойную мозаику листьев пробивались солнечные лучи, совсем не жаркие, а ветерок с океана был вообще прохладным и очень приятно ласкал щеки и шею.

Сарториус отчетливо ощущал, как уходит боль, рассеивается туман перед глазами, сквозь звенящий шум в ушах снова начинают доноситься звуки прибора. Он готов был уже попытаться сесть и сказать, что ему гораздо лучше, поблагодарить

«гостей» за помощь. Но тут же изощренный мозг интригана и мыслителя с почти вековым стажем остановил телесный импульс.

Ему дано несколько лишних минут на оценку обстановки и выработку решения. Следует ими воспользоваться.

Выходит, и второй, нет, даже третий тайм, сет, круг — назови, как угодно, он проиграл. И с совершенно разгромным счетом. Значит, играл не в свои игры. У него на руках все время оказывалось каре королей, и он считал, что этого вполне достаточно. Тем более имея партнерами этих русских. Ничего собой не представлявших ни по возрасту, ни по положению в жизни. Мальчишки, взявшиеся играть с профессионалом на деньги, сэкономленные на недорогих девочках из второразрядного клуба. А к ним снова пришел флеш-рояль! И сейчас — уже не случайно.

Чтобы поймать его на этой штуке с банковскими счетами, нужно было копать долго и глубоко. И все равно без толку, потому что добыть такую информацию «со стороны» просто невозможно. Никаким образом. Вернее, можно, но только единственным — собрать в одном месте всех финансовых директоров всех его компаний, распорядителей всех фондов, владельцев брокерских контор, аналитиков налоговых инспекций всего мира и очень много «просто доверенных лиц», подвергнуть их бесчеловечным пыткам, и вот тогда... Потратив несколько месяцев машинного времени на перекрестную сверку данных, содержащихся на сотнях тысяч жестких дисков компьютеров, иногда спрятанных в совершенно недоступных местах, не подключенных ни к каким, даже локальным сетям —

можно было бы подготовить тот список, что ему только что показали. Никак иначе.

А прежде этого нужно было бы каким-то образом узнать, какие именно люди входят в «круг посвященных», кого следует пытаться или запугивать, потому что просто перекупить никого из них невозможно.

Но невозможно отрицать и то, что названный список есть, значит, вся необходимая работа таки была проделана, пусть и неизвестно каким способом. А как работает «телепорт» — известно? Однако он работает. Вот из этой данности и следует исходить. Но если эти люди располагают аппаратурой, способной на такое, почему они не использовали ее тремя годами раньше? И почему об этом ничего не знал Боулнойз? Или знал?

— Слушай, Андрей, — услышал он голос одного из «пришельцев». — Судя по времени и за светке экрана, дедушка раздумал отбрасывать концы. Налился бронзовой силой, насколько это возможно для его возраста. Стометровку за десять и две не пробежит, но кросс трусцой уже вполне доступен.

— Километров на пять? С полной выкладкой? — насмешливо поинтересовался другой.

Прежде всего Сарториуса обрадовал смысл услышанного. Значит, еще поживет, и достаточно долго. Это хорошо. Непонятно только, почему за все время он ни разу не услышал голос мистера Боулнойза, называемого также Арчибальдом. «Гости» обращаются к нему тоже на «ты» и без всякой почтительности. Он настолько не имеет в их глазах авторитета? И как же он ухитрился растерять всю свою мощь и власть? На чем сумели подловить

и раздавить ЕГО? Действительно — эти парни на самом деле круты до невозможности. Нет, скорее, до неестественности.

— Садись, папаша, — без всякой почтительности дернул его за плечо тот, кого называли Сашкой, то есть — Александром. Сарториус русский язык знал достаточно, чтобы понимать все, о чем переговаривались «гости» между собой. Да и странно было бы, если б не знал. Он не сноб какой-нибудь, считающий, что деловому человеку достаточно английского для бизнеса и французского с испанским для легкости общения на отдыхе.

К России и русским он относился всерьез, хоть и со стойкой, с детских лет усвоенной неприязнью и опаской (как к зверям из африканской «большой пятерки»¹). Они хороши для якобы дружеского застолья, но вступать с ними в деловые отношения, заведомо считая себя «испанцем», а их — «индейцами», — затея для человека с крепкими нервами и ослабленным инстинктом самосохранения. Вполне сравнимо с настоящими сафари, которыми Сарториус увлекался в молодости. Лет до пятидесяти. Так что тайное знание русского языка вполне может сравниться по важности и полезности со штуцером сорок пятого калибра.

— Давай уж попросту теперь. С того света мы тебя вытащили, теперь некоторое время придется

¹ Наименование наиболее опасных африканских животных, являющихся также самыми почетными трофеями «настоящих охотников», — лев, леопард, буйвол, слон, носорог. В отличие от XIX и начала XX века сегодня крайне мало охотников, добывших полный комплект трофеев, что связано как с уменьшением популяции и строгостью природоохранных законов, так и дороговизной лицензий и требующихся для такой охоты оружия и «организационных мероприятий».

предписанный лечащим врачом режим соблюдать и не особо нервничать...

— Да, последний совет сейчас особенно ценен, — скривил губы Сарториус и почти рефлекторно потянулся к стакану с виски, так и стоящему недопитым у края стола.

— Пусть, можно, — ответил Шульгин на вопросительный взгляд Новикова. — Ему теперь много чего можно... Тебе по правде сколько лет, Магнус Теофил? Это я не из праздного любопытства спрашиваю, а чтобы в курсе быть, чего ты в этой жизни из личного опыта знаешь, что — только из книжек да по чужим рассказам.

Прозвучало это так, будто сам Шульгин прожил на этом свете не одну сотню лет.

— Восемьдесят восемь, — словно бы нехотя ответил Сарториус.

Новиков кивнул, словно бы удовлетворенный услышанным.

— И давайте так, раз и навсегда условимся — разговор ведем как взрослые, умные люди. У нас нет никакого желания поминутно ловить вас на лжи или умолчаниях и сначала угрожать, а потом на самом деле прибегнуть к ощутимым для вас репрессиям, — добавил он.

Сарториус попытался что-то сказать, но Андрей остановил его движением руки.

— Подождите. Все, что вы можете возразить, я знаю. Напомню для ясности, что потеря некоторой части капитала и права распоряжаться судьбами человечества отнюдь не равнозначна гораздо более примитивным страданиям, одинаково неприятным и триллиардеру, и пигмею из лесов Итури. Я отчетливо выразился? Имейте в виду, мы не

ограничены совершенно никакими моральными рамками...

— В отношении тебя, — вставил Шульгин.

— Вот именно. Вам, с вашим жизненным опытом и той бездной преступлений, к которым вы прямо или косвенно причастны, не следует надеяться, что нас что-либо может остановить, если мы решим, что какая-то степень «жесткого допроса» целесообразна.

— О чем теперь может идти речь, если вам известно ЭТО? — Он кивнул в сторону ноутбука, продолжавшего что-то показывать на экране.

— Папаша не понимает, — с сожалением сказал Шульгин. — Бабло ему зенки застит...

Этого русского выражения Сарториус не смог перевести. Он учил язык по другим учебникам и общался с людьми достаточно культурными, чтобы обходиться без жаргонизмов и обценной¹ лексики.

— ЭТО нас интересует лишь как инструмент нашей дальнейшей деятельности, — поучающим тоном ответил Новиков. — Как мы это используем — наше дело. А вы нам нужны тоже в качестве инструмента, но другого рода, и одновременно — консультанта по внешнеполитическим вопросам. Именно так. Для вас ведь что Америка, что Россия — одинаково внешние по отношению к центру паутины?

— Но только в том, что касается связей «Системы» с легальными мировыми правителями, — тут же внес коррективу Шульгин. — Во всех остальных

¹ Сегмент бранной лексики, включающий наиболее грубые, непристойные, вульгарные ее формы.

вопросах мы тебя и твою кодлу сделали, как пацанов... Посмотри на этого вот, — он невежливо указал пальцем на Арчибальда. Тот подтянулся, как Воробьянинов под взглядом Остапа.

— Консультанта — в чем? — спросил Сарториус. — В уничтожении земной экономики?

— Совсем наоборот. В переводе стрелок. В полной смене так называемой экономической парадигмы. Мы даже капитализм пока не собираемся разрушать. Нам только нужно, чтобы все колесики крутились исключительно в наших интересах. А вы за это получите вполне приличное пожизненное содержание. Позволяющее существовать, ни в чем себе не отказывая (в разумных, естественно, пределах), но никак не вершить судьбы мира. Мы можем оставить вам этот остров, несколько квартир и вилл в разных местах Земли по вашему выбору. Какой-нибудь бизнес, чтобы не скучно было. Или — хобби, по усмотрению. И даже особо не ограничивать свободу передвижения. Поскольку конец поводка остается в наших руках, — непонятно усмехнулся Новиков. — Согласитесь, что жизнь приобретает особую остроту, если знаешь, что она может либо оборваться в любой момент, либо продлиться до очень широких пределов. Вы себя сейчас чувствуете лучше?

— Прямо-таки хорошо, — не удержался Сарториус.

— Порадоваться нужно, — усмехнулся Шульгин. — Другие в восемьдесят восемь или инвалидной коляской пользуются, или вообще семейный склеп прочно обжить успели... Господин Боуллойз ни разу не намекал на возможность что-то в этом вопросе изменить?

— То есть?

— Вечную жизнь и вечную молодость не обещал?

— Я же не дьявол, — впервые подал голос Арчибальд.

— С этим мы еще будем разбираться. Что не дьявол — это скорее всего. А в остальном...

— Мы тоже не дьяволы, — сказал Новиков, — но можем в ближайшее время слегка перестроить ваш организм. Обновить так, примерно, до сорокалетнего возраста. И поддерживать в избранном состоянии лет около ста. Точнее пока сказать не могу... Интересный вариант?

Уж если чем и можно всерьез заинтересовать очень пожилого человека, так это именно намеком на крепкое здоровье и долгую жизнь. То, что власть над миром дороже личного, причем вполне благополучного существования, — весьма сомнительный тезис. И те, кто нечто подобное утверждает, относительно себя или других, скорее всего, врут. Хотя, конечно, извращения встречаются всякого рода. Мало ли в истории известно персонажей вроде пресловутых «солдатских императоров» Рима, рвавшихся на трон, при этом отчетливо зная, что пять или шесть их предшественников лишились жизни, не поцарствовав и по году.

Кроме того, необъятная власть и несметные богатства часто сами по себе внушают иллюзию возможности практически вечного существования. Как это так — я, самый умный, сильный и богатый человек — и вдруг умру? Разве сам факт моей избранности и исключительности не подтверждает то, что я не подвластен примитивным биологическим законам, как и всем прочим, божеским и человеческим?

Сарториус к подобному типу людей явно не принадлежал. Скорее, наоборот — вся его власть и деньги использовались им для максимального продления собственного существования именно от сознания его отвратительной краткости.

И его осведомленность о многих противоземных способностях Боулнойза (вроде посмертного, но вполне активного членства в «Хантер-клубах» сразу двух, если не больше, реальностей), тем не менее очевидным образом проигравшего этим двум молодым людям по всем позициям, подсказывала, что «гости» владеют знаниями гораздо более обширными. А в том, что поразительное «долгожительство» загадочного ветерана — не розыгрыш, Сарториус имел возможность неоднократно убедиться, поскольку сэр Арчибальд, будучи по документам на сорок восемь лет старше, выглядел вдвое моложе финансиста, при этом вполне свободно оперировал реалиями времен юности и даже самого раннего Магнуса Теофила, причем в таком объеме и с массой подробностей, чего никаким изучением документов не постигнешь.

Да зачем далеко ходить, весомый аргумент — тот сеанс терапии, что «пришельцы» только что провели над ним. Сарториус был достаточно образованным в огромном числе наук человеком, уникальное устройство мыслительного аппарата позволяло за неделю-другую накрепко усвоить то, на что другие тратили по несколько семестров в самых престижных университетах мира, а долгая жизнь нисколько не ослабила ни памяти, ни способностей.

Поэтому в медицине он разбирался ненамного хуже, чем в политэкономии Маркса, нисколько,

на его взгляд, не утратившей своего значения, как и геометрия Эвклида в сравнении со всеми другими геометриями. Исходя из теоретических познаний и личного полувекового опыта пациента самых выдающихся врачей и целителей всех толков и направлений (но не шарлатанов, с теми Сарториус расправлялся беспощадно, в лучших традициях наиболее авторитетных тайных сообществ), он понимал, что только что был на грани клинической, а там — не про нас будь сказано — и биологической смерти.

— Да уж куда интереснее, — честно ответил Сарториус на вопрос Новикова о желании омолодиться и потом жить долго-долго. — И чертовщиной тут не пахнет. Дьявол, насколько я знаю, обходится без помощи техники. Что это у вас за приборчик такой интересный? — спросил он. Ему сразу показалось, что у этого человека вопрос не вызовет неадекватной реакции. Он сразу понял — у «гостей» нет ситуативного распределения на «доброе» и «злое» следователей. Они такие изначально, один действительно человек, с которым Сарториус может разговаривать как с равным, а второй — нет. Он не выше и не ниже, просто психологически совершенно чужд. Будто на самом деле не человек, а инопланетянин.

— Ничего особенного, — вполне благожелательно ответил Новиков и, сняв с руки, протянул на ладони нечто вроде электронных часов с круглым, отсвечивающим травянистой зеленью экраном. И сам прибор (что это не часы, было очевидно), и пружинисто разгибавшийся браслет в два пальца шириной были густо-черного, Сарториус бы сказал — не встречающегося в природе цвета.

Даже лучшая китайская тушь ручной работы была, как он помнил, ощутимо светлее.

— Возьмите, застегните на руке...

— На какой? — достаточно глупо спросил Сарториус.

— На любой.

Браслет на ощупь был тоже непонятный — и не камень, и не металл, и не пластмасса. Почему он так решил, Сарториус не понимал, так ощущалось, и все.

Концы браслета сомкнулись на не слишком еще морщинистом и достаточно подвижном запястье. Отложением солей магнат не страдал.

Зеленый экран несколько раз мигнул, словно индикаторный глазок старинного лампового радиоприемника, потом на нем образовался широкий бронзовато-желтый сегмент, оставивший зеленое поле только между подразумеваемыми цифрами «9» и «12» часового циферблата. Одновременно Сарториус ощутил тепло, исходящее от внутренней стороны браслета, и словно бы слабый электрический ток, текущий одновременно в обе стороны.

— И что все это значит? Что это за вещь?

— Мы называем это «гомеостатом». Устройство для сохранения и возобновления устойчивости организма по отношению к внешней среде. Остальное несущественно. Суть в том, что зеленый сегментик показывает ваш жизненный ресурс на текущий момент...

— Не совсем понял. Что, мне осталось пятнадцать минут жизни?

— Пожалуй, чуть больше, — вмешался Шульгин. — Ты на данный момент исчерпал семьдесят пять процентов своего моторесурса. Грубо говоря.

То есть без какого-либо вредного для здоровья постороннего вмешательства можешь прожить еще лет десять. Ресурс имеет свойство расходоваться тем быстрее, чем его меньше остается.

— А можете и скончаться скоропостижно, как только что чуть не получилось, — продолжил Новиков. — По истонченной от ржавчины трубе вода может потихоньку течь и течь себе, а скачок давления в системе — и аллес. С вашими сосудами — то же самое. А еще бывают инфекции, несчастные случаи, суициды... То есть — Господь всем обещает вечную жизнь, но никому не гарантирует завтрашний день...

После этой назидательной сентенции все замолчали, и Шульгин предложил выпить еще понемногу. Сарториус отрицательно мотнул головой.

— Вольному воля. Только не думай, что показная умеренность тебя на самом деле от чего-нибудь защитит, — усмехнулся Шульгин. — Это я как специалист говорю. Слишком много на нас действует не поддающихся учету и даже вообще неизвестных факторов, чтобы надеяться, что исключение одного из них хоть немного качнет баланс в нашу пользу...

— Я не в этом смысле. Просто для меня ваши дозы великоваты. Хуже себя чувствую и еще хуже соображаю, — ответил Сарториус.

Какая-то почти дружеская атмосфера вдруг воцарилась за столом. Будто и не сломали только что два почти что дилетанта могущественнейшего на Земле человека. Впрочем, могущество его распространялось лишь на тех, кто соглашался принимать заведомо неравные правила игры. «Если нет — извините! Вычеркиваю», как в анекдоте про приглашение зайца ко льву на обед.

С момента окончания Второй мировой войны СССР был неизмеримо слабее объединенного Запада экономически, в военном, демографическом и многих других смыслах. Однако всего лишь решимости трех его послевоенных правителей не поддаваться на уговоры, угрозы и шантаж оказалось достаточно, чтобы почти полвека сохранять независимость в самом широком смысле. Да и сейчас...

Сарториус, как ему казалось, мог на этой планете практически все что угодно. Но перед сидевшими напротив парнями, сбросившими пиджаки, демонстративно обнажив пистолетные кобуры, потягивающими драгоценное хозяйское виски и дымившие такими же дорогими, изготавливавшимися на заказ и в крайне ограниченном количестве сигарами, оказался совершенно бессильным.

Не помогло ничего — ни спрятанный в промежутке между временами остров, ни деньги, количеством превышающие стоимость всех материальных ресурсов планеты, ни некие тайные силы, обладавшие, по словам Арчибальда, абсолютной властью над пространством, временем и законами природы.

— Если будешь себя правильно вести, подобные мелочи тебя больше беспокоить не будут, — сказал Шульгин. — И моторесурс можно будет восстановить до стопроцентного, и виски сможешь пить «квантум сатис»... Главное, чтобы ты все это правильным образом осознал и сделал правильные выводы.

А какие выводы тут можно сделать, кроме самоочевидных? Так он и сказал.

— Только, пожалуйста, поясните, что вам от меня требуется на самом деле?

— Скажем, если окончательно договорились, — опять вместо Шульгина ответил Новиков. — Мы вам обещанное и приличное содержание на беззаботную и долгую жизнь. Вы нам — полную откровенность и помощь в пределах ВСЕЙ вашей компетенции. Начнем прямо сейчас и с самого простого. Нам требуются списки ВСЕХ людей на всех значительных постах Америки, НАТО, Евросоюза, которые обязаны беспрекословно выполнять ЛЮБОЕ ваше распоряжение, сделанное непосредственно или через доверенных людей. Цепочки передаточных звеньев, если на кого-то у вас не предусмотрен прямой выход. Система паролей или чего-то подобного, чтобы мы от вашего имени могли сами руководить нужными нам субъектами.

Начинайте прямо сейчас. Вам требуются справочные материалы? Скажите, где они хранятся, Арчибальд принесет. А мы пока вместе с вами сделаем несколько телефонных звонков. Хорошо?

Вице-президент Келли впервые за время своей легислатуры¹ начал понимать, как туго приходилось его предшественникам, и американским, и руководившим другими странами во времена острых, мирового масштаба кризисов. Самый яркий пример — последняя Мировая война. Тогда и Рузвельту, несмотря на то что страна была отделена от всех театров военных действий непреодолимыми океанскими просторами и ее ни физическому, ни политическому существованию ничто не угрожало, нужно было работать почти круглосуточно.

¹ Легислатура — срок действия полномочий выборного государственного органа или должностного лица (лат.).

Сплетая и расплетая узлы мировой политики, лавируя между Сталиным, Черчиллем, собственными конгрессом и сенатом, военными, финансистами, тайными гитлеровцами, прокоммунистическим лобби и так называемым здравым смыслом, который часто и настоятельно подсказывал, что можно было бы и не вмешиваться во все это, отсидеться на своем континенте, сэкономив сотни тысяч жизней простых американских парней. А с победителем в европейской войне можно было разобраться и позднее, вполне мирным путем.

Велика ли разница — Сталин, Гитлер или кто-то третий правил на расположенном по другую сторону Атлантики континенте? Торговать все равно пришлось бы. Ну, может быть, прибыли у корпораций оказались бы поменьше, так не президентская эта забота...

Келли обратился мыслью именно к Мировой войне, потому что именно призрак Третьей отчетливо замаячил на горизонте. А про Вторую он читал много, даже слишком, наверное, и англо-американские источники, и германские, и советские. Читал, когда собирался полностью посвятить себя науке и готовил монографию, которая должна была наконец свести воедино десятки частных «правд» о том периоде истории в одну «настоящую», окончательную, правду, после которой к изрядно поднадоевшей за семьдесят лет теме можно было бы больше не возвращаться. Как не ломает больше никто копья по поводу войны Первой. Есть общепринятая точка зрения, а измышления отдельных диссидентов никого давно уже не интересуют.

Если честно признаваться перед самим собой, профессор Келли понятия не имел, как предсто-

ящая война может выглядеть. Его представления о характере современных войн начинались и заканчивались послевьетнамской эпохой, потому что и Вьетнамская, и предшествовавшая ей Корейская показали, что Америка больше не в состоянии мобилизовать свой трехсотмиллионный народ на «нормальную» — в понимании Келли — войну массовых армий. Дело не в том, что у страны не хватит экономических и чисто военных ресурсов. Мобилизационный потенциал Америки даже без учета многочисленных союзников (а союзников у США было много, не то что у России) достигал тридцати миллионов человек, и промышленность была в состоянии все эти миллионы, сотни и сотни дивизий вооружить и снабдить всем необходимым.

Беда была в том, что великая держава провалилась в ту самую яму, которую так старательно рыла все пятьдесят лет «холодной войны». Обладая всесокрушающим ядерным оружием и зная, что соперник обладает им же в сравнимых количествах, «суперкилл», то есть десятикратное взаимное уничтожение, было гарантировано, Штаты сделали ставку на фактор не столько даже экономический, как моральный.

Разоружить противника до боя, объяснить ему, что мир на любых условиях лучше войны, да вдобавок подкрепить это утверждение демонстрацией того потребительского рая, что наступит, «когда народы, распри позабыв, в единую семью соединятся». Демонстрировать пришлось на собственном примере, постоянно повышая жизненный уровень «простых американцев» и населения значимых в геополитическом смысле стран.

Одновременно всеми возможными способами приходилось сбивать уровень пассионарности того же самого населения. Своего и чужого. Поэтому что совершенно очевидно — человеку, готовому с однозарядным ружьем покорять Дальний Запад или пробираться через заснеженные перевалы Аляски в погоне за «золотой американской мечтой», кормящемуся, по словам Джека Лондона, «медвежьим мясом» — не навяжешь обывательский идеал — сыто хрюкать на берегу собственного бассейна, разъедаясь гамбургерами до полной непристойности.

А «исторического противника» можно заставить согласиться на роль младшего партнера, только внушив большинству его жителей мечту об «американской мечте». Но для этого пришлось сначала американцев и европейцев отучить думать, забыть понятия чести и человеческого достоинства, с младенчества ампутировать стремление хоть к каким-то возвышенным идеалам. Без этого никак — на том поле противник переигрывал «свободный мир» без труда.

Вот в итоге и оказалось, что, не говоря о возвышенных материях, на Западе просто не осталось бойцов! Из тридцати миллионов потенциальных призывников невозможно набрать приличных солдат больше, чем на пару дивизий, и как ты ни насыщай армию суперсовременной электроникой, сверхточным оружием, не осыпай дождем зеленых бумажек за сам факт согласия послужить несколько месяцев вдали от родины, дистанционно уничтожая «врагов Америки и демократии», — это не армия. Не та армия, с которой можно затевать войну

с державой, пусть экономически вдесятеро слабейшей, но способной выставить на фронт столько воинов, сколько потребуется, независимо ни от каких теоретических расчетов.

И, вдобавок, по-прежнему никуда не делся тот ракетно-ядерный кулак, способный превратить всю территорию «благословенных штатов», на которую больше двухсот лет не ступала нога иноземного солдата (а если не считать англичан и канадцев «иноземцами», то и вообще никогда), в радиоактивную пустыню.

Поэтому Келли, в глубине души понимая все вышесказанное, исполнял то, что ему несколько месяцев назад приказал Сарториус — готовил сразу множество проектов, которые следовало запустить после переворота в России и прихода к власти марионеточного правительства. И экономических, и политических, гарантировавших теперь уже окончательное разоружение и расчленение мистической «страны-монстра», всемирного пугала. Одновременно делалось многое для внезапного отстранения от власти ненадежного Ойямы и замены его на самого Келли. Точно так, как в сорок пятом «красный» Рузвельт был заменен на своего вице-президента, «суперъястреба» Трумэна.

В идеале намечался полный демонтаж всего механизма «американской демократии» и сооружение на его месте чего-то компактного, легко управляемого и приспособленного к противостоянию «вызовам времени».

И, что бы там ни воображали «ястребихи», с которыми вице-президенту выпало работать над грандиозной, иначе не скажешь, задачей, нужно реши-

тельно переводить экономику США на «военные рельсы». Как это было сделано в сорок первом году. Правда, тогда за производимую военную продукцию платили золотом «союзники», отчего скачкообразно разбогатели американские рабочие и возник «средний класс», а теперь затягивать пояса придется именно им. «Союзники» за минувшие семьдесят лет научились требовать за свою лояльность денег, денег и денег. Зря, что ли, вместо гигантского профицита сороковых-пятидесятых годов США имеют почти двадцать триллионов долга? Тоже проблема.

В целом перспективы «проекта» вырисовывались довольно туманные.

То есть, конечно, большинство корпораций готово немедленно получить государственные заказы на изготовление военной техники и снаряжения в любых мыслимых и немыслимых количествах (с предоплатой, естественно), только никому не было известно, что именно требуется армии для настоящей войны, поскольку о «настоящей» в высоких штабах забыли и думать.

Последний лейтенант и даже сержант-контрактник, заставшие вьетнамскую войну, выслужив свое, ушли в отставку лет пять назад, и больше ни один офицер в армии, в том числе и четырехзвездные генералы, представления не имели, как вообще воевать с как минимум равным противником. «Буря в пустыне» — это не война, да и в ходе нее было допущено столько накладок и откровенной бессмыслицы, что даже Саддам Хусейн, если б его генералы не были подкуплены на корню, легко сбросил бы экспедиционный корпус в Персидский залив.

Смутно помня о сражениях с японским флотом — Мидуэй и прочее, — адмиралы требовали авианосцев. Десятками, атомных, в сто и более тысяч тонн каждый. А то, что ракетный залп русской подводной лодки «Гранитами» или «Москитами» гарантированно топит любого «Рональда Рейгана» ценой в три миллиарда долларов — так это уже из другой оперы. Адмиралы воевать с кем-то сильнее Гренады или Ирана не собирались.

Но поставленная задача никуда не девалась — придумать что-то такое, чтобы русские испугались и пошли бы на переговоры с заранее оговоренными условиями. А времени на подготовку какой-нибудь осмысленной (и подкрепленной отобилизованной армией) провокации вроде убийства эрцгерцога Фердинанда или взрыва крейсера «Мэн»¹ практически не было.

То есть устроить что-то подобное довольно легко — хотя бы вторжение армий «Прибалтики» на территорию Белоруссии и Псковской области с целью возвращения «незаконно отторгнутых территорий». А любые ответные действия «Союзного государства», хоть пистолетный выстрел в сторону западной границы, подать как полномасштабную агрессию «Российской империи» против всего НАТО, привязав все это к недавнему выступлению русского Президента. Заодно и подавление московского мятежа можно подать как звенья одного и того же «византийского плана».

¹ Организованный САСШ взрыв собственного крейсера на рейде Гаваны был использован как повод для начала испано-американской войны в 1898 г.

Дело только в том, что для развития любой провокации нужны подготовленные вооруженные силы в российском приграничье и соответствующий накал общественного мнения как в самих США, так и в государствах-лимитрофах¹. А ни того, ни другого как раз и нет.

Келли про себя уже решил, только не сформулировал это отчетливо — первую часть «проекта» он выполнит. Не так уж трудно свергнуть слабого, уже загнанного в угол Ойяму. Тем более — специальными людьми начинается параллельная реализация второго этапа операции, очень нестандартно задуманного политтехнологами из финансируемого Сарториусом «Бюро практической футурологии». Готовы документы, подтверждающие острый конфликт между главой президентской администрации Кэйтлин Мэйден, госсекретарем Лаурой Блэкентон, советницей по национальной безопасности Анной Пиксман и директором АНБ Каролиной Прайс как раз на почве соглашательской позиции президента в отношении России. Намека о том, что крушение вертолета Мэйден явно подстроено кем-то из них, пока будет достаточно. Уже имеются, но пока держатся в тайне от прессы смонтированные аудио- и видеозаписи, работающие на эту версию.

А сам Келли до поры остается полностью в тени. В высшем руководстве страны кипит свара, дошло

¹ От лат. *Limitrophus* — приграничный. В 20—30-е гг. XX века общее название буржуазных государств, возникших на западных окраинах бывшей Российской империи, — прибалтийские гос-ва, Польша и Финляндия. Ныне к ним же можно причислить и бывшие страны Варшавского договора.

уже и до убийств, но вице-президент вне и выше конфликта, он пытается твердо удерживать государственный руль в эти судьбоносные часы. «Его час» наступит несколько позже.

Вице-президент, как и сам Ойяма, и Лютенс (морально подготовленный Фестом), думали сейчас в одном направлении. С разными целями, но в одном. Пожалуй, в сложившихся обстоятельствах единственно верном. С этой демократией по-американски пора завязывать. Хватит, наигрались, довели страну почти до ручки. Требуется всего одно, но очень яркое событие, сравнимое по эффекту со взрывом Манхэттен-центра в 2003 году, унесшего более десяти тысяч жизней. Тогдашний президент не сумел воспользоваться этим подарком судьбы, ограничился всего лишь некоторым расширением прав спецслужб и собственных полномочий как главнокомандующего, в «угрожаемый период».

Но это тоже немало. Келли при хорошо организованном «подарке судьбы» сумеет воспользоваться этими полномочиями. Прежде всего — объявит сенат, конгресс и Верховный суд всего лишь совещательными органами «до особого распоряжения». А все члены этих «совещательных органов», вздумавшие что-то возражать, будут немедленно интернированы. По никем не отмененному «Закону об антиамериканской деятельности» от 9 мая тысяча девятьсот пятидесятого года.

Все-таки прецедентное право — великое изобретение англосаксонской законотворческой мысли. Посадили по этому закону на электрический стул мужа

и жену Рознблум¹ — никто особенно и не пикнул. Были какие-то петиции и ходатайства о помиловании от Всемирного Еврейского конгресса — но и только. Сейчас ситуация гораздо благоприятнее, в «свободном мире» не существует вообще никакого «общественного мнения». Кроме пары-другой маргинальных журналистов малотиражных газет.

А дальше уже действовать по обстоятельствам. При поддержке и по указаниям Сарториуса.

Вице-президент снял трубку телефона и, услышав с той стороны провода голос председателя комитета начальников штабов Паттерсона, предложил ему встретиться в ближайшие часы где-нибудь «на нейтральной территории».

— Видите ли, Шелтон, — обратился он к генералу по имени, что позволял себе нечасто. Это означало намек на особую доверительность предстоящей беседы, — последние события настолько выбили известный вам «кружок» из колеи здравого смысла, что мне моментами делается очень не по себе. Я думаю, серьезным мужчинам есть что сказать друг другу без посторонних ушей.

— Где? — без лишних вопросов и дежурных фраз спросил генерал.

¹ Поскольку в описываемой реальности имеются некоторые отличия от событий на ГИП, отличается и фабула отдельных эпизодов истории. Так, на ГИП в 1953 г. по приговору американского суда были казнены супруги Розенберг, обвиненные в передаче СССР «секрета атомной бомбы». При этом никаких серьезных доказательств (кроме коммунистических убеждений подсудимых и их еврейского происхождения) не имелось, а атомная бомба была испытана в СССР за два года до начала процесса.

— На полпути между вами и мной есть один отель... Название у него должно быть вам близко по роду занятий. Просто езжайте прямо, никуда не сворачивая, в мою сторону и читайте вывески по правой стороне. Думаю — не ошибетесь. Я вас буду ждать в апартаментах на третьем этаже. Они там только одни...

Код был достаточно примитивен, и меры предосторожности — смешные, но Келли рассчитывал как раз на то, что ни одна из внушающих ему острую неприязнь «леди» (хоть и велено было считать их союзницами) именно сейчас не занята прослушкой его общегородского телефона. Теперь мало кто пользуется столь архаичной техникой, совершенно не имеющей никакой защиты. Известный принцип, но действенный, особенно когда имеешь дело с дилетантами.

То, что одна из «дам» — мисс Прайс возглавляла мощнейшую и технически даже «переоснащенную» спецслужбу мира, на самом деле не имело никакого значения. Для того чтобы инструмент проявил все свои качества, нужно уметь им пользоваться. Профан и в электронный микроскоп увидит меньше, чем Левенгук в свой самодельный, изготовленный еще в семнадцатом веке. А толкового советника рядом с директрисой нет, большинство высокопоставленных сотрудников ненавидит ее лютой ненавистью, а те, кто надеется выслужиться, потакая злобной лесбиянке, — сплошь бездари, это Келли давно выяснил.

Он собирался обсудить с генералом крайне важные моменты предстоящей работы, застолбить, так сказать, участки и договориться о дележе добычи.

Насчет того, как быть в случае проигрыша, вице-президент не задумывался по свойству характера.

Он уже направился к выходу на внутреннюю лестницу, минуя лифт, как в кармане особым сигналом загудел мобильный телефон. Это не было вызовом, его просто оповещали, что нужно подняться в комнату спецсвязи. Сарториусу что-то срочно понадобилось, и он нарушил им же установленный график.

Голос «биг босса» звучал ровно, но Келли, регулярно общавшемуся с ним несколько лет, показалось, что он в достаточной мере возбужден или расстроен. Аппаратура была очень хороша и передавала тончайшие оттенки не только голоса, но и дыхания. А вдалеке слышалось что-то похожее на шум прибора. Эту деталь Келли на всякий случай отметил.

— Дональд, как у вас обстоят дела?

Келли начал было докладывать в подробностях, хотя за сутки мало что произошло, кроме расписанных по пунктам и согласованных пропагандистских мероприятий. Ну, еще и кое-что, связанное с «трагической гибелью» Кэтлин Мэйден. Полиция на самом деле ничего не могла раскопать, намекающего на теракт или отрицающего таковой. Контрразведка — тем более. Их в основном учили подгонять факты под заранее утвержденные выводы, а по куче исковерканных обломков, все еще полностью не поднятых со дна реки, определить причину катастрофы — не их профиль. Там авиаинженерам, экспертам-трассологам, пиротехникам и паталогоанатомам месяц нужно только на предварительные исследования. И то при условии, что не будет хорошо спланированного противодействия.

Зато пресса и телевидение захлебывались. «Русский след» был объявлен сразу, теперь в ход шли архивные материалы про все подобные деяния царской разведки, ВЧК-ГПУ-НКВД-МГБ (названия все звучные, непонятные, как раз во вкусе обывателя нужной степени возбудимости и внушаемости). На пару дней накала заготовок хватит, а там еще что-нибудь придумаем.

Так и сказал Келли Сарториусу. И еще добавил, что его несколько удивляет полная индифферентность русской дипломатии и средств массовой информации. Понятно, что в Москве сейчас царит кровавый террор и никакая оппозиция нос из-под веника высунуть не решается, но ведь и официозные, просто лояльные к власти издания молчат, как будто им рты скочем заклеили. Очевидно, такая команда поступила — игнорировать клевету до тех пор, пока власть не сообразит, что же ей делать. По принципу «Любое ваше слово может быть использовано против вас». Или еще проще — «Ноу коммент», да и все.

— Слушайте меня внимательно, Дональд, — медленно и веско произнес Сарториус. — Все отменяется. Вы поняли — отменяется...

— Не понял, — тупо ответил Келли. — Что отменяется? Как? Почему?

— Неужели вам платят деньги за умение задавать сразу так много вопросов? — прозвучал саркастический голос. — Я был уверен — за выполнение распоряжений. Спрашивать — не ваша прерогатива. Но раз вам уже заплачено — повторяю медленно и раздельно: отменяется — все! Вам следует просто вернуться к своим непосредственным обязанностям. Не думать больше ни о конфликте

с Россией, ни о кампании против президента, ни о совместных действиях с дамами, которые вам так не нравятся. Лучше всего — вообще обо всем забудьте. У вас есть один прямой начальник — президент Соединенных Штатов. С этого момента — вы его верный слуга. Почти как мой. Исполнять все, что он прикажет. Вы поняли — все! Вежливость, компетентность, послушность, лояльность. Это отныне ваш девиз. Ничьи больше указания, мнения, посулы и угрозы вы не должны принимать во внимание. Ничьи — генпрокурора, верховного судьи, Папы Римского. Кроме моих, конечно, и лиц, мною специально уполномоченных. Запомните пароль и отзыв. Когда его услышите — считайте, что перед вами я собственной персоной.

А то, что вы договорились о встрече с Паттерсоном, — вдруг сменил тему «босс», — это правильно. Поезжайте немедленно и объясните ему то, что слышали от меня. Никакого конфликта нет и не ожидается. У председателя комитета начальника штабов есть один Верховный главнокомандующий — президент. Только его прямые указания, отданные в письменном виде генералу, следует исполнять. Находящиеся в пределах трехчасовой досягаемости от Вашингтона мобильные части привести в состояние повышенной боеготовности. На случай не войны с Россией, а внутренних беспорядков, которые могут спровоцировать безответственные элементы. Свой годовой оклад содержания генерал Паттерсон в виде премии за беспорочную службу получит на свою «личную» карточку в течение ближайшего часа. Объясните ему это. Надеюсь, он вас поймет правильно и нам не придется случайно потерять столь ценного и авторитетно-

го специалиста. Ваше жалованье от моего Фонда с этого момента удвоено. Я доступно объяснил? Повторять не надо?

— А как же?.. — Вице-президент не удивился, что «хозяин» уже знает о только что состоявшемся разговоре с генералом. Это было в порядке вещей. Он хотел спросить, что делать с редакторами и владельцами средств массовой информации, работающими сейчас, что называется, на износ, использующих все самые грязные и недопустимые что с юридической, что с профессионально-этической точки зрения приемы. Но такая им на днях пришла команда, отменяющая все законы и принципы, кроме безоговорочного исполнения приказа.

Собеседник на той стороне провода понял, что беспокоило Келли. Не придется ли ему отвечать за чужие грехи. Средства массовой информации до сих пор принято считать «четвертой властью», неподконтрольной даже и президенту, не говоря о «вице». Что это давно не так — кому положено знают. Но вдруг, случайно, кто-то из медиамагнатов забыл об этом ненадолго?

— Не ваша забота. Все, кому положено, получают соответствующие инструкции. Вам понятно? — снова переспросил Сарториус.

— Понятно, — проямлил в трубку Келли, абсолютно ничего не понимая, но твердо зная, что когда «босс» говорит подобным тоном, нужно исполнять, не задумываясь. Прикажет немедленно прыгнуть вниз головой с крыши небоскреба — придется прыгать, уповая на то, что это тоже элемент «общего плана» и его подхватят в воздухе и переправят в нужное место. В худшем случае он просто разобьется вдребезги об асфальт, тротуары или

крыши проезжающих внизу автомобилей. Но хоть смерть будет быстрая и куда менее неприятная, чем то, что ждет его в случае неповиновения.

С лицами, допущенными к высшим тайнам, проводились инструктивные занятия, на которых разъяснялись все выгоды от ревностного несения службы и отрицательные последствия нерадивости, злоупотреблений своим новым положением и прямого предательства.

Выгоды были более чем очевидны — пожизненно гарантированная карьера (правда, лишь та, что будет predeterminedена свыше), иммунитет от любых возможных в жизни государственного деятеля или бизнесмена недоразумений и случайностей, заоблачные оклады, премии, бонусы и иные блага жизни.

Например, только что, судя по словам Сарториуса, Келли стал богаче на сто миллионов долларов. Причем сумма эта не облагалась налогами и не должна была попасть в поле зрения каких угодно контролирующих органов — хоть финансовой разведки, хоть Комитета по этике государственных служащих и выборных лиц. Этой трансакции просто не увидят, как не увидят и того, каким образом используются средства со специальных счетов специальных лиц.

Значит, сейчас же придется с неукротимым энтузиазмом и беззаветностью поворачивать руль на сто восемьдесят градусов. Хорошо, что лично ему это особых трудов не составит. Он не успел совершить никаких необратимых действий, и даже таких, за которые ему пришлось бы не отвечать даже, а просто оправдываться, хотя бы в узком кругу соратников по гольф-клубу.

А очередной этап грязной работы опять будут исполнять другие. Нелегко придется «акулам пера, гиенам эфира и шакалам ротационных машин», как некогда обозвал сотрудников американской прессы какой-то советский журналист-международник еще во времена «холодной войны». Но если «босс» сказал, значит, сориентируются и сделают, что надо, улыбаясь и элегантными движениями стряхивая дерьмо с лацканов белоснежных смокингов.

Генерал Паттерсон уже ждал вице-президента в отеле с действительно милитаристским названием «Мост Ватерлоо»¹. Пусть владелец имел в виду не место знаменитого сражения, а всего лишь фильм, в котором играла несравненная Вивьен Ли, любившая останавливаться здесь, бывая в Вашингтоне. В качестве музейной достопримечательности посетителям показывали ее туалет площадью пятьдесят квадратных метров, где унитаз и биде располагались в зарослях тропических растений зимнего сада, а стены покрывали триста расположенных под разными углами зеркал.

Генерал, несмотря на вежливое приглашение портье, на экскурсию в туалет не пошел. Сразу поднялся в названные Келли апартаменты и сейчас широкими шагами мерил холл между выходящими во внутренний дворик окнами, застекленными от пола до потолка, и обширным кожаным диваном, перед которым на журнальном столике расторопный стюард уже расставил кофейные приборы, пепельницы, графин виски и вазу со льдом.

¹ «Мост Ватерлоо» — военная мелодрама (США, 1940 г.). В главных ролях Вивьен Ли и Роберт Тейлор.

— Что у вас случилось? — недовольным голосом спросил Паттерсон вице-президента. Ему не нравилось все происходящее — и эта конспиративная встреча, словно скопированная из дешевого шпионского фильма, и тот разговор, что состоялся на заседании Совета безопасности с президентом, и бессмысленная круглосуточная работа штабистов, за которую он их засадил с заданием скомбинировать из многих, накопленных за десятилетие планов, начиная с пресловутого «Дропшота»¹, вариант хотя бы теоретически выигрышной войны против России. Превентивной, разумеется, и с абсолютно невыполнимым граничным условием: «Без использования оружия массового поражения».

Потом, когда все кончится (как обычно — пшиком!), эти разработки, итоги «мозгового штурма» трех десятков шизофреников, в которых приличные в общем офицеры были превращены приказом Паттерсона, можно будет направить на конкурс самых идиотских исследований и открытий. На соискание «Шнобелевской премии».

— Налейте-ка по стаканчику, — предложил генералу вице-президент. — Вам понравится то, что я скажу...

Генерал послушно разлил в стаканы виски на три пальца. Старый вояка все же, хотя и не слышал в своей жизни ни свиста направленных в него пуль, ни разрыва снарядов. Разве что на полигонах. Так служба сложилась.

— За что пьем? Русские согласились на безоговорочную капитуляцию? — без усмешки, но

¹ «Дропшот» — разработанный в 1949 г. план войны США против СССР в случае его нападения на «свободный мир» «после 1 января 1957 г.».

подпустив в голос нужную интонацию, спросил Паттерсон.

— Примерно. Только — мы согласились!

Паттерсон сначала выцедил дымно пахнущий маслянистый напиток, похрустел кусочком льда.

— Еще раз, пожалуйста. То же самое, но помедленнее и конкретнее.

— Капитулируем мы. Поступило указание свернуть все намеченные мероприятия, прекратить кампанию в прессе и, как я догадываюсь, начать с русскими переговоры о новой «Разрядке» (это слово вице-президент произнес по-русски. Если не о всеобщем и полном разоружении.

— От кого поступило? — глупо спросил генерал. Это звучит слишком литературно, но у него и челюсть отвисла, и глаза полезли из орбит.

«Как бы удар не хватил», — обеспокоился Келли. Но генерал молча хлопнул еще одну добрую порцию виски, три раза подряд пыхнул сигарой и приобрел прежний элегантный и респектабельный вид.

— Так от кого?

— Как будто я знаю, — хмыкнул Келли. — Возможно — прямо от Господа Бога...

— Не от президента?

— Шелтон, меня слегка удивляет ваша наивность, — сказал вице-президент, указывая на диван. — Давайте присядем. Стоя пить — дурной тон. Мы же не в салуне. Когда в Америке президент что-нибудь решал? После Рузвельта, конечно.

— Кеннеди, — блеснул Паттерсон эрудицией.

— Недолго, — мельком отметил Келли. — Команда поступила оттуда, где все всегда решается. В том числе — «Быть или не быть».

— Кому?

— Это — когда как. В нашем случае — всей этой симпатичной зелено-голубой планетке. Всегда мечтал посмотреть на нее из космоса, да, видно, уже не придется. Годы не те.

— Не отвлекайтесь, Дональд. Я изнемогаю от любопытства и жажду подробностей. А то жизнь последнее время начала казаться мне пресноватой...

— Тогда слушайте и не перебивайте. Вам, взрослому человеку, не нужно объяснять, что подарки под рождественскую елку ночью кладет не Санта-Клаус, а кто-то совсем другой. Но подарки от этого не перестают быть подарками. В нашем с вами случае тот, кто распределяет подарки, может завернуть в красивую бумагу некоторое количество пластика. Количество зависит от того, насколько серьезной сочтена ваша вина. Иногда отрывает только пальцы, иногда на воздух взлетает весь дом. Чтобы этого не случилось, нужно вести себя очень хорошо и правильно и ни в коем случае не огорчать... Ну, пусть все же его зовут Санта-Клаус.

Генерал помотал головой, показывая, что ничего не понимает, но спорить с собеседником не собирается. Готов слушать дальше.

— В нашем с вами случае где-то там, — Келли неопределенно покрутил рукой с растопыренными пальцами в воздухе, — в Лапландии, наверное, решили, что наш президент — лучший из всех президентов, бывших и будущих. Мы должны ему служить, его защищать, ему поклоняться, если прикажут...

Его прервал сигнал телефона Паттерсона, сообщающий, что пришло какое-то СМС-сообщение. Генерал нажал кнопку, посмотрел на экран, и брови

у него полезли вверх, стремясь соединиться с нижней границей волос.

— Что там у вас? — осведомился Келли. — Не сообщение ли из вашего банка?

— Откуда вы знаете?

— Просто попытался угадать. Сколько?

— Полмиллиона ровно. И что мне теперь делать с налоговой инспекцией и Комиссией по этике?

— Наплевать. Распоряжайтесь этой суммой как ни в чем не бывало. Наверное, господин президент со вчерашнего дня повысил вам оклад жалованья. Видите — Санта-Клаус пока нами доволен. Не будем его разочаровывать и в дальнейшем. Если вы вздумаете сомневаться в тех поручениях, что я буду вам передавать от его имени, очень велик шанс, что на Арлингтонском кладбище прибавится мраморных табличек. Но не будем больше о грустном. Вы принимаете условия игры?

Генерал посопел носом, пыхнул сигарой, сделал очень большой глоток из предупредительно наполненного вице-президентом стакана.

— Я всего лишь генерал. У меня есть Верховный главнокомандующий. Меня с первых дней в училище сержанты отучили даже задумываться над смыслом получаемых приказов. Эта привычка оказалась очень полезной в дальнейшем... — Генерал с любовью и гордостью покосился на звезды, украшавшие его погоны. — Мой ответ вас устраивает, Дональд?

СОДЕРЖАНИЕ

Глава первая	5
Глава вторая	42
Глава третья	75
Глава четвертая	112
Глава пятая	154
Глава шестая	183
Глава седьмая	224
Глава восьмая	267
Глава девятая	300
Глава десятая	340
Глава одиннадцатая	377

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание
РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

Звягинцев Василий Дмитриевич

ФАЗОВЫЙ ПЕРЕХОД
ТОМ 1
«ДЕБЮТ»

Ответственный редактор *Д. Малкин*
Редактор *Е. Самойлова*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *М. Печковская*
Компьютерная верстка *Г. Дегтяренко*
Корректор *Е. Захарова*

ООО «Издательство «Э»
123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86.
Өндіруші: «Э» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Зорге көшесі, 1 үй.
Тел. 8 (495) 411-68-86.
Тауар белгісі: «Э»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107.
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.
Сертификация туралы ақпарат сайтта Өндіруші «Э»

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э»

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 08.02.2016.
Формат 84x108 1/32. Гарнитура «Baltica».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,84.
Тираж 10 000 экз. Заказ 1143.

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

В электронном виде книги издательства «Э» можно приобрести на www.litres.ru

ЛитРес:
ОДИН КЛИК ДО КНИГ

Оптовая торговля книгами Издательства «Э»:
142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел.: 411-50-74.

**По вопросам приобретения книг Издательства «Э» зарубежными
оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж**
*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department for their orders.*

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел.:**
+7 (495) 411-68-59, доб. 2261.

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса:**
142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс: +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

Полный ассортимент книг издательства для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел.: (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: 603094, г. Нижний Новгород, ул. Карпинского, д. 29,
бизнес-парк «Грин Плаза». Тел.: (831) 216-15-91 (92/93/94).

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел.: (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел.: (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел.: +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел.: +7 (383) 289-91-42.

В Киеве: ООО «Форс Украина», г. Киев, пр. Московский, 9 БЦ «Форум».
Тел.: +38-044-2909944.

**Полный ассортимент продукции Издательства «Э»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».**
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.
Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД»,
Невский пр-т, д. 46. Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru/

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14.

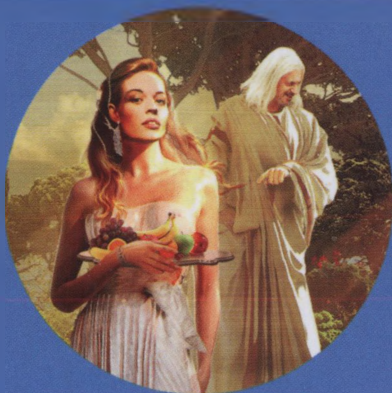
ISBN 978-5-699-87675-4

9 785699 876754 >

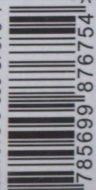
РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

Фазовый переход

И вечный бой... Это про них. Про основателей «Андреевского братства» и тех, кто поверил и пошел за ними по мирам, временам и реальностям. Стоило операции на «Земле-2» подойти к своему завершению и группе рейнджеров во главе с Андреем Новиковым и Александром Шульгиным принять решение о возвращении «домой», как выяснилось, что причиной главных катаклизмов были не только и не столько атаки дуггуров, сколько вмешательство таинственной третьей силы. Так что «отпуск» обещает быть кратким и насыщенным — время не ждет, как не ждут и события, запущенные однажды волей тех, кто смог взять на себя, как бы это громко ни звучало, ответственность за судьбу человечества.

ISBN 978-5-699-87675-4

9 785699 876754